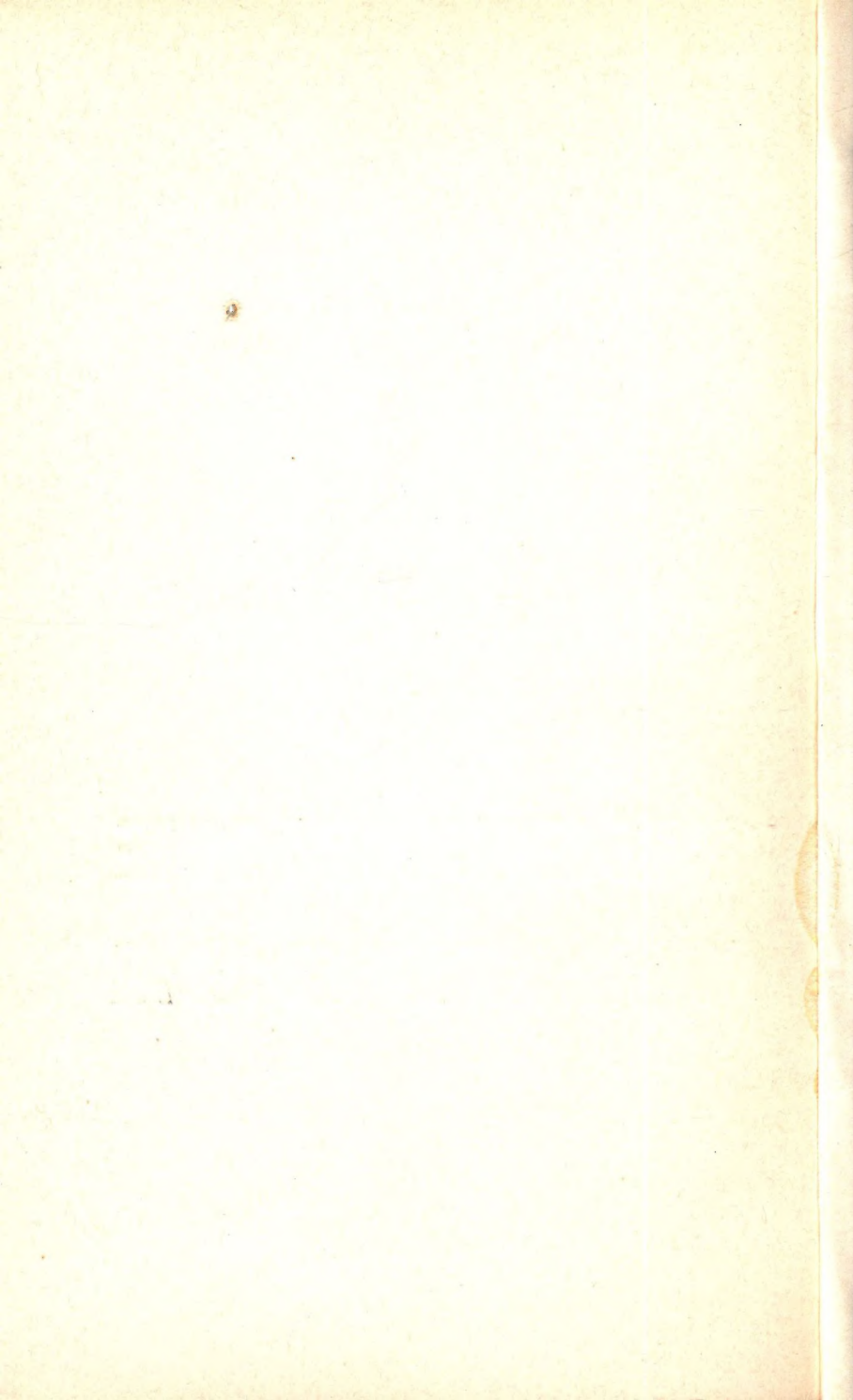

С. Ниринг

СВОБОДА

**ОБЕЩАНИЕ
И УГРОЗА**

Scott Nearing

***FREEDOM:
PROMISE AND MENACE***

A Critique on the Cult of Freedom

Social Science Institute
Harborside, Maine

Скотт Ниринг

СВОБОДА:
ОБЕЩАНИЕ И УГРОЗА

Критика культа свободы

Перевод с английского

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
АКАДЕМИКА Ф. В. КОНСТАНТИНОВА

Издательство «ПРОГРЕСС»
Москва, 1966

Редакция литературы по вопросам философии и права

1—5—1

12—66

От редактора

Скотт Ниринг — известный прогрессивный американский социолог и публицист, автор ряда работ по актуальным проблемам социологии, общественной жизни. По характеру своего мировоззрения он примыкает к таким прогрессивным мыслителям и честным ученым, как Дирк Дж. Стройк и Корлис Ламонт, которых хорошо знает советский читатель.

С. Ниринг много прожил и много видел. Он свободен от груза бесчисленных предрассудков и предвзятых идей, во власти которых находится еще большинство официальных социологов и публицистов. Эти предрассудки и ложные идеи мешают им видеть окружающий их мир общественных отношений.

С. Ниринг — честный гуманист, который всем своим существом ненавидит войны, насилие монополий американской военщины, попирающей свободу и суверенитет народов. Ему свойствен трезвый, реалистический взгляд на капиталистический мир, в котором он живет. С этим автором советский читатель впервые познакомился в 1956 году, когда Издательство иностранной литературы выпустило книгу «США сегодня», написанную им совместно с Элен Скотт Ниринг.

Настоящая работа посвящена критике так называемого «свободного мира», разоблачению фальшивых фраз о свободе, которыми прикрывают властители капиталистического мира, и прежде всего США, свою разбойничью политику — политику бесстыдной эксплуатации, грабежа и насилия.

В своей книге С. Ниринг объясняет, почему он избрал эту тему. «В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, — пишет С. Ниринг, — современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: «цивилизованный», «христианский», «западный», отвергнув их по причине неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове «свободный», услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни» (стр. 73—74).

Со страниц печати, из радиорепродукторов, с экранов телевизоров, с трибуны американского конгресса, в посланиях президентов, в нотах и обращениях министров из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день раздаются фальшивые речи о «свободном мире», о борьбе за свободу, за свободу предпринимательской деятельности, о свободе найма рабочей силы,

свободе эксплуатировать, о свободе творить насилие, разбойничьи войны, вроде грязной войны во Вьетнаме, подавления прогрессивных сил в Конго и Доминиканской Республике. Нет сегодня таких злодеяний и преступлений, которые не прикрывались бы священным для народов словом и лозунгом «свобода».

Вот почему С. Нириг взялся за исследование проблемы о свободе. Автор с различных сторон анализирует сам термин, понятие «свобода» и рассматривает борьбу народов за свободу в эпоху Возрождения, эпоху буржуазных революций против крепостничества, оков феодализма. Во всех этих революционных битвах лозунг «свобода» собирал под своим знаменем миллионы борцов против тирании и деспотизма. И как новые властители, эксплуататоры новой формации, пришедшие к власти под знаменем свободы, стали попираť эту свободу и устанавливать над ней ограничения.

С. Нириг не марксист. Он нигде не обращается к произведениям Маркса, Энгельса, Ленина. Но, вскрывая экономические, социальные корни политики капиталистических монополий, корпораций, империалистических государств, С. Нириг дает вполне научное, материалистическое объяснение этой политики грабежа и насилий. Видно, что он знаком с марксистской литературой. Возможно и то, что в стране «свободного мира» — США — не так уж безопасно цитировать Маркса и Ленина, да и могла ли бы в таком случае увидеть свет его книга?

И всё же, как ни близок по своей направленности к марксизму труд С. Нирига о свободе, ему в ряде моментов не хватает диалектического подхода к рассмотрению проблемы отношения свободы и необходимости. В гносеологическом плане свобода как познанная необходимость, как деятельность со знанием дела, т. е. познание законов природы, общества, и деятельность на основе этого знания делает необходимость свободной, целенаправленной. А где нет необходимости, там не может быть и свободы в смысле деятельности со знанием дела, деятельности, опирающейся на познанную закономерность. Свобода, не опирающаяся на твердое основание естественной и социальной необходимости, — это фикция. Все это для марксиста азбука.

С. Нириг рассматривает свободу и ее антипод — ограничение; он справедливо критикует волюнтаристические взгляды на свободу воли, на проблемы детерминизма и индетерминизма. Правда, в некоторых местах С. Нириг, как нам кажется, иног-

да заходит слишком далеко. Нет абсолютной свободы воли в смысле необусловленности действий и выбора. Но в этих рамках строгого детерминизма все же имеет место относительная свобода воли. Идя дальше этого, мы потеряем границу между детерминизмом и фатализмом. Но фатализм, как и волюнтаризм, одинаково враждебен марксистскому детерминизму.

Самая сильная сторона книги «Свобода: обещание и угроза» заключается в раскрытии экономического, политического и особенно идеологического механизма подавления личности в США и других капиталистических странах; в показе того, как происходит ежедневная обработка умов по радио, телевидению, в церкви, через прессу, С. Нириг разоблачает этот механизм подавления мастерски, убедительно и доказательно.

В книге дается убедительная, аргументированная критика многих рекламируемых на Западе свобод, показывается их фальшивый характер. Яркими являются те разделы книги, в которых обоснованной критике подвергнуты лозунги и иллюзии буржуазного индивидуализма. В ряде мест автор в яркой публицистической форме бичует такие буржуазные «свободы», как свобода предпринимательства, расточительства общественных богатств отдельными людьми, коррупции, преступлений против человечества, разрушений и т. д. На конкретном материале С. Нириг показывает демагогический характер и иллюзорность рекламируемых лозунгов «о свободе», которые скрывают эксплуатацию, накопление богатств в руках кучки корпораций, колониализм, политику подготовки новой войны. История «свободного мира,— пишет С. Нириг,— это длинная цепь ограничений, принуждений и насилий» (стр. 82).

С. Нириг поднимается и до более широких обобщений. Он утверждает, например, что «по мере развития современного общества капиталистическая система дряхлеет, она все чаще дает перебои. В обществе, где властвует подневольный труд, идеологическая обработка масс, принудительное подчинение порядкам, явно защищающим интересы богачей в ущерб обездоленным и бесправным посетителям биржи труда, свобода постепенно превращается в пустой звук» (стр. 64). Автор с глубокой симпатией относится к Советскому Союзу и странам социализма, к их борьбе за мир и общественный прогресс.

Он показывает, правда кратко, преимущества социализма перед капитализмом. К сожалению, С. Нириг, видя классовые противоречия капитализма, говорит о рабочих, об интеллиген-

ций, но ещё не видит в рабочем классе главную революционную силу современности. Поэтому его альтернатива между капитализмом и новым строем, который должен прийти ему на смену. Необходимость коренной трансформации капитализма остается у автора необоснованной. Двусмысленны и положения С. Ниринга о том, будто в первой половине нашего века произошла коренная экономическая и социальная трансформация капитализма.

В XX веке капитализм претерпел серьезнейшие изменения. Капитализм свободной конкуренции перерос в монополистический капитализм, в империализм. Но главные экономические, социальные и политические устои капитализма — частная собственность, отделение производителя от средств производства, господство буржуазии, монополии, корпорации во всех сферах жизни капиталистического общества — сохранились. Сохранилось и господство буржуазной, антикоммунистической идеологии. Это понимает и об этом хорошо пишет С. Ниринг в своей книге. Видимо, фразой о происшедшей социальной трансформации С. Ниринг хотел сказать что-то другое.

Очень хороши страницы книги «Свобода: обещание и угроза» о науке, ее возрастающей роли в жизни и о том, как в условиях капитализма величайшие научные достижения из орудий господства человека над силами природы превращаются в силы разрушения и истребления, из источника прогресса — в силу, враждебную прогрессу.

Вместе с тем надо сказать, что анализ категории свободы у С. Ниринга все же носит еще очень абстрактный характер. Понятие «свобода» берется им, как правило, вне связи с классовой борьбой, вне связи с объективными закономерностями истории, лишь как простая противоположность ограничению действий человека со стороны социальной организации.

Но, несмотря на абстрактное понимание автором свободы, книга С. Ниринга «Свобода: обещание и угроза» представляет большую ценность и безусловный интерес для советских философов и представителей других общественных наук прежде всего потому, что в ней дана обоснованная критика буржуазных лозунгов свободы и многих других пороков капитализма, требующих его замены другим, прогрессивным строем.

Академик *Ф. В. Константинов*

Предисловие

За прошедшее десятилетие рукопись предлагаемого труда претерпела не одну коренную переделку. Ни разу еще, работая в области социальных исследований, мне не приходилось расставаться со своими выводами столь часто и менять их столь решительно. Сама книга возникла как результат изучения социального кризиса, потрясающего на протяжении последних пятидесяти с лишним лет твердыни западной цивилизации. Просматривая источники этого периода, проводя среди них соответствующую классификацию, я буквально на каждой странице сталкивался со словом «свобода». Чем больше литературы проходило через мои руки, чем больше я слушал и размышлял, тем крепче становилась уверенность — концепция свободы играет главную теоретическую и политическую роль в формировании взглядов, в пропаганде той или иной политики.

Когда наступает эпоха изменений, поклонники свободы растут, как грибы после дождя. Слово «свобода» — на устах самых различных людей, в самых различных обстоятельствах. Знамя «свободы» развевалось в годы социальных преобразований французской и американской революций — тогда это был лозунг революционеров; в наш век мирового кризиса лозунг «свобода» используют консерваторы, чтобы добиться поддержки своей реакционной политики. Слово «свобода» до такой степени толкуется вкривь и вкось, что оно уже лишилось какого бы то ни было специфического смысла и стало причиной недоразумений и путаницы.

О свободе за последние годы написано немало. В разных концах земного шара исследователи социальных проблем изучают свободу и обсуждают ее. Они пишут книги, памфлеты, статьи о свободе, ее загадках и перспективах. Почему я решил присоединиться к бесконечному потоку изыскателей? Не потому, что я считаю себя поборником свободы, но потому, что стремлюсь познать природу свободы и ее следствия. В предлагаемом труде я ставил целью показать, что концепция свободы — не набор фраз в устах оратора-краснобая; я стремился очистить ее от шелухи урапатриотизма и слюнявого либерализма; докопаться до социологических корней этого понятия и нащупать истинное место свободы в жизни современного поколения — частных лиц и общественных групп.

Скрупулезному исследованию предмета лично я сам обязан очень многим. Если не считать военные годы с 1915 по 1918, я никогда еще так много не узнавал за столь короткое время. Надеюсь, мои коллеги в области социальных наук воспользуются результатами данной книги. Как бы там ни было, работа над этим исследованием сама по себе доставила мне удовольствие. Я был рад сделать некоторые выводы и к серии, выпускаемой Институтом общественных наук, присовокупить еще один скромный труд.

Часть первая

СВОБОДА КАК ИДЕЯ

1. ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

Свобода и связанные с ней понятия, такие, как воля, независимость, самоопределение, были предметом споров и исследований по крайней мере на протяжении двадцати пяти столетий. В «Очерках о свободе и власти» лорд Эктон писал, что еще стоики призывали своих последователей искать принципы, «долженствующие направлять человеческое бытие и жизнь общества». Тем самым была заложена основа многочисленных последующих исследований свободы в теории и на практике. Со времен Аристотеля, утверждавшего, что рабский труд и война суть нерушимые устои, на которых зиждется свобода для избранных, сама свобода, ее место и смысл изменились очень сильно.

Изучение доставшегося нам наследства следует начинать с четкого разъяснения точки зрения на свободу. Нужно тщательно разобраться в самой сути предмета, ибо философы, теологи, социологи говорили и писали о нем, забыв условиться о точной терминологии. История человеческого познания и поисков полна расхождений по данному вопросу, она пестрит недоразумениями научного, практического, психологического, теологического характера. Если бы каждый термин знал свое место, согласно и пониманию пришлось бы гораздо легче. Когда речь идет о таких общих понятиях и концепциях, как свобода, точность особенно важна.

Там, где в подходе к проблеме и классификации материала возникают серьезные разногласия, каждому

участнику дискуссии нужно выработать собственную терминологию и по возможности придерживаться этой терминологии в процессе доказательства. Тем более в такой сравнительно молодой области, как социология свободы, точность языка и изложения заслуживает наибольшего предпочтения.

Работая над темой, я нашел немало определений свободы. Они охватывают широкие сферы мышления и мировоззрения. Нам надо решить и выбрать несколько наиболее подходящих определений из этой массы.

Авторы и мыслители часто рассматривают свободу в качестве отношения человека к своей работе, жизни и окружающему миру. В «Философии закона» Иммануил Кант вводит слово «свобода» для обозначения независимости от чужой принудительной воли, поскольку это не вступает в противоречие с общим понятием свободы. Другое популярное определение сводится к следующему: идея свободы несовместима с ограничением и принуждением. Более специфическое толкование свободы встречается у Лаймэна Брайсона в книге «Наука и свобода»¹. Он считает, что свободен тот, кто обладает достаточным и широким выбором, чтобы не стоять на месте, и делает жизнь разнообразной. По Уолтону Гамильтону, свобода — это путь беспрестанного совершенствования человека². Платон, Спиноза и другие философы ставили знак равенства между свободой и некой ступенью мудрости, которая выводит человека по ту сторону земных желаний. Конфуций и его многочисленные ученики в поисках свободы стремились не отступать от золотой середины.

Американская и английская либеральная мысль связывает свободу с индивидуализмом — успех ждет человека постольку, поскольку он старается быть самим собой; в особенности это относится к его рациональному «я». Сторонники данной теории полагают, что свобода приходит тогда, когда исчезают или сглаживаются всякого рода препятствия. Гарольд Ласки вывел три первоосновы свободы: гармоническое равновесие личности, отсутствие ограничений, возможность проявить себя³.

Примечания даны в конце книги.

Хорас Каллен считает, что свобода несет в себе не положительный, а отрицательный заряд, не созидающее, а разрушающее начало — она сметает с пути человека религиозные, гражданские, личные и политические барьеры и преграды, все, что сковывает мысль и мешает делу⁴. Согласно Ричарду Маккеону, поступки свободного индивидуума не вступают в конфликт с его натурой; свобода в этом случае противопоставлена принуждению, навязанному извне⁵. Луи Лефевр находит свободу там, где человека ничто не сдерживает и никто не контролирует. Исключение составляют власти и действия во имя цели, которая для человека священна⁶. Для Джона Макмэррея свобода — синоним стихийности. В ней воплощена заветная мечта человека — жить и действовать без принуждений, внешних и внутренних⁷.

Наконец, в книге «Идея свободы»⁸ Мортимер Адлер, развивая учение логиков, выводит сокращенную формулу, «приемлемую с точки зрения здравого смысла». Его определение включает три компонента: человек свободен, если он может следовать по избранному пути; если он в состоянии воплотить свое решение в жизнь; если он в силах достичь цели.

Вышеприведенные примеры показывают, насколько разнообразен, многолик и противоречив смысл, который философы и авторы вкладывают в концепцию свободы. Они лишний раз напоминают о трудностях, ожидающих тех, кто стремится добиться смысловой точности в этой важной сфере мышления.

Определения свободы, которые даются в словарях, довольно единообразны, хотя диапазон их широк. В «Новом образцовом словаре» Функа и Вэглэлла слово «свободный» означает: «1. Не знающий ограничений — физических, государственных, моральных, уважающий чужие взгляды, желания, склонности или нормы поведения; не знакомый с произволом, деспотизмом или подчинением; не подчиняющийся контролю извне, или власти; вольный; независимый. 2. В этике — обладающий так называемой свободной волей. 3. В политике — пользующийся политической свободой... например свободная нация. 4. Свободный по наступлении возраста...

в 21 год человек свободен. 5. Пользующийся неприкосновенностью... например свободный город. 6. Освободившийся от... например от боли. 7. Непринужденный, чуждый условностям. 8. Передовой, радикальный, дерзкий, безрассудный, отважный. 9. Несдержанный, открытый, например открытый канал. 10. Без ограничений, или платы, например свободные места. 11. Щедрый, великодушный, свободно обращающийся с деньгами. 12. Не связанный сюжетом, например свободное повествование. 13. Не привязанный, например свободный конец веревки».

Почти половина страницы заполнена многочисленными значениями слова «свободный». Свобода определена как «состояние или условие для того, чтобы быть свободным: вольность, независимость, неприкосновенность, освобождение».

Большинство вышеупомянутых значений не имеет отношения к нашей теме. Они попали сюда лишь для того, чтобы показать, как много смысловых оттенков у понятия «свобода».

«Словарь синонимов и антонимов» Роже целую страницу отводит синонимам слова «свобода». Среди существительных: вольность, независимость, эмансипация, освобождение, избавление, вызволение из рабства, неприкосновенность, спасение, привилегия, прерогатива, право. Другие синонимы объединяют такие понятия: размах, искренность, покой, смелость, близость, разрешение, автономия, свободный человек, независимый. Помимо существительных, Роже приводит глаголы, прилагательные, наречия, имеющие отношение к идее свободы.

Приводя эти определения, следует обратить внимание на три момента. Понятие свободы связано прежде всего с личным восприятием. Свобода не просто вещь в себе. Как правило, она тяготеет к своей противоположности, например принуждению. Общий акцент на индивидуальном восприятии личности — наблюдателя, мыслителя, создателя или просто человека, пожинающего плоды свободы, — оправдывает новый метод исследования, который во главу угла ставит свободу, как звено в единой цепи понятий.

Анализ того, что означает свобода, сконденсирован в определении, которое встречается на протяжении всей книги. Свобода — это возможность осуществить выбор, принять решение и воплотить его в жизнь, без принуждения и самостоятельно. Свобода невозможна без самоопределения, идет ли речь об индивидууме или социальной группе. Лишь в том случае, если индивидуум или социальная общность людей обладают ничем не сдерживаемой возможностью самовыражения — физически, эмоционально, умственно, духовно, — лишь в этом случае можно говорить о существовании свободы. Такова позитивная, конструктивная и творческая концепция.

Свобода есть производная равновесия и нормальной деятельности. Ее питает здоровая или цельная основа, в равной степени относящаяся к отдельной человеческой личности или к коллективу. Свобода — это возможность быть и стать. Свобода не единообразна, но множественна. В ней заключена физическая, эмоциональная, интеллектуальная и духовная жизнь индивидуума. Свобода охватывает существование основной ячейки — семьи и более широкой общности — города, государства, нации, всего человечества.

2. СВОБОДА ПОДРАЗУМЕВАЕТ ОБОСОБЛЕННОСТЬ

Пожалуй, самое непререкаемое качество свободы состоит в ее обособленности. Свобода подразумевает обособленность: сюда входят подготовка к разъединению или отделению, сам процесс отделения и возникающая независимость, как результат отделения.

Если первый вопрос, поджидающий человека, — «быть или не быть», то второй звучит так: «принадлежать или не принадлежать». Если ты принадлежишь, значит, ты связан. Свобода же подразумевает отделение. У тех, кто связан друг с другом, — один путь. А те, кто сам по себе, идут каждый своим путем. В той или иной степени обособленность присуща существованию каждого человека, она входит в жизнь любого сообщества

людей, которые все вместе составляют человеческую расу.

С момента появления на свет (то есть отделения от матери) перед человеком возникает дилемма — держаться как можно ближе к матери или идти своим путем, расстаться с семьей и попробовать самому строить жизнь. В первом случае к его услугам гарантия обеспеченности, дружеская помощь, любовь. Во втором случае ему предстоит вкусить радость дерзаний, приключений, поисков.

Идут годы, человек взрослеет. Но снова и снова жизнь выводит его на развилку дорог — идти ли с теми, кто говорит о себе «мы» и обещает защиту и помощь, или остаться наедине со свободой и собственным «я», иными словами, что выбрать — солидарность коллектива или собственную предприимчивость. С этой дилеммой можно расправиться, сказав: «А зачем выбирать? Пусть будет и то, и другое». В большинстве своем люди, за исключением самых заядлых индивидуалистов, в течение жизни часто переходят с одной дороги на другую. «Золотая середина» Конфуция рекомендует избегать крайностей. Однако в ряде случаев выбора избежать невозможно. Я имею в виду такие события, как рождение, выбор профессии и товарища, уход из-под родительского крова и начало самостоятельной жизни, создание собственного гнезда, появление детей, получение гражданских прав, вступление в различного рода организации, то есть определение политического пути. В этих случаях нужно делать выбор.

Противоположные силы, движение которых вечно, привлекают и отталкивают. То, что привлекает, сводит воедино, или объединяет. То, что отталкивает, разъединяет, или дробит. В определенных обстоятельствах об этих силах говорят как о центробежных и центростремительных. В обществе они действуют так же, как в природе.

Уже в начале жизненного пути — это относится и к отдельным людям, и к общностям людей — мы постигаем преимущества коллектива. Тем более что человек в младенческом возрасте весьма ограничен в выборе. Появившись на свет, он первое время совершенно бес-

помощен. Не будь заботы и внимания со стороны близких, гибель от голода и сил природы была бы ему обеспечена.

То же самое наблюдается в жизни общества. Люди понимают, что, действуя сообща, или посредством специализации, разделения труда, обмена товаров и услуг, они добьются больших успехов в покорении природы, преумножая тем самым богатства общества. Люди понимают и то, что совместное владение социальными благами составляет дополнительный источник всеобщего благосостояния. Выигрыш совместных действий очевиден. Опасности отделения от коллектива многообразны.

Развиваясь и приближаясь к зрелости, человек не в силах избежать влияния со стороны общества, как бы это ему ни нравилось. Группа или общность людей, к которой он принадлежит, манит обещаниями защиты и спокойствия. В то же время конформизм и возникающая ответственность — неизбежные следствия жизни в обществе — отталкивают человека.

Влечение к независимому существованию отделяет человека от коллектива. Более того, оно восстанавливает его против коллектива, побуждая добиваться собственных выгод, хотя бы в ущерб коллективу, членом которого он является и к которому питает определенную привязанность. Своевольный и анархичный, этот порыв к свободе выносит частное перед целым, натягивая или разрывая узы, связывающие индивидуума с коллективом.

Коллектив, состоящий из индивидуумов, представляет собой организм, в который входят взаимозависящие друг от друга, функционирующие элементы. Капля воды стремится к слиянию с другими каплями, теряя свою индивидуальность в общем потоке, водоеме, море. Что касается человеческих существ, то такое абсолютное слияние с коллективом невероятно или просто невозможно. Каждое человеческое существо — это индивидуум, согласованный и цельный организм. Он не сливается и не может слиться с другими ему подобными существами, хотя и способен к ним присоединиться или отождествить себя с ними. До тех пор, пока на на-

шей планете не остановилась жизнь, человеческое «я» будет ее неперменной принадлежностью. Каждое выражение собственного «я» отличает и до некоторой степени отделяет понятие «я» от понятия «мы».

Поскольку каждый индивидуум — это мыслящее и единственное в своем роде создание, отличное от себе подобных, он обладает качествами, свойствами и интересами, отличными от качеств, свойств и интересов своих собратьев. Будучи членом коллектива, он разделяет общие стремления и интересы. Но как индивидуальность он обладает своими собственными интересами. Даже если личные интересы не противоречат стремлениям всего коллектива и не препятствуют им, они тем не менее отвлекают внимание индивидуума от общественных интересов и поэтому ослабляют коллективные действия и цели коллектива в целом.

Свобода осуществления личных стремлений за счет общественных способна подорвать общественное благополучие и составить угрозу самой его основе. Осуществление личных целей, доведенное до крайнего противоречия с целями общественными, ослабляет, раскалывает и, возможно, даже приводит коллектив к гибели.

Свобода, предполагающая осуществление частных интересов за счет общего благополучия, выделяет, отделяет и в конечном итоге вырастает в стену между тем, кто ищет свободу, и коллективом. Тот, кто стремится к свободе, превыше всего ставит собственные интересы. Он может быть изобретателем, художником, поэтом, ученым. В любом случае он повинуетея «искре божьей», заложенной в его душе. По-видимому, этот человек талантливей многих современников. Следуя зову своего таланта, он пролагает собственный путь сквозь неисследованные дебри, оставляя далеко позади менее удачливых и способных сограждан. Если он и был когда-то верен делу всеобщего благополучия, то теперь он забыл о нем или сознательно проходит мимо общественных интересов, ради того чтобы добиться собственной цели.

Это стремление к собственной цели может привести в качестве одного из первых последствий к забвению ответственности, возлагаемой на своих членов общест-

вом. В лучшем случае талантливый человек соразмеряет зов гения своей души с голосом гражданского долга. В худшем случае он мчится по избранному пути, не давая себе труда серьезно подумать о согражданах, не удостоивая вниманием их чувства и заботы. И все же, как правило, такого человека разъедают сомнения: он мечется между осуществлением собственной цели и верностью коллективной солидарности и ответственности.

Свобода, к которой тянется человек, чтобы обрести самостоятельность, отделяет его от коллектива. Более того, она ставит его над коллективом и даже вне коллектива. Отныне он не принадлежит к серому человеческому стаду. Он покинул его, порвал с ним. Нередко при стечении особых обстоятельств такой разрыв дает обществу руководителя. Если предприимчивость индивидуума находит в обществе отклик, он становится во главе общества. Если, наконец, его руководство оказывается плодотворным, жизнь общества идет по новому пути. А руководителя увенчивают лаврами благодетеля.

Однако такой исход случается редко. Как правило, события приводят к другому направлению. Сложившиеся в течение длительного времени нормы общественно-го поведения с их устойчивыми, выдержавшими испытание временем привычками настолько глубоко проникли в сознание людей, что они просто не способны к переменам, они не хотят перемен и оказывают сопротивление этим переменам, если их навязывают силой.

Более того, человек, вырвавшийся из привычной сферы сложившегося общественного уклада, тем самым стал заметной фигурой, примером для подражания. Иными словами, он бросает вызов своим вчерашним единомышленникам, он зовет их на новый, найденный им путь. Они же бросают ему ответный вызов — призывают вернуться на проторенные, известные дороги. Напряжение нарастает. Возникает столкновение. Коллектив распадается на радикалов — тех, кто соглашается с новыми идеями, новой практикой жизни, и консерваторов — тех, кто настаивает на сохранении освященных и опробованных временем законов и образа жизни.

Подобный конфликт способен привести к расколу в обществе, причем с различными исходами. Сторонники нового объявляют о своей самостоятельности и следуют по собственному пути. Другой исход — поражение радикалов, распад их организации и восстановление статус-кво. И третий — последователи нового оказываются настолько сильны, что становятся во главе общества и создают новые формы общественного строя. Если возникшая трещина не слишком глубока и долговечна, дело может закончиться переговорами и компромиссом между двумя общественными группами.

Требования свободы — вызов существующему общественному порядку. Даже там, где свобода гарантирована законом, люди, стремящиеся к ней, встречают упорное сопротивление со стороны приверженцев существующей системы. Представители старого строя и законных интересов объединяют усилия во имя сохранения статус-кво. Они делают все от них зависящее (соблюдая законность, где возможно, и прибегая к насилию, где необходимо), чтобы отстоять и увековечить существующие институты.

Требования свободы, движения во имя свободы характеризуются противоречивостью. Особенно ясно свобода проявляется в тех случаях, когда одна группа общества стремится продвинуть свои интересы за счет других групп, преодолевая нежелание последних расстаться с установленным порядком. Захват власти и гражданская война нередко завершают эту борьбу противоречивых сил.

Система свободного предпринимательства позволяет враждующим группировкам выставлять требования в ходе конкурентной борьбы. В обществе, в котором стороны не в состоянии прийти к соглашению, начинаются раздоры. Они могут вылиться в забастовку или локаут — конфликт, в котором на одной стороне выступают трудящиеся, а на другой — администрация. Это может быть военный конфликт: гражданские войны в Испании и Китае служат хорошей иллюстрацией такого положения. Общественные беспорядки могут привести к восстанию колониальных народов против империалистических хозяев — в этом случае разворачиваются

серьезные военные операции. Наконец, может вспыхнуть социальная революция. История нашего времени располагает многочисленными примерами вышеперечисленных комбинаций, характерных для экономики свободного предпринимательства и свободных, или суверенных политически, государств.

К каким бы примерам мы ни обращались — к отношениям между обществом и теми его членами, которые добиваются свободы; к соперничеству среди организованных группировок внутри общества или к борьбе одного общества с другим, в которой каждое хочет обогатиться за счет соседа, — одним словом, к каким бы примерам мы ни обращались, картина всегда одна и та же. Идея свободы несет в себе семена перемен, она синоним всего, что требует отделения и самостоятельности. Идея свободы быстро ведет к конкуренции и часто — к столкновению. Требования свободы лишены однородности, они представляют собой изменчивые силы. Свобода, к которой стремится человек или какая-то общность людей, охватывает различные отклонения, разделение и, наконец, отделение.

3. СВОБОДА КАК ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

Та частица вселенной, которая стала для нас родной и которую мы знаем лучше всего, представляет собой комплекс разнообразных взаимоотношений. Пожалуй, вернее это будет выразить следующим образом: от малого до великого, от атома до солнечной системы — все слито воедино, все объединяется в единые сущности. Микроскоп, телескоп, спектроскоп сообщают нам, как связаны между собой отдельные части вселенной, доступной нашему взору и наблюдению, что у них общее, что разделяет их.

Полярность (или единство противоположностей) проявляется в природе, обществе, в жизни каждого человека. Положительный и отрицательный заряды образуют между собой электрический ток или электрическую дугу. Наша планета имеет северный и южный полюса. Жизнь у людей складывается благополучно или

неудачно, она приносит радости или огорчения, человек приобретает или теряет. Вся эта терминология: положительный — отрицательный, север — юг, благоприятный — неудачный, радость — горе, определяет комплекс взаимоотношений между противоположностями.

Человеческий опыт и наблюдения сами по себе недостаточны, чтобы выносить о них суждения, ибо все, с чем мы имеем дело — и мысли, и вещи, — не существует само по себе.

То, что заключено в пределы, представляет собой нечто сущее или единое. Но там, где кончаются пределы, заключенное соприкасается с другими сущностями. Соединенные совокупности этих величин образуют новые сущности, но уже больших масштабов. Взаимоотношения, объединение, общение принадлежат к важнейшим особенностям проявления бытия, реальности.

Взаимоотношения, общение, объединение не случайны. Если и встречается элемент случайности, то скорее в порядке исключения. Как правило, взаимоотношения каким-то образом уравнивают друг друга и отличаются определенной последовательностью. В лучшем случае в них заключена направленность и целеустремленность. Вторжение внешних сил, однако, приводит к нарушению или ликвидации установившихся взаимоотношений. В результате противоречивые силы стремятся к новому состоянию равновесия и в конечном итоге приходят к нему. Равновесие существует в человеческом обществе, так же как и в других сферах — физике, химии, механике. В области социальных отношений, как и всюду, равновесие устанавливается между взаимосвязанными силами.

Идея свободы не является исключением из общего правила. Свобода не существует сама по себе, в некоем вакууме, она развивается в переплетении с другими, связанными с ней идеями. Мы уже говорили, что свобода подразумевает разделение или отделение. В определенном смысле означает разрыв установившихся взаимоотношений или отход от сложившихся форм. Она означает раздел, разобщение, раскол. В процессе отделения сложившееся единство приходит к концу. Иначе

говоря, этот процесс завершается не только разделением, но и разрушением.

Свобода может вырасти из отрицания или разрушения, однако это понятие более емкое. Подобно другим категориям, свобода не знает изоляции. Она связана с родственными понятиями, которые могут дополнять друг друга, и с другими идеями, взаимно несхожими. Некоторые из этих последних противостоят идее свободы. Подобно тому как нельзя судить о положительном, забывая об отрицательном, о севере, исключая юг, о выгодах, не знаящих потерь, точно так же нельзя подходить к свободе, отмечая примыкающие к ней противоположные понятия.

В книге «Свобода в современном государстве» Гарольд Ласки делает резюме в одной фразе: «Свобода прежде всего исключает принуждение». Следовательно, свобода в наш современный век — это «чисто негативная категория»⁹. Еще дальше идет Хорас Каллен: «Насколько я знаю, ни один исследователь в области политических или социальных отношений не дал еще определения свободы, как положительного внутреннего свойства, присущего развитию природы, или человеческой жизни... Свобода, по-видимому... не может обойтись без своих противоположностей и врагов, чтобы выработать отличающие ее внутренние качества»¹⁰.

Поскольку свобода имеет различные значения и выступает в различных обстоятельствах и условиях, она включает в себя ряд противоположных понятий. К ним относятся принуждение, контроль, вмешательство, интервенция, урегулирование, обязанность, насилие. Каждое из этих понятий определенным образом связано с идеей свободы: свобода — принуждение, свобода — вмешательство, свобода — урегулирование, свобода — насилие.

Давайте остановимся на взаимосвязи свободы и принуждения. Во-первых, потому, что она наиболее понятна. Во-вторых, это признанная комбинация в большинстве источников и споров. И, наконец, она носит скорее общий, нежели специфический характер. В последующих главах мы попробуем противопоставить свободу и обязанности (право и долг), свободу и ответственность,

сопоставим положительное и отрицательное начала. Проблема прав и долга обычно фигурирует в обсуждении статуса достойного гражданина. Схему же свобода — принуждение мы выбрали по соображениям типичности и удобства. В то же время она не претендует на исключительность; любое из приведенных выше уравнений сослужило бы нам службу почти с равным успехом.

Жизнь, изменение и развитие индивидуумов и целых групп проходят между полюсами противостоящих друг другу сил. Вообразите линию, проведенную через эту страницу. Левый конец линии обозначим знаком «свобода», правый — знаком «принуждение». Линия поделена на двадцать одну часть. На конце слева помечим: «свобода — двадцать, принуждение — ноль».

На конце справа: «свобода — ноль, принуждение — двадцать». В середине: «свобода — десять, принуждение — десять». Каждое деление по прямой символизирует определенную пропорцию или сочетание свободы и принуждения. Слева преобладает свобода, принуждение играет второстепенную роль и на самом конце исчезает совершенно. Справа картина прямо противоположная. Концы нашей линии утверждают два абсолюта — полную свободу и полное принуждение. Эти полярные утверждения и промежуточные остановки вдоль линии образуют взаимосвязанный комплекс различных оттенков отношений между противоположными идеями или силами.

Столкновение двух противоположных сил — свободы и принуждения — мы наблюдаем и в таком случае. Родитель, человек отсталых взглядов, говорит: «Я один властен над своими детьми. И я не пущу их в школу». В ответ он слышит: «Все дети — члены общества. В интересах общества все его члены должны получить официальное образование. Во имя общего благополучия мы приняли закон об обязательном обучении. Согласно этому закону, все дети от шести до пятнадцати лет должны ходить в школу. По этому закону ваши родительские права теряют силу. Вы обязаны пустить своих детей в школу».

Человек требует свободы. Он хочет жить по-своему. А общество настаивает на подчинении с его стороны в

той мере, насколько это необходимо в интересах всеобщего благополучия. В жизни, когда сталкиваются две противоположные точки зрения, между ними возникает расхождение; начинаются переговоры, дискуссии, приводящие иногда к соглашению. Или дело заканчивается непониманием, враждой, напряженностью и конфликтом.

Жизнь общества напоминает жизнь отдельных людей: она развивается в пределах между полюсами свободы и принуждения. Она изменяется в зависимости от хода событий. Не существует раз и навсегда признанных отношений между свободой и принуждением. Точно так же и люди в своей жизни не идут одним-единственным и неизменным путем к полной свободе или полному принуждению. Соотношение свободы и ее антитезы в любой данный момент и в любом данном месте, по-видимому, определяется совокупностью различных течений и взаимодействием общественных сил. Влияние может оказать и появление новых сил — опять-таки в конкретный момент и в соответствующих обстоятельствах.

В этом смысле история США заслуживает внимания. Во второй половине восемнадцатого века в результате торговых ограничений, введенных Англией на Американском континенте, в рядах колонистов начался раскол. Консерваторы защищали право английского правительства на введение пошлин. Республиканцы требовали их уничтожения. Возникший конфликт привел к созданию в бывших колониях системы экономического предпринимательства, свободного от правительственных ограничений. Однако после войны 1812 года стало ясно, что многие свободные американские предприятия не выдержат конкуренции на своем рынке с демпингом британской и европейской промышленности. Тогда сторонники свободного предпринимательства настаивали на правительственном вмешательстве и помощи в форме покровительственных тарифов. Последующие сражения за внутренний рынок убедили американских бизнесменов, что не конкуренция, а объединение способно обеспечить лучшие прибыли. Консолидация в области железнодорожного транспорта и других сферах

завершилась принятием законов, исключающих ограничения в торговле между штатами. На протяжении столетия, с 1815 по 1914 год, экономика США маневрировала между политикой *laissez faire* и политикой правительственного вмешательства и регулирования.

В целом развитие событий за этот период привело американскую экономику к политике больших ограничений за счет ущемления свободы. Мелкие хозяева уступили место объединениям и организации большого бизнеса. В то же время и правительство упрочило свои позиции, как регулятор экономики. Вышеупомянутая трансформация принимала самые различные формы: Методическое, последовательное слияние фирм и предприятий. Правительственные ограничения трестов в духе библейских заповедей и отсутствие таковых в области налогового законодательства.

Социальные потоки совсем не обязательно движутся от малого к большому, от простого к сложному. В течение трех столетий создатели Британской и Французской империй властвовали над землями и народами обеих Америк, Азии, Африки. Это продолжалось до тех пор, пока метрополии Западной и Центральной Европы располагали достаточной экономической и политической мощью, чтобы удерживать в своей орбите огромные пространства земного шара. Применительно к нашей теме можно сказать, что европейские империалисты держали в своих руках экономические и политические судьбы многих колониальных народов Африки и Азии. После 1910 года начался обратный процесс. Движение за свободу и самоопределение увенчалось расчленением европейских монархий. Из осколков бывших империй образовались многочисленные, независимые национальные государства. События тех уже далеких лет подтверждают, что обретшие свободу колониальные народы объединяются в союзы, альянсы, федерации. Они идут по пути тринадцати британских колоний в Северной Америке, которые сначала создали конфедерацию, а затем федерацию под эгидой центрального правительства.

Наш анализ дает основание сделать два вывода. Первый — нельзя понять и раскрыть идею свободы вне

связи с другими идеями, которые нередко противостоят свободе.

Второй — взаимоотношения между двумя противоположными идеями, например свободой и принуждением, находятся в состоянии постоянных изменений. Изменения ведут к нарушению равновесия. Чаша весов склоняется к свободе, затем к принуждению, снова к свободе и т. д. Свобода берет верх над принуждением или уступает место последнему.

4. СВОБОДА КАК ПРИЧИНА

Адвокаты свободы считают ее одной из первопричин, лежащих в основе благополучия человеческого бытия. Самые рьяные утверждают даже, что свобода есть первопричина. «Само восприятие Бытия зиждется на пьедестале свободы, которая первична по отношению к Бытию»¹¹. Свои убеждения они облекают в формулу: свобода превыше всего.

Борьба за право называться свободным, осуществление однажды достигнутых свобод принадлежат к тем важнейшим факторам, которые определили развитие западной цивилизации. Классики политической экономии и сторонники системы свободного предпринимательства утверждали, что при частном владении Фригольдер способен из пустыни сотворить цветущий оазис, в то время как арендатор, работающий на чужой земле, цветущий сад готов превратить в пустыню.

Вне сомнения, экономика свободного предпринимательства сыграла важную, решающую роль в развитии культуры. Она ознаменовала успехи человека в покорении природы, более глубокое понимание социальных пружин и рычагов и умение приводить их в действие, приоткрыла завесу над многими тайниками человеческого характера, расширив пределы человеческих возможностей. Можно пойти дальше и согласиться с защитниками свободы, что освобождение от оков средневековья, вошедшее в историю под именем эпохи Возрождения, или Ренессанса, южной и западной Европы способствовало пробуждению творческого гения итальянцев, голландцев, французов, англичан, появлению ху-

дожников и писателей в этих странах, расцвету изобразительного искусства, архитектуры, поэзии и драматургии.

В недрах каждой эпохи действуют многочисленные факторы различной силы и воздействия. Определить конкретное влияние каузативного момента на такое социальное явление, как, например, европейский Ренессанс, не представляется возможным. Зато не вызывает сомнения, что устранение феодальных препон, перспективы прогресса под эгидой буржуазного владычества явились стимулами, сыгравшими выдающуюся роль в определении столбовой дорожки европейского общества в последующий период.

В своей «Прикладной социологии» Лестер Уорд на ряде фактов показывает, как расширяется сфера приложения человеческих способностей, которые получили выход для своего выражения. Прежде, утверждает профессор Уорд, талант и гений, олицетворявшие уровень культуры на данном историческом этапе, представляли одну десятую населения, ту самую прослойку, которая была избавлена от необходимости вести повседневную борьбу за существование. Дайте людям возможность не думать о хлебе насущном, продолжает автор, и вы увидите, как забьют родники инициативы, которая найдет средства разрешить неразрешимые проблемы, используя малейшую возможность для дальнейшего совершенствования человеческого общества.

Аналогичное утверждение исходит из совершенно иной сферы. В работе «Болезни и цивилизация»¹² доктор Генри Сигерист обращает внимание на плохое здоровье людей. Что порождает болезни? Что мешает людям жить здоровой, нормальной жизнью? Доктор Сигерист ставит один диагноз: «Нищета». Там, где уничтожена нищета, люди чувствуют себя лучше и человек живет дольше.

И еще одна точка зрения. В книге «Политическая экономия развития»¹³ профессор Поль Бэрэн пишет, что две трети человечества являются жертвами отсталости, истощения, скверного питания, нездоровья, болезней, невежества, предрассудков, суеверий. Столь приговорное положение вещей объясняется отсутствием

средств для развития производства, распределения, здравоохранения, образования. По мере того как отсталые страны нашей планеты сбрасывают оковы колониализма, консолидируя необходимый капитал, они приступают к возрождению собственной национальной культуры и жизненных укладов, поднимаясь вперед и выше по лестнице социальных достижений. Человеческое общество в состоянии скинуть смиренную рубашку отсталости, нищеты, если национальные богатства и техническое мастерство станут достоянием и тех народов, которые еще не освободились от колониальной зависимости.

Мы живем в эпоху величайших, головокружительных потрясений; рушатся те жизненные устои, на которых покоилась западная цивилизация. Гигантские экономические, политические и социальные преобразования совершаются на глазах одного поколения — так было в Советском Союзе после Великой Октябрьской социалистической революции; так было в Китае — но уже в течение одного десятилетия после 1949 года; так было на Кубе — здесь понадобился один год после 1 января 1959 года. Одна из самых характерных примет этого революционного процесса состоит в том, что народы вырастают из поношенной одежды социальных институтов, отбрасывая обветшалые, устаревшие порядки. Погруженные доселе в спячку, пассивные, подавленные и эксплуатируемые массы сметают барьеры прошлого и, полные решимости и энтузиазма, засучив рукава, приступают к строительству новой жизни. Энтузиазм народных масс, вторжение народа во все сферы жизни общества пронизывают насыщенную революционными разрядами грозную атмосферу первой половины нашего века. Они подтверждают мысль Лестера Уорда о том, что высвобождение скрытых резервов народной энергии умножает социальные победы.

Поклонники свободы называют ее «дрожжами» прогресса. Свобода XV века вела корабли тогдашних флибустьеров и первооткрывателей, она положила начало экспроприации и европеизации нашей планеты после 1450 года. Свобода от земельной монополии, наследственной аристократии и феодальных ограниче-

ний на торговлю привела к быстрой индустриализации и переделке Северной и Южной Америки и Австралии.

Вне всякого сомнения, перспектива «быстрого обогащения» оказывала волшебное действие на людей. Послушные магическому зову, они срывались с насиженных мест и устремлялись на новые просторы. История Северной Америки между 1700 и 1900 годами убеждает самых заядлых скептиков, что свобода захвата и эксплуатации, азарта и риска в игре за бешеные деньги оказалась не только стимулом: она стала наркотиком сокрушительной силы.

В подобного рода обстоятельствах расширение сферы выбора, принятие решений и воплощение последних в жизнь стали причинными движущими силами исключительной важности, чреватými значительными последствиями.

Признавая стремление к свободе в качестве социальной силы, отмечая некоторые из многочисленных и благоприятных результатов, которыми ознаменовался переход от ограничения к свободе, следует в данном месте настоящей дискуссии остановиться на одной особенности иного толка. Расширение перспективы и последующее усиление свободы имело не только свои преимущества, но и свои теневые стороны.

Сторонники свободы верят в нее, как в божью благодать. «Дайте нам свободу, — требуют они, — и мы станем наслаждаться радостями жизни». Что родило такую веру? Опыт жизни? Неужели всегда свобода ведет к победе на жизненной арене, к обеспеченности и счастью?

Свобода и ограничение на протяжении веков располагались на противоположных чашах социальных весов. Что говорит история о причинной связи между свободой, успехом в борьбе за существование, обеспеченностью и счастьем? Ответ прост. Социальная история — это история ограничений, а не свободы. Одну цивилизацию сменяла другая, но цели у них были одинаковые — богатство и власть. Набираясь сил, человеческое общество умножало бесчисленные табу, не компенсируя их числом свобод. На ранних циклах человеческого развития свобода чувствовала себя приволь-

ней. Но росли богатства, население, жизнь становилась сложнее и многообразнее, увеличивались расходы на производство, и одновременно крепла система ограничений — не только в сфере общественных отношений, но и в частных делах человека. Каждая цивилизация, достигшая зрелости, увеличивала паутину запретов.

К концу XIX века, когда западная цивилизация достигла апогея в накоплении золота и власти, феодальные ограничения уступили место широко разветвленной системе государственного контроля за жизнью людей. Ныне, опять-таки во имя свободы, перед человеком и обществом возникают новые барьеры.

Не существует веских аргументов в пользу того, что переход от ограничения к свободе, будь то в частной жизни или в жизни общества, расширяет перспективы, увеличивает обеспеченность или счастье. Частым повторением своих лозунгов сторонники свободы содействовали ее популярности, воспользовавшись временной поддержкой со стороны значительных контингентов населения. Однако в конечном итоге ограничения перевесили на чаше социальных весов, получив согласие и признание большинства. Если свобода лишь время от времени добивалась популярности, то неодолимое стремление к обеспеченности, успеху в борьбе за существование приводило не к расширению числа свобод, а к поискам более надежных табу. Короче говоря, свобода несет в себе отрицание свободы, в победе — поражение. Осуществление свободы способно привести к результатам, противоположным тем, которые предвкусывали и на которые рассчитывали поклонники свободы.

Свобода не является постоянной или надежной основой благополучия. Бывает, что люди и общество ищут счастье и блага в укреплении свободы. Но наступают иные времена и тяга к ограничению превалирует над стремлением к свободе. Временами свобода расширяет перспективы. А затем воплощение идей свободы в жизнь ведет к ограничению и принуждению. Напрасный труд искать простую и верную формулу, вроде — «чем шире свобода, тем прочнее счастье и благополучие». Большая свобода сама по себе еще не есть залог больших преимуществ для большого числа людей.

5. СВОБОДА КАК СЛЕДСТВИЕ

Свобода явилась одной из причин, обусловивших развитие современного общества. Она же принадлежит к числу следствий этого процесса.

Свободу в век машинной индустрии рождает не природа. Напротив, в самой природе, по всей вероятности, царят законы, оставляющие не слишком много места для различных отклонений и вариаций. А там, где кончаются заповедники закона, вступает в силу безжалостный регламент естественного отбора. Законы природы, рожденные в недрах тысячелетий, в основном действуют и поныне: целое подчиняет себе части, приводя их в действие там, где положено. Общее превалирует над частным. Природа в целом не свободна, но обусловлена.

Не много сыщется фактов, подтверждающих, что любовь к свободе — врожденное свойство нашей натуры. Большинство людей, по свидетельству истории, были рабами, крепостными, вассалами или арендаторами. Они поступали не так, как им хотелось, а так, как приказывали им владельцы и хозяева. Если к целям господства и подчинения мы прибавим еще узы традиций, привычек и обычаев, то окажется, что большинство людей так или иначе связаны, но никак не свободны. Джон Дьюи в книге «Свобода и культура»¹⁴ пишет, что население США, которое во время Томаса Джефферсона было сельским и занималось сельским хозяйством, в дни Томаса Эдисона стало промышленным и городским. Лишь несколько чудаков пробовали протестовать против подобной эволюции жизненного уклада в масштабах целой нации. Человеческая натура приспособилась к новому образу жизни, ибо люди охотно соглашались с тем, что ожидает их, лишь изредка выражая недоумение, проявляя недовольство и оказывая сопротивление. Человечество предпочитает комфорт и покой борьбе и свободе.

Некоторые теории утверждают, что есть свободы, которые опираются на «естественные права». Например, часто называют «естественным» право человека уйти и прийти: человек способен передвигаться по зем-

ной поверхности с помощью данных природой приспособлений, то есть ног. Передвижение в наше время — по земле, воде, в воздухе и в космосе — есть результат не естественного человеческого наследия, но прежде всего следствие развития социальных отношений и достижений.

Свобода — дело рук человеческих; она являет собой следствие усилий общества, стремящегося раздвинуть пределы деятельности для своих членов. Любой человек волен отправиться поездом или самолетом из Нью-Йорка в Чикаго, коль скоро будут соблюдены все формальности и приобретен билет. Однако эта свобода передвижения зависит вовсе не от природы и не от человеческой природы, а от усилий общества. Два города разделены расстоянием в тысячу миль. Чтобы покрыть это пространство за несколько часов, потребовалась целая совокупность всевозможных условий и средств — железнодорожные линии, станции, аэродромы, поезда, самолеты, топливо, обученные экипажи. Чтобы сделать возможной такую поездку, множество людей приложили свои руки. Суммарный итог затраченных усилий делает возможным быстрое и надежное путешествие из Нью-Йорка в Чикаго. Свобода совершения подобной поездки представляет следствие конкретных специализированных и взаимозависимых действий многих людей. Общество обеспечило эту свободу, но оно вольно аннулировать ее. Свобода передвижения, если не говорить о свободе передвижения «на своих двоих» или верхом, в значительной степени есть результат социальной организации и деятельности.

Свобода человека в современную эпоху в огромной степени является следствием планов, усилий, деятельности многих людей, всего общества. Прежде всего стоит упомянуть о тех нормах жизни и жизненных комплексах, которые выработал человек на протяжении многих поколений. Далее, каждое поколение обязано позаботиться о системе образования — необходимых средствах и соответствующих кадрах. Свободы, которыми пользуются люди и общество, не рождаются в воздухе или природе. Напротив, они вытекают из целенаправленной индивидуальной или общественной деятель-

ности, мастерства, знаний, согласованности и взаимодействия.

Эта точка зрения пользуется большой популярностью среди теоретиков и авторов по проблемам свободы. Эктон говорил, что свобода — это «лакомый плод зрелой цивилизации»¹⁵. Гарольд Ласки утверждает, что свободу порождает социальная обстановка, в особенности система образования и вмешательство государства в частную жизнь граждан¹⁶. По мнению Герберта Дж. Миллера, свобода есть продукт сознательных и культурных традиций, деятельности и практики¹⁷.

Свобода есть продукт групповой организации и деятельности, другими словами — социальное явление. Свобода является также результатом борьбы внутри той или иной общественной группы. Рассматривая вопрос в историческом разрезе, мы видим, что те элементы общества, которые, не зная сомнений и жалости, шли к достижению своих целей, занимали ключевые позиции: прибирая к рукам землю, капитал и т. д., они тем самым получали возможность повелевать своими ближними и эксплуатировать их. Свобода хозяина эксплуатировать подчиненных по-прежнему составляет основу внутренних взаимоотношений в любом обществе частной инициативы. Подобным же образом завоеватели наслаждаются плодами свободы в ущерб побежденным соперникам, а колонизаторы — за счет коренного населения.

Свобода в современную эпоху представляет собой отчасти результат цикла развития, положившего на Западе начало дискуссиям по проблемам свободы, многочисленным теориям и практике, которые продолжались в течение двух минувших столетий и получили дальнейшее распространение на Азиатском и Африканском континентах. Это движение за политическую, экономическую и социальную свободы начало набирать силу и размах с середины XVIII века. Это движение питали: 1) разум, пришедший на смену традициям; 2) поиски, исследования, открытия, изобретения; 3) более широкое использование природных ресурсов и переделка общества; 4) повышение производительности труда с последующим прогрессом в производстве, на-

коплениях, образовании, отдыхе, расширении перспектив для все больших контингентов людей; 5)... с увеличением количества, разнообразия, выбора.

Человеческую свободу в современную эпоху определяют четыре главных фактора:

1) Борьба за существование и непрерывность. Если бы человеческая жизнь продолжалась в течение одного поколения, она в основном свелась бы к борьбе за существование. По сути дела это было бы существование в джунглях. Сложившийся жизненный уклад, выстоявший на протяжении поколений, обогащенный временем, расширяет перспективы жизни, раздвигая тем самым пределы выбора.

2) Второй социальный фактор, определяющий роль и место свободы, заключается в социальном равновесии, разумном и устойчивом. В таком обществе течение жизни допускает минимум трений, напряженности, столкновений. Осуществление свободы зависит от высокой степени социальной устойчивости и уверенности — это истина, не требующая доказательств.

3) Существование свободы зависит от деятельности руководителей, сознающих свою ответственность, и их подчиненных и последователей, хорошо организованных, привычных к эффективному коллективному труду. Существуют и такие свободы, которые зависят от правильной деятельности нескольких или многих опытных людей, работающих в согласии, знающих каждый свой непосредственный участок. Ликвидируйте эти условия, и шансы на свободу сократятся.

4) Четвертая социальная основа свободы заключается в присущем людям и обществу внимании к поддержанию нормальной жизнедеятельности общества, стремлении изжить бюрократизм, ликвидировать nepотизм и прочие формы фаворитизма и кумовства, уничтожить взяточничество, развивать широкую личную заинтересованность в эффективном социальном аппарате, поддерживать высокий уровень сознательности и острое чувство социальной ответственности.

Социальное равновесие, достигаемое с минимальными издержками, ответственная деятельность руководителей и рядовых членов в опытных, спаянных, квалифи-

цированных коллективах плюс неусыпное внимание и сознательное согласованное стремление догнать или перегнать с помощью социального и экономического планирования гарантируют социальную жизнеспособность, прогресс и переход в планировании и практике от ограничения к большей индивидуальной и общественной свободе.

Свобода — следствие коллективной решимости подчинить силы природы, контролировать их и управлять ими. Использование природных ресурсов зависит в значительной степени от хорошо налаженного и устойчивого социального устройства и социальной деятельности. Свободу человека оплачивают также прирученные, или домашние, животные. Человеческая свобода — не производное природы, а следствие индивидуальной и коллективной деятельности. Подъем свободы и ее ограничение зависят прежде всего не от природы, а от согласованных, продуманных действий членов человеческого общества.

6. СВОБОДА КАК ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Со времен Джона Локка и Джона Мильтона до последователей Джона Стюарта Милля и Мортимера Адлера многие теоретики-профессионалы и любители беспрекословно следовали утверждению, что свобода есть самоцель. В недавно опубликованной книге, принадлежащей к числу наиболее значительных в этой области, «Проблемы свободы»¹⁸ есть глава «Цели свободы». В ней автор, Герберт Дж. Миллер, начинает с мысли, что ценность свободы самоочевидна, что свобода — вещь в себе. Подобные рассуждения отводят свободе место среди таких категорий, как достижение истины, гармонии, красоты. Выражение «жизнь, свобода и стремление к счастью» ставит свободу на одну полку с понятиями существования и благополучия.

Сохранение жизни можно рассматривать в качестве самоцели, хотя оно и не существует само по себе, но представляет совокупность человеческих стремлений. То же самое относится к понятиям счастья и полезно-

сти. Они представляют собой части обдуманной и наметенной цели. Жизненность и счастье хороши сами по себе, точно так же, как истина, гармония и красота. Жить и наслаждаться жизнью — естественное состояние человеческого бытия. Истина, гармония и красота носят универсальный характер. Можно жить и испытывать счастье, но не быть свободным в столь же полной мере. Жизнь и счастье сами по себе величины законченные. Свобода же, если брать ее в изоляции, это незавершенная величина, пустой звук.

Чтобы придать термину «свобода» недостающую законченность, нужно квалифицировать его, ограничить его пределы. Надо разложить это понятие на части и спросить: Быть свободным — ради чего? когда? каким образом? Я волен ездить по улице, но, разумеется, не вправе гнать машину по городу со скоростью шестьдесят миль в час. Точно так же я не могу кинуть камень в окно соседа, исключая случай крайней необходимости — чтобы предупредить его о грозящей опасности, и т. д. и т. п. Я не имею права вырубить его сад, поджечь чужой гараж, мучить соседских детей и т. д.

Свобода — сама по себе несовершенное понятие, она нуждается в конкретизации. Если решение, которое я принял во имя осуществления свободы, разумно и достойно, скажем, я решил прогуляться по улице, тогда я свободен. Но если это решение неразумно и недостойно, допустим, мне пришлось в голову нанести ущерб саду моего соседа, тогда я не свободен — морально или физически. Сосед, увидев, что я делаю или собираюсь делать, постарается помешать мне. Так же поступят власти, если будут в силах. Не сумев помешать, они постараются компенсировать потери пострадавшему. Когда свобода мысли и выбора ведет к недостойным, безнравственным, опасным или губительным последствиям, свобода исчезает, уступая место ограничению.

Свобода есть средство или инструмент для достижения определенных целей. Этот инструмент, или орудие, существует постольку, поскольку он пригоден для осуществления достойных целей. В противном случае свободу вытесняет ограничение. Свобода быть и поступать может повести к весьма отличным друг от друга и раз-

нообразным последствиям. Ход событий определяют цели тех, кто осуществляет выбор и воплощает его в жизнь.

Подобно любому другому инструменту, орудию, средству вообще, свобода нейтральна. Как правило, большинство инструментов имеют определенное, конкретное назначение. Топор рубит. Молоток бьет. Напильник шлифует. Лопата копает. Поскольку инструменты бездействуют, оставаясь на складе, они не достигают цели, ради которой были созданы. Чтобы оправдать свое назначение, они должны быть использованы в конкретном деле с точно поставленной целью.

Топоры, молотки и лопаты, применяемые с пользой, способствуют созиданию. Но они могут стать и средствами разрушения. Кусок металла, которому придали форму мотыги, помогает возделывать почву, тем самым обеспечивая урожай. Обращенная в оружие, мотыга станет уничтожать то, что создано, угрожая самой жизни человека. Сами по себе вещи пассивны. Прележав долгое время без употребления, они ржавеют, гниют и выходят из строя. Цель, энергия, мастерство — вот что определяет применение орудий.

Орудия сами по себе лишены цели, они существуют для достижения цели. Обычно они и применяются с той или иной целью. Но иногда они применяются не по назначению. Когда цель, ради которой существует данное орудие, достигнута, орудие, само по себе лишённое цели, отправляется на склад. Снова это орудие нейтрально, оставаясь в таком положении до тех пор, пока его не обратят на новое дело с целью, которую само орудие не разделяет.

Свобода так же нейтральна, как и другие средства. Причинные и направляющие силы, которые используют возможности, заложенные в свободе, определяют последствия ее осуществления.

Человеческие склонности, увлечения, стремления и цели чрезвычайно разнообразны, включая созидание и производство, с одной стороны, и разрушение и гибель — с другой. Временами при определенных обстоятельствах движение индивидуальных и коллективных действий ведет к производству, созиданию, развитию. Но

времена меняются, начинается обратный процесс, и плоды человеческого труда, гения, наконец, сами люди гибнут в безумии разрушения.

Свобода не целенаправленна. Она лишь открывает возможности действия. Она дает путь чувствам и мыслям. Она предлагает выбор и возможность решения. Тот, кто пользуется свободой, может принять решение и определить свои действия, не опасаясь ограничения, принуждения, насилия. В этом смысле можно поставить знак равенства между свободой и возможностью. Она открывает путь, но и только. Она не способна определить развитие или последовательность событий.

Свобода, в смысле возможности, нейтральна, если не просто негативна. Свобода — не цель, она не указывает на предмет желаний. Она лишь открывает путь к достижению или осуществлению желания или стремления.

Свобода — это средство, а не цель. Строго говоря, она даже не является средством в том смысле, в каком мы понимаем орудия труда и средства вообще. Скорее, она выражает отсутствие ограничения или вмешательства, возможность для свободного человека решать и поступать, не ведая принуждения и насилия.

Часть вторая

СВОБОДА В ДЕЙСТВИИ

7. МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ СВОБОДЫ

Одна из самых значительных особенностей свободы в действии состоит в множественном характере самой проблемы. Никогда свобода не бывает единообразной или монолитной, разве только в своем идеальном облике. Всякий раз, исследуя роль свободы в действии, мы видим перед собой несметное число и разнообразие тех сфер, где звучат требования свободы. Эти требования распадаются на три большие группы. Первая: свобода индивидуума с точки зрения физических процессов его организма, чувств, воображения, устремлений. Вторая: свобода индивидуума в его отношениях с обществом. Третья: свобода социальных групп в их отношениях с индивидуумами и между собой.

Свобода передвижения в пространстве, иначе говоря свобода прийти и уйти, есть результат главным образом физической способности человека передвигаться по земле. Наука открыла перед ним возможность передвижения по воде и под водой, в воздухе и в космосе.

С древних времен и по наши дни люди большую часть жизни проводили и проводят в движении: охотники, преследуя добычу, пастухи в поисках пастбищ, переселенцы, мечтающие обрести новую родину, завоеватели, которых влекли золото и власть, купцы с товарами, путешественники, студенты, ученые и просто люди, едущие по своим делам. Современная техника

настолько ускорила темпы передвижения, сделала его столь удобным, что миллионы путешественников перемещаются по планете сезонно, тогда как другие миллионы — правительственные чиновники, бизнесмены — кружат по лицу земли круглый год.

Людское коловращение не исчерпывает все движение: одновременно происходит перемещение товаров, распространение идей и прочих продуктов человеческой изобретательности и труда. Взаимозависимый мир должен производить обмен сырьем, товарами, услугами и предметами народного потребления. Кроме того, открытия и изобретения, появившиеся в одной части планеты, быстро становятся достоянием других районов земного шара.

Стихийное передвижение людей и идей способно привести к скученности, беспорядкам, конкуренции, напряженности, столкновениям. Война, выражающая крайнюю степень конфликта, часто была острием такого процесса, выполняя своеобразную роль культуртрегера. Свобода передвижения в пространстве — это настоятельная необходимость, ее признают и широко практикуют как внутри страны, так и в международном масштабе. Ею пользуются в ограниченных пределах или вовсе лишены рабы, крепостные, прикованные к земле, жертвы деспотизма, а также многие граждане современных суверенных государств.

Свобода поиска, исследования, познания также принадлежит к числу основных. По своей природе человек столь же разумен, сколь и любопытен. Он наблюдает, сравнивает, противопоставляет, спрашивает — почему так, а не иначе. Человек современного общества исследует, экспериментирует, создает, запоминает, обобщает, делает выводы и стремится теоретические положения воплотить в жизнь. В результате растет объем знаний. Было время, когда знания составляли монополию священников, ученых, мудрецов. В значительной степени сокровищница этих знаний и поныне доступна лишь посвященным. Однако стремление к познанию и необходимость распространения знаний в условиях сложной, многообразной культуры современности привели к концентрации человеческой мудрости в

виде книг, которые хранятся в библиотеках, музеях и открыты для любознательных.

В основе любопытства, исследования и поисков лежит стремление человека познать самого себя и окружающий его мир. От детского любопытства и сплетен кумушек до страсти ученых и мужества борцов за истину стремление «знать» представляет собой один из могучих двигателей человеческой природы и жизни общества.

Свобода мышления и понимания есть логический продукт стремления знать, концентрации и классификации знаний. Исследователь стремится туда, куда его ведет истина. Ради этой цели он выдвигает предположения, ставит опыт, делает заключения, проверяет открытия в свете последних данных и практикой доказывает теорию.

Люди мыслят не в вакууме. На протяжении всего мыслительного процесса они впитывают, распределяют, переваривают и усваивают факты и знания, подобно тому как с помощью своего пищеварительного аппарата усваивают поступающую в организм пищу. Знания — это пища для ума, с которой имеют дело ученые или инженеры. Требования доступа к знаниям, возможность практического приложения знаний — одно из важнейших условий для людей творческого труда, инженеров, ученых, мыслителей.

Свобода убеждений и мировоззрения тесно связана с требованием свободы познания и применения знаний. Человек обладает определенными знаниями. Однако диапазон его знаний и мыслей невелик в сравнении с пространствами вселенной, о которой он не много знает и еще меньше думает. На протяжении веков люди учились побеждать в борьбе за существование, смотреть вперед, планировать, улучшать условия жизни. Результаты их успехов проявляются в том комплексе культуры, в том образе жизни, которые составляют окружающую их среду. Однако источники вдохновения, прозрения и откровений, движущие силы жизни и света невозможно изучать под микроскопом, в тиши лабораторий. Они остаются за пределами человеческого опыта.

Здесь мы вступаем в сферу раздумий, убеждений, веры, надежды. Та самая страсть, с которой люди отдаются поискам знаний, заставляет их размышлять, верить, творить и развивать теории, создавать такую организацию, которая способствует распространению знаний и веры. Так рождается религия, убежденность, что прав только ты, а все остальное — от лукавого, споры, разногласия и войны — к вящей славе истинной веры.

В глубь веков уходят корни разногласий между фанатиками веры и учеными — сторонниками разума. Фанатики взывали к откровениям, прозрению, интуиции, традиции, авторитетам. Ученые настаивали на поиске и исследовании, проникающих в суть и корень вещей и явлений, наблюдениях, точном описании и классификации, тем самым стирая белые пятна на карте познаний. Нашу эпоху исследований и открытий отличает сосуществование и сотрудничество между законной властью и многочисленными индивидуумами, отдельными общественными группами и учреждениями, которые продолжают поиски истины.

Свобода выражения охватывает весь объем человеческой природы и общения. Человеческий опыт может носить характер привычки — скажем, привычка насыщения, утоления жажды или празднование традиционного события. Этот опыт может носить сугубо интимный характер, захватывая сферу половых переживаний. Он может заключать в себе черты творческой мысли или деяния — создание произведения искусства, резьбу по дереву или кости, какое-то открытие. Как правило, свобода выражения приносит тем больше радости, чем большим признанием она пользуется, если даже признание не приходит сразу. Общительные люди стремятся поделиться с ближними привычными и новыми впечатлениями, достижениями, опытом. Есть, разумеется, эгоцентристы, живущие лишь для себя, однако в целом человечество пылает огнем самовыражения, испытывая неистовую потребность сообщить свои мысли и чувства окружающим. Среди прочих аспектов общения можно назвать свободу сообщений, предложений, советов: так, родители любят воспитывать и опекать детей; челове-

ский опыт может быть доведен до окружающих устно и в виде печатного слова, с помощью учения и проповедей, посредством современных каналов связи — печати, радио, телевидения, кино, — образования, пропагандистского аппарата, рекламы.

Общению людей помогает художественная литература, живопись, скульптура, строительство, декоративное искусство, музыка, драматургия, хореография. Искусство дает человеку большой простор для выражения и экспериментирования. Человек выступает в роли создателя, исполнителя, педагога или в роли зрителя.

Спорт, физическая сноровка, различные соревнования, массовые смотры также открывают перспективы для сравнения, обмена мастерством, а также для забавы и развлечений.

Ремесла дают возможность мастерам и рабочим продемонстрировать свое умение, поделиться плодами труда и творческой энергии с потребителями.

Различные профессии дают возможность всем, кто их избирает, учить, лечить, советовать, направлять, воспитывать, утешать, защищать, разубеждать.

Широкое распространение получают всякого рода ассоциации. Они охватывают весь комплекс внутренней и международной жизни. Здесь властвует государство, имеющее дело с согласием, признанием, апатией, невежеством, страхом, трепетом, почтением, конституциями, законами, биллями о правах. В конечном итоге успех государства зависит от способности и умения отдельных исполнителей власти быть в курсе событий, просвещать, развлекать, обманывать, покупать, принуждать, заставлять, заключать в тюрьму и, в качестве последней меры, лишать жизни.

Механика современности, с одной стороны, привела к координации, с другой — к росту монополий, могуществу. Могущество и величие манило жаждущих власти, заставляя взбираться на вершину, к кормилу тоталитарной машины. Монополии и тоталитарная система пригнули простого человека к земле, обrekli его на полную беспомощность и бессилие, если, конечно, он не участвует в работе разветвленного механизма. Требование объединения в наш век в буквальном смысле яв-

ляется стремлением выжить в борьбе за существование, выражением и удовлетворением жизненного порыва через солидарные действия. Заключенная в кольцо государственных цепей, задавленная машиной современного общества, человеческая личность добивается наибольшего успеха в защите своих интересов путем объединения с другими индивидуумами в частных и общественных организациях.

Свобода обособленности представляет логическое требование тех, чья жизнь протекает в бесконечных контактах с себе подобными. Человек — существо общественное. Вместе с тем он — индивидуальность. Он сознает ее, сознает свою неповторимость и свою обособленность от собратьев — людей. Общественная природа человека требует общения. Но некоторые свойства его натуры настаивают на отделении и обособленности. Эти двойственные и зачастую противоречивые ипостаси человеческой натуры заявляют о себе и требуют простора для выражения. На Западе преобладает стремление к объединению. На Востоке важную роль играет стремление к одиночеству.

В поисках обособленности и независимости люди стремятся освободиться от гнета монополий, централизованной власти, цепей конформизма. Они жаждут спокойствия, чтобы заниматься творческим трудом, их влечет жизнь в размышлениях и созерцании природы. Возможно, они полагают, что в тишине и спокойствии они скорее добьются успеха, нежели в обществе. Поэтому для таких людей право на одиночество, гарантия от вторжения и помех, играет существенную роль.

«Политическая свобода для граждан!» Этот лозунг сохранил свою злободневность со времен средневековья. В основном вся литература по вопросам свободы и волюности, взаимоотношений индивидуума и государственной системы рассматривает именно эту проблему. Частично она разбирает различия между субъектами и гражданами, утверждение прав гражданства.

Требование гражданских прав находит различные выражения. Первым и самым очевидным является определение и ограничение роли правительства, права гражданства и разумное равновесие в отношениях меж-

ду субъектами, осуществляющими власть, и объектами осуществления этой власти. Второе — инициатива и демократия в подборе чиновников государственного аппарата, которые осуществляют власть и политику, определение пределов их полномочий и срока пребывания на государственном посту. Третье — участие непосредственное или через представителей в определении государственной политики и ее осуществлении. Четвертое — установление конкретной процедуры: принципа единогласия, большинства или иных согласованных отношений между гражданами. Пятое — право индивидов и меньшинств иметь собственное мнение, выступать против и, в случае необходимости оказывать сопротивление власти предержащим. Это основное содержание Декларации независимости 1776 года. И, наконец, все вышеприведенные права должны быть не только признаны, но и отражены в договорах, конституциях, законах.

Экономическая свобода явилась фундаментом, поддерживающим своды свободного предпринимательства и современного бизнеса. Требования экономической свободы выдвигали представители поднимающегося класса — торговцы, банкиры, фабриканты, — которым не давали развернуться латифундии, привилегии наследственной аристократии, авантюризм завоевателей и, в той или иной степени, произвол отдельных правителей. Контроль над средствами производства позволяет формировать частную жизнь людей и развитие всего общества.

Подоплеку столкновений между земельной знатью и третьим сословием составляла извечная борьба за лучшие охотничьи угодья и пастбища, владение лесами, ископаемыми и прочими естественными богатствами. Те, кто сумел захватить богатства земли, жили лучше, тратили меньше энергии и сил, нежели их менее удачливые собратья. Они жили за счет труда наемных рабочих, арендаторов и т. д.

До недавнего времени требования экономической свободы в основном исходили от предпринимателей, деловых людей, стремившихся к богатству и власти. Не голодные и раздетые, а жадные и алчные рвались к земным благам. В последнее время экономическую свободу стали требовать неимущие и обездоленные.

Требования экономической свободы включали: право на выбор профессии; право конкуренции в сражении за богатство; приобретения земли и иных видов собственности; право распоряжаться весами равенства (и даже справедливости) по принципу — тот, кто имеет, получит еще больше. Конкуренция, вначале локальная, между частными лицами, перерастает во вражду между отдельными группировками и, наконец, охватывает города, нации и империи. Мерило успеха — золото и власть, которых добивались победители. Вся суть такой социальной структуры выражена в законе собственности и его принципе: «Имущему да воздастся».

В последнее время объединения фермеров и рабочих начали выдвигать новые экономические требования: право на труд и отдых, обеспеченный минимум заработной платы, определенные законом условия труда, право на социальное обеспечение, здравоохранение и образование. Мексиканская конституция 1917 года сформулировала эти требования и записала их в качестве основного закона. Ныне они отражены в различных конституционных постановлениях и статусах, в частности в социалистических странах.

Общество середины двадцатого века не знает гармонии. Его раздражают притязания богатых, могущественных наций, которые хотят жить лучше своих бедных и нищих соседей. С другой стороны, все громче звучат голоса народов бывших колоний, требующих минимума жизненных условий, здравоохранения, образования.

Свобода открытий, захвата, использования недр природы столкнула сторонников такой свободы с законами собственности, государственностью, суверенитетом. Человек живет землей — ее плодами, ее четвероногими обитателями, пашнями, лесами, ископаемыми, энергетическими ресурсами. По принципу «кто смел, тот и сумел», «сильный всегда прав» каждое новое поколение требует доли в естественных богатствах, добываясь их в течение всей жизни. Землю расчерчивают границами, а «чужаков» встречают оружием. Как правило, победители присоединяют к своим владениям земли и собственность побежденных. Стремительная экспансия евро-

пейцев после 1450 года привела к переразделу и пересмотру границ в масштабе всей планеты.

Свободу требуют не только отдельные лица. К ней стремятся группы людей, причем их требования переплетаются с требованиями отдельных лиц. Группы людей, так же как индивидуумы, стремятся к свободе, чтобы принятые решения воплотить в жизнь. Групповая автономия, предприимчивость и суверенитет направлены на сохранение, развитие и упрочение общих интересов. Сложные социальные общности, как, например, деревни, города, государства, нации, состоят из подгрупп и различного рода ассоциаций, причем каждая проявляет соответствующую степень активности.

Итак, с одной стороны, есть частные объединения: деловые, сельские, профессиональные, трудовые, образовательные, религиозные, общественные, спортивные и т. д. Рядом существуют ассоциации и союзы, освященные законом и обществом: семья, привилегированные, некоммерческие организации, деловые корпорации, привилегированные политические группы, муниципалитеты, государственные и общественные учреждения, несущие специальные конкретные функции. Наконец, упомянем сложившиеся, традиционные институты со своими конституциями, привилегиями, уставами, льготами, существующие в силу долголетней практики, например: государство, церковь, военная каста, органы просвещения.

Каждая из этих ассоциаций или государственных образований требует автономии, независимости, суверенитета, самостоятельности. Мы довольно подробно остановились на индивидуальных требованиях свободы. Размеры книги не позволяют продолжать эту классификацию групп, каждая из которых выдвигает собственные требования свободы.

Джон Стюарт Милль дважды значительно содействовал обсуждению нашего предмета. В работе «О свободе» им подчеркнута роль свободы для индивидуума. В другом труде, написанном незадолго до его смерти, — «О свободе социальной» — он выделяет множественный и социальный характер свободы. Автор пишет: «Люди обычно полагают, что свобода — это нечто единое и

всеобщее, что свобода, которой пользуется человек или к которой он стремится... это то же самое — разница лишь в размерах, — что и свобода, которой пользуется другой человек или к которой он стремится»... Но это не так, продолжает Милль, «ибо существуют миллионы человеческих свобод», которые включают свободу индивидуумов и свободу групп»¹⁹.

Число свобод в наши дни резко возросло. Последние шесть веков, ознаменовавшие развитие западной цивилизации, были свидетелями необычайного разнообразия всевозможных свобод. Это же время знает огромное количество людей и групп, требующих свободы. В предшествующую эпоху, которую называют средневековьем, идея свободы была неприемлемой, а сфера ее применения — очень узкой. Ренессанс и Реформация вывели идею свободы из темноты и забвения, вдохнули в нее новое, глубокое содержание. Современный человек потратил много сил и энергии, отступая и снова пробиваясь вперед, стремясь сформулировать и осуществить многочисленные требования свободы.

8. СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

Поборники свободы, стремящиеся воплотить требования свободы в действия — индивидуальные или коллективные, — сталкиваются с двумя молчными препятствиями. Первое — необходимость, второе — конформизм.

Необходимость имеет несколько выражений: 1. Действие естественного закона, который не может быть ничем иным, а только тем, что он есть, — естественной причинностью, или физическим принуждением, рожденным природой. 2. Все, что неизбежно, неминуемо. 3. Принуждение или неумолимая сила обстоятельств, которую создал человек, например обычаи, традиции, законы. 4. Логические или моральные соображения, делающие неизбежными или обязательными определенные действия. 5. Огромная или властная настоятельность. В любом из приведенных выше примеров необходимость сдерживает или ограничивает пределы выбо-

ра. Необходимость не спрашивает, не просит, не умоляет. Она требует, повелевает и не терпит возражений.

В одной из работ мы называли необходимость паутиной обстоятельств, показали, насколько произвольно естественные и социальные условия, над которыми не властен или почти не властен современный человек, ограничивает его бытие²⁰. В какой степени сознательное участие человека в развитии многообразного мира сужает его свободу?

Свобода — необходимость... Это противопоставление волнует человека, по крайней мере со времени первых папирусов. Имеется на этот счет и соответствующая терминология: «судьба», «удел», «паутина обстоятельств» и т. д. Поэтому, говоря о свободе в действии, мы остановились на выборе, решениях и действиях человека в тех естественных пределах, которые образуют его мир; в рамках существующего общества; в самом человеке, каков он есть. Ткань жизни, изменчивой и непостоянной, и есть та среда, в которой пребывает человек.

Люди создают, видоизменяют и разрывают сплетения обстоятельств, в особенности если речь идет о социальной среде. Они преобразуют природу. Они мужают сами. И всегда обстоятельства заключают их в свои неумолимые, часто жесткие, тенета.

Свобода подобно другим концепциям является компонентом уравнения с одним или несколькими неизвестными. Необходимость — одна из главных противоположностей свободы.

Необходимость сковывает свободу, сужая диапазон выбора и меру осуществления уже принятых решений. Под давлением необходимости принуждение часто берет верх, оттесняет свободу и нередко доводит развитие событий до такого положения, когда свобода по сути дела исчезает вовсе.

К числу самых бесспорных проявлений необходимости принадлежат естественные законы бытия. Люди рождаются слабыми и практически беспомощными. Пройдя уготованные им сроки жизни, они дряхлеют и умирают. Рождение и смерть — вот те безжалостные проявления необходимости, которые резко ограничивают возможности и выбор.

Люди — земные существа. Если они хотят выжить, поднявшись в воздух или очутившись на воде, они должны прибегнуть к соответствующим приспособлениям: пароходам и самолетам. Когда эти последние отказывают, те, кто надеялся на них, оказываются перед лицом неизбежных последствий — начиная от неудобства и кончая смертью.

К числу других жизненно необходимых элементов относятся воздух, которым мы дышим, вода и пища для поддержания наших сил, отдых, сон. Человеческий организм устроен таким образом, что осечка в обеспечении перечисленных выше условий ведет к серьезным последствиям. Есть выражение: «Три минуты без воздуха, три дня без воды, три месяца без пищи кладут конец земному существованию простого смертного». Сильная жара и холод, высокое давление, излишки солнечных лучей, большая высота, чрезмерная скорость — все эти воздействия человек способен выдерживать лишь до определенного критического момента.

Некоторые вещества ядовиты. Даже в малых дозах они вызывают нарушение жизнедеятельности, боль, смерть. Столь же важно для организма поддержание отрегулированного физического и химического обмена веществ. В человеческий организм входят вода и различные элементы — кальций, фосфор, поташ, сода и многие другие. Некоторые, например кальций, входят в состав костей, образуя значительную часть веса нашего тела. Другие — железо, медь, иод, бор — представлены в минимальных количествах. Взаимоотношения между химическими элементами играют столь важную роль, что преобладание одного какого-нибудь элемента или исчезновение другого может привести к заболеванию, нарушению жизнедеятельности, смерти.

Когда организм работает нормально, мы говорим, что человек здоров. Когда начинаются отклонения, мы говорим о расстройстве, неважном самочувствии, заболевании. Отклонения, расстройства, болезни очень часто ограничивают нашу свободу действий.

Изменения представляют собой другое проявление необходимости. Люди прежде всего хотят простой обеспеченности. Добившись определенного положения, кото-

рое приносит блага, комфорт и удовлетворение, человек стремится упрочить статус-кво, наделить полученными благами близких, друзей, единомышленников и даже передать их потомкам. Но стабильность и обеспеченность имеют безжалостного врага — вечное, вездесущее изменение, одно из проявлений необходимости.

Изменения многообразны. Они принимают пространственные формы — перемена места или социальные — изменение положения. Изменения возникают в отношениях между взаимосвязанными элементами или частями или в тех процессах и следствиях, которые подстерегают нас в жизни, подчиняют себе каждый шаг человека, общества, Вселенной. Притягательность и отвращение, объединение и разложение, развитие и распад, созидание и гибель происходят беспрестанно, подрывая и ликвидируя уверенность, стабильность, сложившиеся отношения.

Перемены принимают обличье эволюции, регресса, мутации, революции. Они развиваются циклами, например смена дня и ночи, смена сезонов. Элементы цикличности присущи историческому процессу. Происшествия, катастрофы, стечения чрезвычайных обстоятельств также несут элементы изменения. В любом случае перемены ведут к нарушению существующих взаимоотношений и условий.

В широком смысле изменение, как проявление необходимости, нарушает и срывает самые умные планы и благие намерения всего сущего, ограничивая свободу действий.

Нельзя сказать, что люди абсолютно бессильны перед лицом необходимости. Они могут действовать и маневрировать, но до определенного момента. За этой критической чертой их поджидает суровое и быстрое противодействие. Не сумев приспособиться к законам природы, люди страдают или гибнут.

Свободу стесняют и другие проявления необходимости: чрезвычайные обстоятельства и бедствия. Чрезвычайным является неожиданное событие, которое нарушает или прерывает установившийся образ жизни. Бедствия же причиняют ущерб и несут гибель людям на значительных пространствах. Чрезвычайные обстоятель-

ства могут застигнуть человека или коллектив. Бедствия обычно совершаются в больших масштабах и чреватые серьезными последствиями.

Диапазон чрезвычайных, непредвиденных обстоятельств весьма широк: рождение человека, происшествия, болезни, пожары, наводнения, ураганы, засуха, землетрясения, уличные потасовки, мятежи, гражданские войны и войны между государствами. Чрезвычайные обстоятельства требуют отказа от обычной апробированной политики. Они прерывают нормальное течение жизни, а поэтому требуют решительных действий, дабы восстановить привычные условия существования. Чрезвычайные обстоятельства наносят ущерб свободе, например, роженица не в состоянии заниматься домашними делами. Пожары, наводнения, засухи, землетрясения, приливы и отливы, бунты и войны отрывают людей от обычных занятий, мешают им вести нормальный образ жизни, втягивают в водоворот событий. На радость или на горе чрезвычайные обстоятельства ограничивают сферу выбора, принуждая людей и общество менять сложившиеся привычки и отказываться от них.

События, которые относятся к разряду происшествий, ограничивают наш выбор на короткое время. Наводнения же, захватывающие огромные территории, изменяющие русла рек, не только угрожают людям и имуществу, но и приводят к массовым переселениям. Гражданские потрясения и войны перекраивают жизнь миллионов, оставляя многочисленные жертвы, которым приходится начинать жизнь сначала.

Как правило, мы не готовы к неожиданному повороту событий. Отдельные люди, застигнутые врасплох, не в состоянии быстро сориентироваться. Группы людей вынуждены принимать меры, чтобы отвлечь страшное. В малонаселенной местности, поселках и деревнях люди поступают так, как могут. В районах более обжитых общество заранее готовится к возможным неожиданностям: запасают оборудование и снаряжение, собирают пожарные команды и медицинский персонал, мобилизуют органы общественной безопасности, создают частные объединения граждан.

Объявление чрезвычайного положения и военного положения принадлежат к наиболее часто практикуемым мерам во всяком организованном обществе. Стягиваются полицейские или армейские силы. Обычные нормы гражданской жизни сдаются в архив. Их вытесняют полномочия исполнительной произвольной власти, которой принадлежит право подавления, запрещения, мобилизации. Свобода подвергается вивисекции, зато возрастает ограничение, степень которого определяют хозяева положения.

В современном обществе сталкиваются свобода в действии и ограничение в действии. Они присутствуют в любом организованном обществе. При благоприятных условиях сфера действия свободы расширяется, происходит стабилизация. Но в игру вступает необходимость, и свобода склоняется перед ограничением.

Существуют проявления необходимости, которые исходят от природы, общества, которые связаны с жизнью человека. Они сужают выбор, а иногда вообще уничтожают его. В таких обстоятельствах необходимость требует и получает. Необходимость может быть мимолетной и долговечной. Ее законам может подчиняться небольшая округа и огромные территории. Но всегда, когда повышает голос необходимость, свобода умолкает или исчезает совсем.

Не следует упускать из виду еще один аспект взаимоотношений свободы и необходимости. Необходимость не только сковывает свободу, она также вызывает действия, ведущие к свободе. В определенный момент необходимо освободить ребенка из чрева матери. Если процесс освобождения потерпит неудачу, мать и ребенок могут погибнуть. Необходимость заставляет новорожденного дышать, двигаться, кричать. Ребенок растет, испытывая необходимую потребность в выражении — физическом, эмоциональном, умственном, социальном. В любом случае необходимость понуждает человека сделать выбор и следовать по избранному пути. Возникает, иначе говоря, противоречие или дуализм, подпадающий под определение принудительной свободы.

Растущие, достигающие зрелости человеческие существа на разных этапах жизни ощущают внутреннее

стремление выразить свое «я» — физически, эмоционально, интеллектуально, социально, космически. Подобные побуждения рожают творческие мысли и достижения в искусстве, ремеслах, науке, социальной сфере. Мыслящая личность — художник, изобретатель, преобразователь общества, педагог, философ — испытывает социальное давление, цель которого — заставить идти привычным путем. Обычно человек уступает давлению, страдая от тех последствий, которые влечет поражение в жизни. Часто люди отвергают принуждение, следуя собственным идеям и принципам и выпивая до дна чашу общественного возмездия.

Подобным образом свобода часто становится необходимостью в жизни социальных групп по мере их роста. Между ними возникают разногласия, образуются враждебные группировки, начинается раскол. Все социальные общности людей минуют этапы деления, дробления, раскола.

Свобода и необходимость — одно из главных противопоставлений жизни людей и общества. Необходимость обязательно присутствует в жизни человека и общества, независимо от того, ведет ли она к расширению свободы или ее ограничению. Люди жаждут свободы и склоняются перед необходимостью, которая замыкает и ограничивает свободу, сокращая диапазон выбора, решения, действий.

9. СВОБОДА И КОНФОРМИЗМ

Необходимость — не единственное противоядие для свободы действий. Свободу сдерживает и конформизм. Необходимость, если это касается ее чрезвычайных проявлений, действует от случая к случаю. Конформизм — постоянный, упорный, коварный враг. Конформизм — это смиренная рубашка, в которую попадают и человек, и общество: мягко стелет — жестко сплет.

Необходимость своими истоками уходит главным образом в природу. Конформизм предполагает признание социального гнета, подчинение социальным заповедям. Необходимость диктует. Конформизм подкрадывается,

льстит, обманывает, угрожает. Большинство людей почти на протяжении всей жизни склоняется перед необходимостью. Собственно, другого выхода у них нет. Нравится им это или нет, но они должны сделать выбор и идти той дорогой, которую указала необходимость. В несколько ином плане их делает своими рабами конформизм.

Конформизм представляет собой мироощущение или действие, отвечающее определенным стандартам, схемам, принципам, — отсюда взялось популярное выражение: «соответствует положению». Этимология слова означает принятие или подчинение форме. Этот термин находит широкое применение в технике, искусстве, юриспруденции, философии, психологии, в сфере социальных отношений и повседневной жизни. Адаптация означает более или менее добровольное приспособление к новой обстановке. Конформизм предполагает поведение, соответствующее обязательным канонам.

Конформизм заявляет о себе с рождения человека: малыши начинают постигать, как живут взрослые. До определенного момента конформизм носит добровольный характер. Дети копируют своих близких — подростков или взрослых. Подражание в жестах, речи, поступках означает постепенное приспособление к новой среде. В семьях с несколькими детьми малышей опекают старшие братья и сестры.

Подражание доставляет малышу удовольствие. Неуверенность в своих силах побуждает его искать защиты у общества, скорее утвердить себя его членом. Постепенно набираясь сил, обретая ловкость и опыт, новичок начинает участвовать в совместных делах — сначала в играх, спорте, всевозможных обрядах. И всюду его наставляют и поучают. Жизнь общества течет по своим руслам. Юных граждан учат правилам и предостерегают против нарушения оных. Если у них не получается — из-за неумения или шалости, — им говорят: «Ты делаешь не так. Вот так надо делать». И далее: «Как ты смеешь поступать по-своему или стоять в стороне? Давай делай, как говорят». Если кто-то вырвался вперед, конформизм опять получает слово: «Эй, не выскакивай. Будь, как все!».

Пока новая жертва конформизма готовится к вступлению на путь миллионов, родители, учителя и прочие делают свое дело, направляя события согласно формуле: куда повернешь пруттик, туда и дерево наклонится.

Гарднер Мэрфи в главе «Интернационализация социального контроля» отмечает три параллельные реакции ребенка на требования конформизма. Прежде всего он требует признания, он жаждет любви, внимания, своего места в обществе. Далее он протестует против пренебрежительного отношения на том основании, что «ты еще слишком мал». Наконец, все, что есть в нем индивидуального, восстает против подавления первобытных инстинктов необходимости подчинения своего «я» требованиям общества²¹.

Социальный гнет, ведущий к конформизму, начинается с рождения, продолжается в детстве, юности и в течение всей жизни. Конформизм рождает удобства и комфорт для всех своих поклонников. При любой форме коллективного труда он повышает эффективность, сглаживает трудности, содействует успеху совместных начинаний. Принятие конформизма увенчивают признание, одобрение, поощрение, ответственность, участие в руководстве.

Конформизм — не просто стабилизирующая сила, характерная для коллективной деятельности любого типа. Конформизм принадлежит к числу важнейших условий в борьбе за существование и достижение общих целей. В любой социальной ячейке начиная с семьи, в различных добровольных объединениях и кончая школой, городом, государством признание традиций, участие в деятельности, освященной веками, являются самыми большими социальными добродетелями.

Луи Гарц писал, что в недрах американского эксперимента со свободой всегда лежало принятие конформизма, который ни в коей мере не противоречил этому эксперименту²². Гарц цитирует Сантаяну, утверждавшего, что все лучшее в Америке связано с принуждением. Это наводит на мысль, что большинство вообще почитает за благо воздержание в проявлении инициативы, стараясь у себя все сделать так, «как у людей».

Развитие, совершенствование, распространение жизненного уклада, воплощение его в повседневном обороте идей, взглядов и практики составляют главное занятие человеческого общества. Успех социальной группы зависит от того, насколько она продвинулась по пути конформизма.

В очерке «О социальной свободе»²³ Джон Ст. Милль оправдывал ограничения индивидуальной свободы и конформизм в отношении социальных схем, признавая, что существуют «границы, которые мы в стремлении расширить нашу свободу не должны переступать, ибо в противном случае наступит гибель условий, заключающих для нас смысл жизни». Иначе говоря, жизненная схема представляет компромисс между требованиями свободы и настояниями конформизма, схему, при которой свобода кончается там, где начинается конформизм.

Другим, еще более сдерживающим фактором являются отношения между свободой и социальной непрерывностью. Свобода предполагает выбор, решение, его практическое воплощение. Конформизм настаивает, чтобы новые поколения следовали практике и подчинялись институтам, которые были введены предшественниками или одобрены ими. Конформизм ликвидирует возможность выбора, решений, действий; тем самым мертвая рука прошлого душит настоящее и тянется в будущее.

Свобода и конформизм в действии неоднократно получали крещение и проверку в той лаборатории, которая называется Соединенными Штатами Америки, и в других молодых странах. Результаты подобных испытаний подтверждают по крайней мере одну истину — конформизм все крепче опутывал общество, тогда как свобода отступала или исчезала.

Во время колонизации Америки жизнь текла там легко и привольно. Земля была свободной (после того как ее силой отняли у коренного населения). Конкуренция — жестокая и первобытная. Риск, азарт, разбой считались законными элементами и источниками существования. Смелость, быстрота, находчивость были первыми среди прочих достоинств в битве за место под

солицем. За риск платили полной мерой. Где-то в далеком городе пребывало непонятное заведение под названием «правительство». Здесь же властвовал закон дороги — хватай, что плохо лежит. В подобной обстановке царила почти полная свобода — политическая, социальная, экономическая. События разворачивались стремительно. Люди мгновенно принимали решения и столь же мгновенно воплощали их в жизнь, сокрушая препоны и преграды.

Таким образом дело обстояло в некоторых западных штатах вплоть до конца XIX века. Практика колонизации захватила Аляску XX века. «Романтика» колонизации жива в комиксах, поэмах, пьесах, кино, где туземцы — низшая раса — изгоняются, герои проявляют чудеса героизма, побеждают и процветают, а злодеи гибнут.

Давайте теперь совершим путешествие по тем местам, где проходили колонисты. По-прежнему кое-где они так же первозданны, но в целом стремятся быть не хуже других районов США. Современная отделка, яркие краски вытесняют убожество, запущенность. Лачуги уступают место вереницам загородных вилл. Закон и порядок весьма недвусмысленно напоминают о себе. Свобода слова и действия резко ограничены. Стар и млад в быстро растущих городах, пришедших на смену прежним поселениям, строго придерживаются правил, подчиняются нормам американского образа жизни охотнее, нежели их собратья в более обжитых районах.

Практика, по-видимому, доказывает, что утехы свободы таят в себе меньше привлекательности для сложившегося общества, нежели комфорт и благополучие, сопутствующие конформизму. Несколько поколений колонистов считали свободу своим законом. И тем не менее каждый раз она уступала натиску конформизма, идущего напролом. Росли поселения колонистов, жизнь становилась сложнее и многообразней, увереннее чувствовали себя закон и порядок, повышался спрос на конформизм.

Конформизм есть синтез и следствие социального гнета. Он рассчитан убедить или, если необходимо, заставить людей принять путь большинства, следовать

правилам и практике господствующих элементов общества.

Пропагандисты статус-кво превозносят свободу и в то же время курят фимиам американскому образу жизни, который не знает свободы. Если бы американский или любой другой народ был свободен, люди бы сами выбирали себе образ жизни, сами решали бы, как жить — день за днем, год за годом. Точно так же они меняли бы жизненный уклад, когда им это казалось бы нужным. В каждой округе, в каждой общине люди жили бы по-своему, не говоря о странах и континентах.

Американский путь — это путь конформистский, модификация британского пути, французского, голландского и т. д. Его корни уходят в глубины европейской истории, целой плеяды поколений. И если молодая Америка избирает американский путь, это не значит, что она идет по пути свободы, — она приспособляется к традициям и обычаям предшественников.

10. НАДЕЖДЫ НА СВОБОДУ

В стремлении к лучшей жизни люди последнее время все громче требуют свободы. Им тесно в рамках существующего строя, гнет и принуждение этого строя вызывают их недовольство. К тому же они все отчетливей видят, какие перспективы открывают разумно устроенное общество, и потому они готовы к свершению перемен. Свобода сулила избавление от ограничений и насилия, и люди выбрали свободу, полагая, что, раз ничто не будет их сдерживать, все проблемы найдут свое разрешение и жизнь потечет безмятежно и счастливо.

Свобода стала самоцелью, такой же очевидной истинной, как «жизнь» и «счастье». Отсюда известная формула: «Жизнь, свобода и стремление к счастью». Свободу почитали одним из драгоценнейших достояний человеческого общества. И в самом деле, немало поборников свободы утверждают, что среди заветных идеалов человека она стоит на первом месте.

Подобная точка зрения особенное распространение находит в мире, который сам себе присвоил звание «свободного». Гораций Каллен, перечисляя выдающиеся явления современности, называет «науку, демократию, машинную индустрию, мир. Каждое обладает лишь ему присущими чертами... Тем не менее все они порождены единым началом, ими движет единый порыв. Это единое начало, этот импульс — свобода»²⁴. Джилберт Кэннон писал: «Величайшая задача общества состоит в обеспечении свободы для максимального числа его членов»²⁵. Согласно Гегелю, история мира «есть не что иное, как развитие идеи свободы»²⁶. Поскольку Дух существует сам по себе, суть Духа есть Свобода»²⁷. Гамильтон считает, что слово «свобода» «в большей степени, чем любое другое слово, выражает возможности человеческого познания... Заклучая в себе сознательное стремление к социальным преобразованиям, свобода есть и всегда пребудет чашей Грааля»²⁸. «В часы мира и потрясений Европа никогда не изменяла свободе»²⁹. «Истинного величия человеческое существование способно достичь, лишь уважая свободу»³⁰, — пишет Ласки. Снова и снова вожди современной философии превозносят свободу, пытаясь найти спасение от гнета, ограничений, насилия. На нынешних политических дискуссиях только и слышишь, что свобода превыше всего.

Однако, несмотря на бесчисленные поклоны, которые отбивают свободе западные философы, феодальные поместья и соответствующие классовые отношения продолжали существовать в Центральной Европе вплоть до 1945 года. В Испании они здравствуют и поныне. Но феодальный гнет, сохранившийся на ратующем за свободу Западе, — это еще не все. Последние 400 лет явились свидетелями того, как западноевропейцы завоевали и подвергли эксплуатации обе Америки, Африку, Австралию и большую часть Азии. Во имя своих монархов они захватывали чужие страны, селились на лучших землях, присваивали богатства недр, нанимали на работу местных жителей, а то и силой штыков заставляли их работать на себя, учреждали правительства, набивали карманы за счет коренного населения — все во имя

свободы. Практику покорения и эксплуатации чужих народов западные культуртрегеры обогатили работорговлей африканскими неграми и созданием на Американском континенте обширных хозяйств, основанных на подневольном труде. Общество современной западной цивилизации представляет собой классический образец насилия европейских хозяев над коренным цветным населением.

Призывы к свободе явились логическим следствием той системы имперского угнетения, которую создала западная цивилизация в международном масштабе. Внутренняя политика шла аналогичным курсом. В некоторых европейских монархиях, созданных в прошлом веке, крепостное право сохранилось до середины настоящего века. До наших дней уцелели наследственные династии, привилегии знати, религиозные организации, содержащиеся на государственные средства. Там господствует частная собственность на землю и другие средства производства и система заработной платы, допускающая кулю-продажу рабочей силы на рынке. В странах капитала богатые и сильные мира сего умножают свои состояния и величие за счет неимущих и фактически бесправных народных масс.

Рабство, крепостничество, колониальное угнетение, деспотизм, грабеж и эксплуатация нашли противников в лице реформистов, представивших во имя свободы собственные программы действия. Идеи свободы получили столь широкое распространение, заслужили такую любовь народов, что в наш век даже лидеры консервативных партий прибегают к этому ложному лозунгу как к убедительному средству завоевать симпатии равнодушных, впавших в апатию и отчаявшихся жертв тирании, репрессий и наживы. Именно поэтому президент Вудро Вильсон писал «о новой свободе», Ф. Д. Рузвельт — «о четырех свободах», а президенты Трумэн и Эйзенхауэр — «о свободном мире».

Жрецы культа свободы стремились упрочить частные интересы и интересы отдельных группировок. Их требования экономической свободы, или *laissez faire* — осуществления принципа невмешательства государства в экономическую жизнь — на практике способствовали

увеличению богатства растущего класса буржуазии, который стесняли путы феодализма. К подобной аргументации прибегали уже не просто для оправдания экономического развития, но и для расширения политических границ, для переделки социальных институтов. Мировые империи XIX века были выражением свободы торговли, свободы эксплуатации, свободы захвата и присоединения нужных или стратегически важных территорий. Перекройка национальных границ, создание новых форм культуры жизненных укладов тоже совершались под предлогом свободы.

Проводя экспансионистскую, империалистическую политику, короли и императоры, аристократы, власть имущие защищали свои классовые интересы. Их не заботило мнение собственных народов. Но по мере становления капитализма и империализма в XVIII—XIX веках рабочие империалистических стран переходили к организации и сопротивлению. Движение в колониях, бойкот колониальной политики заставляли буржуазию и интеллигенцию решительней заявлять свой протест. Внушительной оппозицией империалистическим отношениям явились парламентские дебаты в Англии во времена американской революции. Социалистическое движение XIX века было выражением народного недовольства империализмом и войнами, которые были его следствием.

Свобода расширения капиталистической экономики, свобода присоединения чужих территорий в условиях империалистических и колониалистских отношений XIX века логически привела к двум неизбежным последствиям. Первое — начались бесконечные торговые войны, гонка вооружений, местные войны и, наконец, великая война империалистических хищников, борьба не на жизнь, а на смерть, которая разразилась в начале века и с перерывами продолжается по сей день. Второе — в колониях вспыхнули волнения и восстания.

Подобная политика, проводившаяся, как правило, во имя свободы, привела к тирании и деспотизму. В свою очередь это губительно сказалось на судьбах многих людей и влиятельных группировок, находивших-

ся в меньшинстве в метрополиях и колониях. Она привела к обнищанию, разорению и даже крушению целых наций и империй, интересы которых столкнулись в борьбе за существование.

Тех, кто встал под знамена свободы, кто, уверовав в ее блага, нередко расставался с жизнью в борьбе, можно подразделить на следующие категории.

Рабы. Попавшие в кабалу обманом, проданные или рожденные в таких условиях, при которых хозяева полностью распоряжались их жизнью и смертью, добиваясь повиновения пытками и тюрьмами. Эти люди смотрели на избавление от рабства как на первый шаг к хорошей жизни.

Крепостные, или неоны. Привязанные к земле, составляющие предмет купли-продажи вместе с землей, как любое другое движимое имущество, они лишь на шаг отстояли от рабства. Подобно рабам, они считали, что освобождение от крепостной зависимости положит конец их мукам, откроет широкие горизонты спокойной, зажиточной и счастливой жизни.

Мелкие предприниматели (к ним относятся фермеры), владеющие по крайней мере какими-то средствами к существованию. Они настаивали на ликвидации влияния латифундий, с одной стороны, и защите от монополий — с другой. Островом спасения этих «маленьких людей» часто оставалась та сфера, куда еще не успели проникнуть монополисты или лендлорды. Чтобы отстоять свои права в борьбе с крупными землевладельцами и монополиями, им приходилось самим добиваться могущества либо день и ночь гнуть спину на непосильной работе. В действительности свобода не принесла им желанных результатов: ведь именно система свободного предпринимательства давала им шанс сразиться с конкурентами. В схватке за богатство и власть эта система привела к гибели большинство мелких хозяев, лишила их самостоятельности и разжаловала в эксплуатируемые, наемные рабочие.

Безземельные сельскохозяйственные рабочие и безработные искатели работы. Они плывут в одном и том же утлом суденышке. И те, и другие пытаются наладить свое существование в обществе, которое оправды-

вает и возводит в закон частное землевладение, частное работодателство, наем рабочей силы за кусок хлеба на условиях, выгодных хозяину. В наше время, когда почти не осталось «ничьих» территорий и сферы влияния поделены между могущественными трестами, требование свободной земли и свободной работы лишено смысла. Спасение от неустроенности и неуверенности в завтрашнем дне — спутников безработицы — лежит в создании коопераций и товариществ, которые станут распределять работу между своими членами. Социальные преобразования, но не свобода изменят участь тех, кто страдает от безработицы.

Жертвы кастовой, классовой, расовой дискриминации, сегрегации и эксплуатации. Они лишены надежды стать свободными до тех пор, пока остаются вышеупомянутые барьеры. Кое-кому удастся облегчить свою участь, добившись успеха в борьбе за существование, однако, до тех пор пока не устранены причины, порождающие дискриминацию и сегрегацию, процесс освобождения нельзя считать завершенным.

Жертвы политической тирании. Еще на заре человеческого общества они требовали свободы и стремились к ней. Освобождение от тирании приносит им облегчение, если только новый правитель в свою очередь не окажется тираном. Тогда жертва попадает под иго новой тирании и никогда не сможет вкушать истинной свободы. Положение затруднительное, и выход из него один — найти надежные гарантии против тирании и деспотизма.

Колониальные народы, покоренные и эксплуатируемые иностранцами, могут добиться свободы от чужеземного владычества. Но поскольку главная проблема колониальных народов состоит в безземелье, малоземелье, безработице, экономической и социальной отсталости, освобождение от иностранного хозяйничанья не решает дела. Оно будет означать переход власти над жизнью народов из рук заморского хозяина в руки хозяина доморожденного. В течение двух последних столетий многие колониальные народы Америки, Азии и Африки завоевали самостоятельность в борьбе против иностранного владычества и убедились, что истинные

их проблемы зависят не от свободы, а от решительных преобразований того социального порядка, который увековечивает их зависимость и рабство.

Эксплуатируемые, измученные войнами народы метрополий. Они с особой страстностью требуют свободы. Некоторые трудящиеся метрополий, подкармливаемые миллионерами, ведут обеспеченное существование, пользуются комфортом, имеют возможности развлекаться. Однако иллюзии свободной жизни так и остаются иллюзиями. Деревянные, кожаные или веревочные ошейники эти люди сменили на железные или более изящные, даже позолоченные. И тем, кто охотно носит свои ошейники, и тем, кто испытывает к ним отвращение, усердно набивают голову пропагандой: работай, и ты станешь миллионером, или держи язык за зубами, когда тебя не спрашивают. По мере развития современного общества капиталистическая система дряхлеет, она все чаще дает перебои. В обществе, где властвует подневольный труд, идеологическая обработка масс, принудительное подчинение порядкам, явно защищающим интересы богачей в ущерб обездоленным и бесправным посетителям биржи труда, свобода постепенно превращается в звук пустой.

Часто требования свободы звучат в устах идеалистов, возмущенных бессмысленными страданиями, несправедливостью и никчемностью существующего строя, черепашьим шагом социальных изменений. Идеалисты жаждут решительных преобразований общества, которые приблизят человечество к осуществлению самых благородных чаяний, удовлетворению самых возвышенных желаний. В буквальном смысле слова идеалисты, мелиористы — это разум и совесть каждого общества. Некоторые люди настолько поглощены собственными делами, что им некогда даже вспомнить о благополучии ближних. Другие тем временем забавляются. Третьи барахтаются в тине житейских мелочей. У многих мысли не возникает о нуждах общества. Идеалисты же и мелиористы часто жертвуют своими интересами, ибо на первом плане у них проблемы, представляющие общественное значение. Требования свободы, которые они выдвигают, заслуживают скорейшего и серь-

езного рассмотрения, потому что общее благо для них превыше всего.

Вышеприведенная классификация людей, увлеченных обещаниями свободы, покажется недостаточной самым ревностным борцам за свободу. Когда речь идет о рабстве или крепостничестве, в ряде случаев, не вызывающих сомнений, первое, к чему должны стремиться люди, — это освобождение. В других случаях, взять хотя бы мелких предпринимателей, пытающихся как-то просуществовать в наше противоречивое время, свобода — просто слово и ничего больше. Требуя свободы, не добьются улучшения жизни и жертвы расовой, кастовой, классовой дискриминации. Что им действительно нужно, так это изменение социальных устоев и институтов.

Свобода подобно другим понятиям полезна человеку в определенных обстоятельствах. Бесконечные призывы к свободе столь же тщетны и беспочвенны, столь же иллюзорны, как любое невыполненное или неосуществимое обещание. Любой порок, общественный или частный, надо судить по достоинству. Когда собраны все за и против, выносите диагноз, назначайте лечение. Прописывать же свободу в качестве панацеи от всех зол, средства для всех и каждого, при всех социальных условиях ни в коем случае не является выходом из положения. А иногда это может оказаться столь же опасным, как и любое другое патентованное, универсальное лекарство.

11. УГРОЗА СВОБОДЫ

Подобно тому как любовь быстро превращается в ненависть — и наоборот, так и свобода, сулящая надежду, легко оборачивается своей угрожающей стороной. Поэтому адвокаты свободы, прописывая ее в качестве лекарства от всех зол — социальных и частных — не должны ограничиваться общими декларациями. Что они имеют в виду, говоря о свободе вообще? Свобода для кого? Что делать? Когда? Где? Как? Пока эти вопросы остаются без ответа, свобода, даже в уве-

личенных дозах, может еще более ухудшить те неблагоприятные условия, которые она была призвана изменить в лучшую сторону.

В предыдущей главе мы указывали, что обещания свободы так и остаются обещаниями, если их рассматривать вообще, вне конкретных условий времени, пространства и тех препятствий, которые мешают им. Сегодня свобода — благо и счастье, завтра — угроза и проклятие.

Преступление — это угроза общественному благополучию. Свобода преступлений означала бы умаление общественных интересов. Поэтому общество карает преступления и разрабатывает уголовные кодексы. Последние квалифицируют разнообразные деяния как наносящие ущерб обществу и определяют меры наказания для нарушителей закона.

Те (это относится к отдельным людям и группам людей), кто нарушает законы, вызывают со стороны общества ответные меры ограничений и принуждения. Природу преступления отличают местные условия, а также существующая практика. По общему согласию свобода лишена права голоса в сфере преступлений и наказаний: для защиты общества прибегают к ограничениям и принуждению.

Опасность, которая таится в свободе, часто возникает в различных сферах жизни, не подпадающих под действие уголовных кодексов. Свобода превращается из надежды в угрозу, когда ее практическое осуществление ведет к подчинению человека воле других людей, группы людей — другим группам, когда всеобщее благополучие висит на волоске. К числу наиболее очевидных превращений свободы из надежды в угрозу принадлежит политика *laissez faire* и развитие свободного предпринимательства.

Сторонники свободного предпринимательства времен Адама Смита³¹ утверждали, что свобода приобретения, накопления и конкуренции на рынке сбыта с целью дальнейшего обогащения дает хорошую прибыль, справедливые цены и достаточную заработную плату, а также, рассуждая логически, оправдывает растущую конкуренцию в роли самого верного регулятора отноше-

ний между экономикой различного типа и претендентами на барыши — регулятора стабильности, устойчивости, общественного прогресса. От правительства, в частности, требовали не вмешиваться в экономический процесс, чтобы конкурирующие группировки свободного рынка сами выработали статус экономических взаимоотношений в соответствии с «естественным законом». Принцип *laissez faire* применительно к различным сферам свободного предпринимательства не обеспечил мира, процветания и свободы, которые предвкусывали его сторонники. Напротив, на протяжении первой половины XX века западное общество, основанное на принципах свободного предпринимательства, раздирают и потрясают бесконечные войны, депрессии, восстания и революции. И это несмотря на то, что западная цивилизация имела в своем распоряжении добрую сотню лет для свободного развития после наполеоновских войн. В середине XX века принцип *laissez faire* перестал быть обещанием, превратившись в угрозу общественному благополучию.

Эти несбывшиеся надежды не случайны. Они не являются и результатом совпадений. Столь неожиданные последствия вытекают из осуществления самих свобод, на которые уповали сторонники принципа *laissez faire*, верившие в мирное и счастливое будущее.

Свобода землевладения, свобода собственности вообще и в любых масштабах (частное владение средствами существования) давала возможность ловким, зубастым и беспринципным умножать свои богатства. Дабы упрочить завоеванные позиции, они установили контроль над государственной властью. Используя влияние в правительстве, хозяева жизни проводят нужные законы, получают права и привилегии, которые опять-таки увеличивают их богатства и власть. Они выбросили на рынок новый принцип: право монополий устанавливать собственные цены. Вместо расширения производства, конкуренции и снижения цен монополисты производили тот минимум, который обеспечивал повышение цен и увеличение прибылей. Свобода для монополистов взвинтила цены и новым бременем легла на потребителя.

На арене производственных и рыночных отношений появилась новая сила — организованные рабочие. Свободные предприниматели с самого начала навесили на движение неимущих ярлык «заговорщиков». Они давили его законами, которые принимали правительства, подчиненные эксплуататорам. Так сложились два враждебных друг другу лагеря. Предприниматели и рабочие начали безжалостную борьбу — экономическую и классовую, борьбу за прибыли, с одной стороны, за повышение заработной платы — с другой.

Таким образом система свободного предпринимательства, подчиняясь своим канонам, в условиях свободного рынка сбыта была вынуждена полностью или частично уступить монополиям центральные места на мировой арене. В новой обстановке монополисты превратили рынок сбыта, который и раньше числился свободным лишь на бумаге, в арену махинаций и жульничества. Они превратили систему конкурентного предпринимательства в монополистический капитализм и ликвидировали свободный рынок, который питала упомянутая система.

Свобода эксплуатации претерпела подобную метаморфозу. В условиях *laissez faire* между работодателями шло сражение за рабочую силу. Одновременно эксплуататоры устанавливали для рабочих «разумную» заработную плату. Однако даже организованные рабочие оказывались в невыгодном положении. Ведь им нужно зарабатывать на хлеб, а хозяева могут повременить. На стороне боссов был голод, и это, как правило, решало исход борьбы. Принцип эксплуатации — «ты работаешь, а я ем» — получил воплощение на практике, признание в законе и юридических институтах, обеспечивающих имущим проценты и дивиденды. Хозяину не нужно зарабатывать себе на жизнь: у него есть собственность. Так принцип паразитизма стал одним из устоев буржуазного общества. Классовые битвы между рабочими и хозяевами в условиях системы свободного предпринимательства не лишали последних львиной доли доходов, ибо они владели средствами производства. Вместо справедливого распределения доходов часть общества трудилась ради куска хлеба, а другая

жила за счет собственности. Семье рабочего доставались крохи, семье хозяина — огромные барыши, и все благодаря системе, которая благоприятствует паразиту, но не производителю. Свобода эксплуатации, свобода незаработанных доходов расколола общество на враждующие классы. Она канонизировала несправедливость, потворствуя паразитам и наказывая тружеников.

Свобода расточительства подрывает благополучие общества свободного предпринимательства. Она имеет разные выражения: уничтожение и расхищение природных богатств — лесов, плодородных земель, водных ресурсов; нерациональное использование руд и минералов, которые могли бы приносить пользу; убытки при выпуске низкосортных товаров; издержки ненужных услуг; потери при неиспользовании производственных мощностей; трата здоровья, сил, гибель надежд, стремлений; наконец, что далеко не маловажно, особенно в наш век, лишения и ущерб, которые несет война. Нет нужды расшифровывать все вышеперечисленное. Слушайте радио, смотрите телевизор, побывайте в «богатейшей нации мира» и одновременно самой расточительной — и вам все станет ясно без слов.

Свобода расточительства началась в период колонизации Северной Америки, когда земные богатства казались «неисчерпаемыми». Люди выжигали леса, истребляли бизонов ради забавы, доводили до полного оскудения землю, оставляя ее на произвол судьбы и безжалостной эрозии. Если прав профессор Поль Сиэрс, утверждающий в книге «Пустыни наступают», что современный человек, уничтожая леса, варварски обрабатывая землю, превратил плодородные почвы в пустыни, причем с большим успехом, чем его предки, значит, разбазаривание природных ресурсов при системе свободного предпринимательства выбивает из-под человечества ту основу, на которой покоятся всеобщее благополучие и сама жизнь. Если прав профессор Тойнби, утверждая в «Изнучении истории», что гибель любой цивилизации несла прежде всего война, значит наше поколение, идя по пути стихийного превращения невозполнимых природных богатств в источники скороспелых прибылей для монополистов и вооружая свобод-

ные враждующие суверенные нации средствами массового уничтожения, успешно роет могилу еще для одной цивилизации. И снова свобода эксплуатации и конкуренции превращена из надежды в угрозу, причем в таком колоссальном масштабе, что под вопрос поставлены благополучие и само существование нашей планеты.

Свобода коррупции — еще один пример угрозы, которая может быть заложена в осуществлении свободы. Свобода лжи, подкупа, торговли наркотиками, распутства, проституции — вот что такое свобода коррупции. Мы прибегаем к обману в деловых и общественных отношениях, ибо наша эпоха возвысила ложь до уровня искусства. Самая явная разновидность обмана в бизнесе — реклама. Нет ничего бессовестнее, как проповедовать одну мораль, а исповедовать — другую. Двумличие и лицемерие стали достоянием многих профессий. Это прежде всего относится к дипломатии; затем — к праву, потом — к преподаванию, и, наконец, — к религии. Ложь представляет собой преднамеренное извращение фактов. Представители вышепоименованных профессий лгут виртуозно, дабы оправдать гонорары, которые им выплачивают хозяева, и сделать сильных мира сего еще более сильными.

Мы не станем забираться в дебри вопроса. Подкупы, торговля наркотиками, разврат и проституция разрушают здоровье, подрывают дух и разум американского народа, народов других западных стран, точно так же, как это было с создателями предшествующих цивилизаций. Ловкие и беспринципные люди давным-давно усвоили, что куда выгодней потакать порокам, нежели заботиться о добродетели. Отсюда — вакханалия самой разнузданной пропаганды, которую пираты свободного предпринимательства, вооруженные новейшими достижениями науки и техники, обрушивают на голову человека с улицы. Свобода коррупции начинается с разложения самих исполнителей. А в жертву приносится общество.

Два положения не вызывают сомнений. Первое — пока идет эта игра, частные предприниматели будут делать деньги за счет доверчивой публики, которой

трудно уследить за вымогателями. Пока у прожженных, алчных, бессовестных дельцов не связаны руки, они станут подтачивать устои общества, переступившего порог зрелости, причем быстрее, чем строители успеют восстановить разрушенное.

Другая разновидность свободы, популярная в политических сферах, заключается в подчинении правительственного аппарата. Иногда захват власти не обходится без вооруженной борьбы. В других случаях борьбу ведут коварство и интриги — разумеется, во имя свободы; платой народу служат хлеб и зрелища. Захват власти любым путем рождает тревогу и смуту, грозит войной, сдачей позиций, завоеванных тяжким трудом. Такая свобода принадлежит к числу основных прав в Декларации независимости. К ней прибегали не раз. За редкими исключениями результат был один: усиление деспотизма.

Когда положение непрочное, можно с легкостью необыкновенной уверять, что только захват власти укрепит свободу. Хроника движения за независимость последнего времени изобилует примерами тирании и деспотии, установленных во имя свободы. В одной Латинской Америке, родине бесконечных государственных переворотов, один за другим рассыпаются режимы под натиском борцов за свободу, в свите которых, увы, следуют будущие тираны и деспоты, готовые пустить в ход наручники, как только представится подходящий случай. Если рухнул привычный уклад жизни, началось смятение, то десять шансов против одного, что к столу яств прорвутся хитрые, жадные, бессовестные. Если это так, а так уже было тысячу раз в прошлом, значит, угроза тирании разбивает иллюзии свободы.

Разрушение власти грозит расколом каждому обществу. Ниспровергатели, как правило, действуют скрыто, они народ понаторевший и знают, откуда начинать. Почти всегда они рядятся в овечьи шкуры, они всегда самые рьяные хранители чести, стражи домашнего очага, сторонники всех и всяческих свобод. Однако, в какую бы новую кожу они ни облачались, они так и остаются профессиональными ниспровергателями.

Труженики и разрушители есть в каждом сообществе, подобно тому как созидание и разрушение не прекращаются в каждой клетке человеческого организма. До тех пор пока труженики опережают своих противников, любой организм — биологический или социальный — растет и развивается. Когда труженики отстают, делают неверный ход, их соперники, только что бывшие позади, берут верх и в биологической или социальной ткани появляются симптомы загнивания.

Искусство разрушения совершенствуют вооруженные силы. Разумеется, они призваны опустошать чужие земли, а не свои собственные. Однако, как только они окажутся наверху, да еще с именем свободы на знаменах, сразу последуют драка за власть и гражданская война, если смутьянов не уймут. Когда армия терпит поражение, враг грабит страну. Если любители авантур и ниспровержений победили на полях сражений, они возвращаются домой, разделяются на группировки и с оружием в руках начинают делить плоды победы.

Войны происходят не всегда. А между войнами авантюристы истощают казну — во имя защиты свободы, подтачивают экономику, нацеливая ее на легкие деньги и соблазняя военными контрактами, подрывают моральный дух общества, разглагольствуя, что цель оправдывает средства и что сила важнее права.

История и современная действительность убеждают, что свобода в руках недостойных людей превращается из надежды в угрозу и приводит к обратным результатам. Мало дать свободу. Люди и общество, перед тем как свободе дан зеленый свет, обязаны подумать: а для кого свобода, что с ней делать, где, когда, как?

Неудачи, выпавшие на долю свободы, побудили даже бывших ее приверженцев сменить знамена и устремиться в объятия ограничения, принуждения и насилия. Многие относятся к свободе с опаской, на собственном опыте познав горькие ее плоды. Другие остаются в стороне от борьбы, попадаясь на удочку комфорта, развлечений, безмятежного житья-бытья.

В книге «Бегство от свободы» Эрик Фромм рассматривает проблему свободы в целом, прежде всего

психологически³². Эпоха Ренессанса, пишет он, позволила определенным группам общества освободиться от гнета феодальной системы. Вместе с тем человеческая личность — одинокая, запуганная, сбитая с толку — оказалась лицом к лицу с новой, неизвестной жизнью. Люди не выдерживают одиночества. Путь эскапизма ведет либо к подчинению новоявленному вождю, либо заставляет стать конформистом. Квинтэссенцию своих рассуждений Фромм заключает в вопрос: «Что такое свобода для современного человека, почему и как стремится он ее избежать?» Как мы уже отмечали, прошедшие десятилетия явились свидетелями невиданной битвы за свободу. Однако знаменiem времени стали и всеобщий раскол, а также общий отказ от свободы, возвращение к авторитарным и тоталитарным режимам.

После столетних упражнений со свободой разных типов последние пятьдесят лет прошли под знаком форсированных военных приготовлений, тщательно разработанного массового физического истребления и, как следствие, неуверенности, тревоги, ужаса, культа ненависти, страха перед свободой и бегства от нее. Воспользовавшись паническим отступлением от идеалов свободы и рожденных ею призраков, современные олигархии установили всевозможные запреты, включая повальные мобилизации, принудительный труд, приоритет исполнительной власти, полицейские режимы, физическое насилие и прочие формы террора. Если XVIII и XIX века были эпохой всепоглощающей веры в свободу, наш век стремительно капитулирует перед ее угрозами.

12. СВОБОДА В „СВОБОДНОМ МИРЕ“

Термин «свободный мир» выбрали, завизировали и пустили в обиход люди, утверждающие, что свобода — не просто благо, а высшее, главное благо. В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то «цивилизованный», «христианский», «западный», отвергнув их по причине неэффективности

и неубедительности. Они остановились на слове «свободный», услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни.

Географически «свободный мир» располагается за «железным занавесом» — линией, разделяющей Запад и страны, избравшие путь социализма, путь, на который встали Советский Союз, его союзники и последователи. Таким образом, «свободный мир» — понятие весьма растяжимое. Многие нации, завоевавшие независимость после окончания второй мировой войны, еще не сделали выбор, в то время как другие нации, следующие за Индией, отказываются примкнуть к какому бы то ни было блоку. Поэтому членство в «свободном мире» колеблется в зависимости от присоединения той или иной страны к Западу или Востоку.

Политически «свободный мир» состоит из тех стран, которые входят в Североатлантический блок (НАТО), Организацию Американских государств (ОАГ), СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС — Союз Новой Зеландии, Австралии и США — и которые свили целую сеть военных союзов. Они занимаются распределением экономической помощи, навязывают системы квот и цен, подчиняя экономические и социальные отношения соображениям дипломатическим и военным — во имя холодной войны против марксизма и коммунизма.

Страны «свободного мира» поддерживают систему свободного предпринимательства и выборную законодательную власть. Они подчеркивают значение личности, ее права и достоинства, конкуренцию как средство борьбы за материальный успех и продвижение по общественной лестнице. Наряду с ведущими западными державами «свободный мир» включает также страны с менее развитой промышленностью и выборной законодательной властью. Последние принимают политику «свободного мира», поставляют сырье, открывают дорогу капиталовложениям и рынки сбыта, обращаются к великим державам за экономической помощью и зачастую предоставляют свою территорию для оккупационных войск и военных баз «свободного мира».

«Свободный мир» — детище Ренессанса, Реформа-

ции, промышленной революции, развитие экономики *laissez faire* и представительной республиканской формы правления. Возрождение торговли между Востоком и Западом еще тысячу лет назад, во времена крестовых походов, способствовало появлению современных западных наций. Этот процесс достиг зенита в эпоху образования мировых империй — между 1500 и 1900 годами. За это время феодализм пришел в упадок. Капитализм, опираясь на достижения науки и техники, утвердился в центре мировой арены. До середины XVIII века свободу полагали средством облегчения феодальных принуждений. С помощью свободы купцы и промышленники строили собственное благополучие, а новые государства, добившиеся независимости, отстаивали свои суверенные права. Все чаще резкая грань между титулованной или земельной знатью и буржуазией, занятой коммерцией, мануфактурами, банками, стиралась или вовсе сходилась на нет: землевладельцы, вкладывали капиталы в предприятия третьего сословия, а дельцы покупали поместья и стремились породниться с аристократией. В Западной Европе этот процесс начался рано. В Центральной и Восточной Европе он продолжался до завершения войны 1945 года.

В различных странах, в разные эпохи социальные преобразования совершаются отличными друг от друга темпами. Подобно силам механическим, общественные силы избирают линии наименьшего сопротивления. В эпоху подъема свободного предпринимательства, выборной системы правления, социальной устойчивости различные нации развивались с попеременным успехом. До XV века центрами европейского богатства и могущества были средиземноморские города и страны. С открытием новых торговых путей в Азию, проникновением атлантических держав в обе Америки и Азию корона европейского владычества перекочевала в Западную Европу. В течение нескольких веков титул ведущей западной державы удерживает Франция, имевшая выходы на Атлантику и Средиземноморье. И только после 1750 года мировой скипетр перешел от Франции к Англии.

Долгие века борьбы и развития создали «свободный мир», каким он пришел к 1900 году. С начала XX века и до наших дней «свободный мир» претерпел значительные метаморфозы. Подъем производительности труда, экономическая экспансия, войны, колониальные возмущения и социальные революции привели к перераспределению богатств и мощи в странах «свободного мира».

Экономическую систему «свободного мира» в конце прошлого века определяло частное предпринимательство в форме трестов или монополий. Безнадежная борьба мелких фирм с большим бизнесом, индустриализация, быстро распространившаяся за пределами Европы и способствовавшая превращению Соединенных Штатов Америки и Японии в великие державы, стремительный рост многочисленного среднего класса, занятого главным образом в сфере торговли, техники, юриспруденции, медицины и т. д., перераспределение ключевых позиций в торговле и колониях плюс усиление гонки вооружений — таковы моменты, предопределившие расстановку сил на стыке двух веков.

Быстрое восхождение тред-юнионизма и социализма, которые заняли позиции огромной политической важности и даже политического могущества, резко изменило положение вещей. Резко изменилась география мощи западного мира: Западная и Центральная Европа перешли во второй разряд, а на первое место выдвинулись страны иных континентов. Но это не все. «Свободный мир» вынужден был отказаться от своей вековой политики агрессии и перейти к обороне. Главная проблема «свободного мира» теперь не в том, «что еще мы можем приобрести», а «к каким новым потерям надо готовиться». По общему мнению, лозунги «свободного мира» — развитие, процветание, устойчивость, прогресс капитализма — изрядно поистрепались. Их заменили призывы к защите интересов «свободного мира» против могучих, сметающих все на своем пути сил национализма и социализма. Возникновение новых стран, сбросивших колониальное ярмо, развитие социалистического строительства сократило сферу капиталистического владычества.

С окончания второй мировой войны капиталистический Запад занимает одна мысль — как уцелеть перед лицом коммунистической угрозы. В первые послевоенные годы западная политика шла по таким направлениям: 1) Стабилизация, восстановление и обновление потрясенной и исключенной капиталистической системы в Центральной и Западной Европе. Пунктами этой программы были ленд-лиз и план Маршалла. Одновременно громадные усилия направлялись к координации, а в случае удачи — к унификации экономики Западной Европы под эгидой Соединенных Штатов Америки. 2) Между 1945—1949 годами западные лидеры считали, что коммунизм можно «сдерживать». Политика сдерживания исходила из того, что коммунизм — это международный заговор во главе с Советским Союзом, который можно подвергнуть дипломатической, экономической и военной блокаде.

НАТО, СЕНТО, пакт АНЗЮС, СЕАТО представляли дипломатический аспект этой политики. Ограничения в торговле, бойкоты и эмбарго выражали некоторые ее экономические стороны. Военные меры предусматривали контроль над открытым морем и воздушным пространством, создание кольца военных баз вокруг Советского Союза, концентрацию крупных военных соединений в Центральной Европе в пределах досягаемости Советского Союза, перестройку промышленности и перевооружение Западной Германии и Японии — оперативных плацдармов против Советского Союза.

Стремительные темпы восстановления советской экономики и экономики восточноевропейских стран после войны, разгром китайских националистов в 1948 году и образование Китайской Народной Республики в 1949 году, успехи первого пятилетнего плана КНР, запуск русского спутника, впечатляющие цели советской семилетки, быстрое развитие восточноевропейских стран после 1956 года и замешательство капиталистического мира перед лицом широкого национально-освободительного движения в Азии и Африке убедили Запад, что перед ним крепко стоящий на ногах, неудержимо идущий вперед, сплоченный и спаянный Восток. Строители социализма занимают ныне огром-

ные пространства земного шара от Балтики до Тихого океана. Средний Восток, Юго-Восточная Азия, Африка открыты для коммунистов. Сдерживание и удушение коммунизма уже не под силу Западу. Он очутился перед реальной и смертельной угрозой собственному существованию. Поскольку политика сдерживания оказалась несостоятельной, Запад перешел на третью линию обороны. Доктрина Трумэна, провозглашенная в 1947 году, была переработана в доктрину Эйзенхауэра, поскольку бесплодная корейская война убедила Запад в неизбежности позиций социалистического лагеря. Линия обороны протянулась вокруг СССР и Китая. Преступить эту черту для коммунистов, по мнению Запада, значит начать войну. Речь шла теперь о жизни и смерти Запада.

Доктрина Эйзенхауэра провозгласила, что любая попытка установить коммунизм на территории «свободного мира» — будь то вторжение извне или подрыв существующих устоев внутри той или иной страны — встретит военное противодействие. Эта политика получила практическое воплощение в 1958 году, когда Шестой флот США был переброшен в восточную часть Средиземного моря, а морская пехота США оккупировала Ливан, чтобы предотвратить возможное свержение существующего там правительства. В 1960 году, когда кубинская революция уже стучала в двери Вашингтона, на свет была извлечена доктрина Монро, призванная укрепить союз государств западного полушария. Вашингтон заявил, что он не потерпит коммунистического проникновения в западное полушарие. Москва ответила, что интервенция США на Кубу встретит вооруженный отпор социалистических стран. «Свободный мир» выпустил из рук инициативу в международных делах, которую удерживал в течение четырех столетий, создавая всемирные империи. На этот раз перед ним было новое социальное устройство. Новый социалистический образ жизни нельзя было назвать ни скверной фантазией, ни безумной авантюрой. Новая жизнь крепко стоит на ногах, быстро набирает темпы и представляет собой реальную силу нашей эпохи, которая вынудила лидеров «свободного мира» ме-

нять внутреннюю и внешнюю политику. Во внутренних делах на смену либерализму XVIII и XIX веков пришел фашизм XX века. Новые направления политики можно выразить в следующих шести пунктах:

1. Консолидация бизнеса, аппарата управления, армии, средств связи и пропагандистской машины в руках хорошо организованных, наследственных «тысячи семейств».

2. Гарантия комфорта, обеспеченности, положения для представителей среднего класса, что служит залогом его верности олигархии.

3. Создание необходимого жизненного уровня и прочих форм благополучия для народных масс, которые бы трудились и расставались с жизнью во имя могущественной олигархии, управляющей обществом и делающей политику.

4. Принятие профсоюзных лидеров в олигархию на роль младших партнеров. Проведение с их помощью политики в массах, нужной хозяевам жизни.

5. Ликвидация оппозиции. Подкуп одних, если возможно, и подавление других — любыми средствами.

6. Осуждение и запрещение идей и взглядов, подвергающих сомнению истины и ценности «свободного мира», которые провозгласила олигархия.

В международной политике «свободный мир» неохотно признает колониальную независимость и самоопределение, любыми средствами саботируя их.

Истинное отношение «свободного мира» к самоопределению народов проявилось летом 1960 года, когда Бельгия даровала Конго независимость и для виду вывела оттуда войска; тут же, однако, армия вторглась в Катангу, знаменитую своими природными богатствами. Лицемерную политику Бельгии поддерживали США, Великобритания и ООН.

Через посредство своих региональных союзов — НАТО, СЕАТО и ОАГ,—а также время от времени прибегая к услугам ООН, «свободный мир» всеми силами стремится удержать в узде колониальные народы и в то же время помешать развитию социализма. Для этого «свободному миру» приходится возглавлять гонку вооружений, стремиться к триумфу в холодной вой-

не, уничтожению социализма и восстановлению хотя бы подобия монополистического капитализма.

Общие кризисы, следующие за войнами, экономическая неустойчивость, колониальные возмущения, социальные революции и блистательные успехи социалистического строительства породили в странах «свободного мира» социальный кризис, который несет неуверенность в завтрашнем дне, беспокойство и страх в ожидании грядущих поражений и потерь. В условиях военно-фашистской плутократии и диктатуры, учрежденных во имя свободы для защиты «свободного мира» от национально-освободительного движения и социализма, Запад далеко ушел от свободы к ограничению. Знакомство с законодателями политики «свободного мира» поможет понять, что это значит.

Самым популярным вероисповеданием «свободного мира» является его антикоммунистическая идеология. До начала холодной войны в 1946 году важную роль в определении идеологии «свободного мира» играла церковь. Со времен Парижской коммуны и до Великой Октябрьской социалистической революции церковь задавала антисоциалистический тон и числилась в рядах защитниках капиталистического строя. С 1917 года она подняла знамя антикоммунизма. Позиция церкви понятна. Впервые за последние столетия дало трещину ее учение о блаженстве на небесах. Радость и счастье люди могут обрести в своем земном жилище, разумно устроенном и справедливом. Христианской идеологии был брошен вызов, и массы людей поддерживали его. Две идеологии находятся в непримиримом конфликте.

На словах христианская церковь, в частности в Соединенных Штатах Америки, выступает в защиту свободы против автаркии и деспотизма. На деле же сама церковь — олицетворение авторитарной системы, а многие церковные направления придерживаются тоталитарных принципов. Источники власти церковь находит в Библии, которая, по мнению христиан, создана божественным промыслом. Хотя христиане составляют меньшинство человечества, тем не менее они утверждают, что лишь у них истина, а все несогласные — еретики.

Среди различных христианских течений римская католическая церковь стоит во главе наиболее многочисленной паствы. Католики называют себя истинными детьми божьими, обвиняя своих протестантских собратьев — христиан в отступничестве и неверии. Ватикан приводит в действие церковь с 400 млн. верующих, властвует в городе Ватикане, пользующемся статусом «государства». На протяжении последнего столетия Ватикан возглавлял идеологическую борьбу против социализма и коммунизма. Он продолжает борьбу и поныне, но не во имя свободы, а во имя «истинной» веры.

Римская церковь принадлежит к наиболее авторитарным и тоталитарным учреждениям человечества. Мало того, что вера, которую исповедует она, — это «единственная истинная» вера, во главе католической церкви стоит человек, непогрешимость которого гарантируют небеса, а его «да» или «нет» в вопросах веры и морали не подлежат обжалованию. Через свою многочисленную паству и подчиненные организации, через сторонников, занимающих высокие положения в странах «свободного мира», Ватикан стремится определять политику и направлять ее практическое воплощение. В борьбе против коммунизма протестантская церковь представляет собой несколько более либеральную разновидность Ватикана. Протестанты пользуются меньшим влиянием в формировании политики «свободного мира», главным образом вследствие собственной раздробленности и неорганизованности.

Пропагандируя достоинства «свободного мира», его защитники утверждают, что этот мир един и монолитен. На деле же это рыхлый конгломерат соперничающих и враждующих между собой наций с различным уровнем экономического и культурного развития. Это не федерация и не конфедерация, а группировка из пяти ассоциаций государств, соединенных договорами и лишенных действительного руководства. В Западной Европе создан Североатлантический блок (НАТО), ядром которого являются Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Западная Германия, Франция, Италия, Голландия и Бельгия. На американских континентах учреждением подобного рода является Организация американских

государств — ОАГ, такую же роль играют СЕНТО, АНЗЮС и СЕАТО. Все они представляют собой милитаристские союзы, скрепленные военными договорами, политическая механика и деятельность которых сведены до минимума. Задают тон в любом из перечисленных союзов Соединенные Штаты Америки. Они зажали в кулак страны «свободного мира», используя свои богатства, престиж, нажимая на педали экономики, дипломатии, политики, всюду поспевая со своими сухопутными, морскими и воздушными базами.

Вокруг США группируются их союзники по НАТО, не слишком блестящие наследники европейских капиталистических империй, которые завоевали и эксплуатировали народы Азии, Африки и обеих Америк. Возведение империй и свобода полярно противоположны. В течение последних пяти столетий ведущие западные державы вели бесконечные войны за лучшие куски в нашем всемирном пироге. Свобода, как правило, не участвует в вооруженных конфликтах, завоеваниях или оккупациях чужой территории. История «свободного мира» — это длинная цепь ограничений, принуждений и насилий. В наши дни руководство «свободного мира» насчитывает в своих рядах наиболее ненавистных народом диктаторов и тиранов.

Член конгресса Томас Куртис, подвергнув тщательному изучению «свободный мир», пришел к выводу, что он включает 71 страну за пределами «железного занавеса». В 49 странах из 71 царит диктатура или правят «шестьдесят семей» олигархов. В большинстве этих стран экономика подчинена олигархам и «незначительное меньшинство живет за счет остальных девяноста девяти процентов населения»³³. Мистер Куртис мог бы добавить, что в современных Соединенных Штатах Америки осталась лишь тень политической свободы. Экономика же пребывает в руках плутократической олигархии³⁴. Это — пощечина здравому смыслу, возмутительное издевательство над словом «свобода», извращение понятия, которое заставляют играть роль фигового листка и навешивают на союзы олигархов, самодержцев, деспотов, скрывающихся под вывеской «свободного мира».

13. СВОБОДА ПОД ЭКСПЕРИМЕНТОМ

Исследуя свободу в действии, нужно иметь в виду многочисленные случайные и преднамеренные эксперименты, которым подвергалась свобода, призванные раздвинуть пределы решений, выбора и воплощения этих решений в жизнь отдельными людьми и группами людей. Подобные эксперименты ставят под сомнение идеологические постулаты существующей в данное время системы, отвергают законы собственности; их цель — добиться справедливости иными средствами, если закон бессилён; в них — вызов проторенным путям жизни, как правило установленным раз и навсегда и не допускающим компромиссов.

Привычный уклад жизни в союзе с законом в течение длительного времени всячески сдерживали проявление человеческой натуры. В значительной степени при этом повседневное существование людей, образ жизни целых групп определяли традиции, прецеденты, обычаи. Однажды возникнув, жизненный уклад и законная власть пропитывали все поры социальной ткани не только потому, что их принимали подраставшие поколения, нуждавшиеся в каких-то воззрениях и практическом руководстве, но и потому, что само общество, его члены настойчиво утверждали этот жизненный уклад, уважали закон и власть, стремились в том же духе воспитать своих преемников.

Таким образом жизненный уклад вкупе с законом превращались в смиренную рубашку на теле общества, определяя нормы поведения, ограничивая сферу выбора.

Против произвольных, социальных ограничений действовали два фактора, которые вели к импровизации и новаторству. Первый фактор — стечение чрезвычайных обстоятельств. Второй — воображение, разум и изобретательность человека. При внезапных стечениях обстоятельств, вызванных естественными причинами или социальными катаклизмами, уклад жизни, законы государства и законы существования часто сталкивались в непримиримом противоречии. Повинуясь неумо-

лимоу ходу событий, люди отбрасывали привычные нормы жизни и законы, устанавливая новые формы общественного бытия.

Человеческое воображение, разум и изобретательность, подхлестнутые необходимостью, рождали новые идеи и формы, которые в свою очередь вели к изменению сложившихся социальных образований и процессов. Каждое нововведение было, по существу, призывом к освобождению от существующих форм. Заменяя устаревшие общественные и культурные институты новыми, более совершенными, люди добивались свободы (хотя бы частичной), отбрасывая те рогадки, которые создавал существующий порядок.

Нововведения, пробивавшиеся сквозь застывшие барьеры общественных отношений, по сути дела, означали изучение и познание возможностей, которые таились в свободе. Но вновь рожденные порядки в свою очередь создавали новые барьеры. Этот процесс находит отличную иллюстрацию в отношениях вождей и их последователей — руководства и подчинения. Социальная группа людей, развившая упомянутые отношения, берет верх над теми, которые лишены руководства. Появление руководства означает, что власть попадает в руки одного человека или незначительного меньшинства, что нередко перерастает в систему деспотизма и тирании. Большинство людей на протяжении почти всей известной нам истории жило в условиях той или иной формы тирании или деспотизма. Подавляющая масса человечества живет в таких условиях и по сей день. Отдельные люди и меньшинства выступают против общественного произвола. Они требуют у своих вождей большей свободы. Протестуя и сопротивляясь, бунтуя и восставая, непокорные добиваются временного облегчения, особенно если в результате переворота или народного возмущения сторонники и защитники существующего режима терпят поражение, гибнут, попадают в тюрьмы. К власти приходят новые люди. По сравнению с прошлым — налицо относительная свобода. Тем не менее нужно подчиняться новому руководителю, который волен толковать законы и обычаи, изменяя их по своему разумению.

На более поздних этапах развития общества появляются вожди, отвергающие тиранию и единовластие. Они стремились к замене произвола коллективной деятельностью во имя общего блага. Ману, Аменхотеп, Моисей, Иисус и социалисты более поздних эпох принадлежали к вожакам человечества, мечтавшим об обществе, в котором царили бы мир, изобилие и дружба, все люди жили вместе, практически не зная над собой головы, разделяя и наслаждаясь благами жизни в едином братском содружестве.

Эта идея на языке современных социалистов или анархистов означает ниспровержение государства. Идея воистину тысячелетнего возраста. Однако, получив путевку в жизнь, она бы возвестила об обществе без вождей, в котором каждый человек поступал бы, повинаясь голосу рассудка и самодисциплины. В таком обществе добровольное согласие каждого с решением всех пришло бы на смену тирании, произволу, олигархии и рецептам, прописываемым свыше, что столь характерно для современной государственности.

Исследования, научные открытия, технический прогресс приблизили современного человека к пульта управления природой и обществом, не знающим тяжкого труда. Недалек день, когда разумный человек будет властвовать, а природа — повиноваться, когда система социального устройства и управления создаст небывалый уровень изобилия, приведет к невиданным высотам творчества.

Технический прогресс позволяет освободиться от устаревших норм, обратиться к новым средствам контроля над природой и обществом. Все новое, что получает одобрение, способствует избавлению от обветшалых форм, сковывающих движение вперед. Таким образом, прогрессивно то, что освобождает человека от пут прошлого, открывает широкие перспективы в будущем.

Люди страстно жаждут новой, полнокровной жизни. Наиболее предприимчивые и практически мыслящие неизменно задают вопрос: «Коль скоро мы достигли столь благоприятного положения, почему бы не использовать возможности этого положения? Зачем ждать? Пусть те, для кого ясны перспективы, приступают к их

практическому осуществлению, а менее предприимчивые собратья последуют за нами».

На протяжении известной нам истории человечества люди бесконечное число раз пытались вырваться из-под власти природы, покончить с зависимостью от капризов земли, огня, воды, традиций, «прописанных» государством доктрин. Свободы, в узком смысле слова, стремились добиться отдельные люди, например отшельники; они полагали, что, живя в одиночестве, можно избавиться от социального гнета. К свободе стремились рабочие родственных профессий; посредством всевозможных гильдий, цеховых объединений, союзов и т. д. они хотели упрочить свое экономическое и социальное положение, солидаризируясь с братьями по труду. Сен-Симон, Фурье, Роберт Оуэн, Генри Джордж, Толстой и другие реформисты XVIII и XIX веков стремились воплотить свои теории в практике разумно устроенных, специально создаваемых общин. Свободу искали в сельском хозяйстве и торговле. В основном стремление к свободе объединяло тех людей и целые семьи, которых связывало единство убеждений и веры. Братства людей, соединявшихся в коммунах и общинах на основе единой религии, оказывались более жизнеспособными, нежели объединения людей, просто разделявших общие экономические воззрения и общие принципы социальных преобразований.

Уильям Пенн и другие колонисты Северной Америки отправлялись в Новый Свет, полные решимости создать общество, в котором бы царили правда, любовь, справедливость и честность. Пенн представляется самой выдающейся фигурой среди ранних инициаторов планового начала в усовершенствовании индивидуального и общественного бытия. Он и его сподвижник Квaker пошли дальше других в стремлении увязать свободу самостоятельного выбора и действий с коллективным руководством в обществе, не являющемся авторитарным. Центром своего эксперимента Пенн избрал город Братской Любви — Филадельфию. Главными заповедями филадельфийского эксперимента должны были стать дружба, справедливость, честность внутри коммуны и в отношениях с соседями. Начиная свое дело, Пенн и его

последователи завязали дружеские контакты с американскими индейцами. В прибрежных районах, охваченных нескончаемыми войнами с индейцами, в атмосфере страха, когда не было популярней девиза: «Хороший индеец — это мертвый индеец», Уильям Пенн и его друг Квaker посещали индейские потлачи, обращались с индейцами по справедливости, соблюдали заключенные договоры и относились к ним так, как подобает относиться к людям. По крайней мере в этой колонии люди жили, не ведая ненависти, страха и ужаса перед наказанием.

Огромные пространства свободной земли в Северной Америке, слабая власть центрального правительства открывали широкое поле деятельности для религиозных групп вроде квакеров в Филадельфии, католиков в Балтиморе, пуритан в Новой Англии, позволяя экспериментировать в сфере свободы богослужения. Экономические и социальные эксперименты проводились и в других местах. И практически всюду пацифизм уступал место военным приготовлениям, свобода вероисповедания — религиозной нетерпимости и преследованиям, экономическая свобода — эксплуатации и монополиям. Вопреки планам, благим намерениям и клятвенным заверениям устроить жизнь на принципах свободы, справедливости, сочувствия, взаимопонимания и братства большинство благозадуманных общин, возникших в XVIII и XIX веках, отошли от альтруизма к эгоизму, от свободы — к системе ограничений. Даже общины, связанные фанатической верой, и те, по сути дела, признавали собственное бессилие в попытках вбить в голову новым поколениям каноны своего сурового аскетизма. Молодежь, за редкими исключениями, покидала замкнутые обособленные общины своих отцов в поисках более надежных жизненных гарантий и комфорта, за которые надо было заплатить признанием обычаев, привычек и миропонимания общества. Иногда закон распускал религиозные общины, принуждая их членов жить так, как живет все общество.

Свобода знала и другие попытки экспериментирования более общего характера. Индийский император Ашока стремился развить сознание и деятельность сво-

их подданных. Перикл и его последователи хотели сделать красоту, разум и справедливость истинными боже-ствами враждующих греческих государств. Европейский Ренессанс и Реформация, которые вызвали просвещение, подчинили традиции и обычаи разуму, вольности, равенству и братству, были задуманы своими создателями и поклонниками как средство разорвать паутину конформизма и утвердить идеи свободы.

В период бурного развития идей, предшествовавшего американской революции 1776 года и французской революции 1789 года, возникали правительства и правления, само появление которых диктовалось стремлением к лучшей жизни, свободе и счастью. Американскую революцию в период хаоса и неопределенности между 1783 и 1789 годами, когда была принята федеральная конституция, воодушевляли требования дать народу большую свободу. И в самом деле, свобода, по мнению более либерально настроенных республиканцев, должна была увенчать длительную и тяжелую борьбу, сначала — за независимость, затем — за объединение дюжины независимых североамериканских штатов в федерацию.

Конституция Соединенных Штатов Америки заменила наследственную монархию республиканским правительством. Его избирал и переизбирал народ. Свобода избирать своих правителей, иначе говоря, слуг общества, была задумана как мера, которая расширит свободы, дарованные Хартией вольности и Обычным правом, гарантирует народу право выбирать представителей и определять направление общественной жизни.

Восторженные поклонники республиканских институтов, созданных в последние годы XVIII века, верили, что свобода станет лекарством против основных болезней человечества. В какой-то степени во Франции и Швейцарии и в особенности в заморских землях сторонники свободы полагали, что они нашли средство от всех социальных недугов. В Соединенных Штатах они сбросили его Британской империи, но не смогли уничтожить рабство и добиться серьезного изменения в отношениях собственности. За пределами же Франции в крупных европейских странах по-прежнему властво-

вали самодержавие, наследственные монархии, знать и авторитарная церковь. В Европе, как и прежде, монархии и олигархии воевали друг с другом — за передел карты Европы, за господство в покоренных странах иных континентов. Политическая свобода в форме законодательной власти не слишком потревожила рабство, крепостное право или монопольное право на владение землей и капиталом. Она не смогла поколебать устой государственной власти, опиравшейся на армию.

В историческом плане современные поиски свободы начались с Ренессанса и Реформации. Политически же они восходят к борьбе свободных городов и некоторых западноевропейских государств за утверждение класса буржуазии. Последние революционные десятилетия XVIII века не раз были свидетелями попыток освободить человечество от кандалов феодализма, дать людям возможность самим ковать свое счастье и благополучие. Колониальные возмущения, вспыхивающие на протяжении двух столетий и особенно в Северной и Южной Америке, помогли возвестить приход «века свободы», во время которого человечеству суждено было заложить основы нынешнего «свободного мира» — путем отмены рабства, ослабления феодальных отношений и вступления в эру европейской империалистической экспансии. Система европейского частного предпринимательства превратила обе Америки, Азию, Африку в великолепные охотничьи угодья, где было разгуляться пиратам, грабителям, насильникам и колонизаторам. Произнося звучные панегирики в честь свободы, они не забывали заковывать в цепи народы колониальных и зависимых стран.

Пионеры свободного общества говорили, что свобода — это дар божий, милость природы, которой отмечены лишь обитатели «белого» Запада. Энтузиасты и практики свободы смотрели на свободу как на рог изобилия, розу без шипов. Свободу называли философским камнем, который открывал радужные горизонты истины, порядка, красоты, любви, сочувствия и понимания. Подобные взгляды нашли воплощение в конституциях и прочих политических документах. Вокруг них создавали культ поклонения, на них взирали, как на путе-

водную звезду, ведущую прямо в утопию. А на пути к утопии поклонники свободы покоряли, колонизировали, порабощали чужие земли, заселяли заморские территории, вели империалистические войны не на жизнь, а на смерть, поднимали бунты и возмущения. За «свободным веком» (1750—1870) последовала борьба за передел мира и сфер влияния, период замораживания и почти полной ликвидации свобод в течение длительных войн, эра фашистского террора и бесконечных конфликтов, по мере того как монополистический капитализм обнаруживал все более явственные симптомы разложения.

В теории по крайней мере свобода открыта для экспериментирования. Естественно, что сторонники свободы, занимаясь экспериментами в сфере политики, экономики, социального устройства, полагали, что, поскольку рухнули барьеры принуждений, возникли безграничные перспективы представительной демократии, человечество стоит на пороге земли обетованной. Подобные эксперименты имели место во многих странах. В них люди различных рас и убеждений видели благословение свободы. Результаты были убийственными — по сути дела, люди покидали бастии свободы, укрываясь в более надежном убежище авторитаритарных и тоталитарных режимов, отступая под защиту организации, основанной на плане и дисциплине. Если многочисленные эксперименты со свободой в течение двух столетий и убедили в чем-нибудь, так прежде всего в том, что в современную эпоху развитие прогресса рождает не большую свободу, а ее противоположности.

14. СВОБОДА В ДЕЙСТВИИ РОЖДАЕТ СВОИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Уже давно требования, достижения и недостатки свободы в действии заняли столь важное место в жизни современного общества, что термины «современный век» и «век свободы» стали по сути дела синонимами, характеризуя эпоху промышленной революции и революций политических XVI и XVII веков. Разнообразные источники почти не оставляют сомнений, что на

протяжении данной эпохи свобода в действии встречала официальное и неофициальное противодействие. Более того, совершенно очевидно, что свобода в действии порождает, пробуждает, вызывает обратную реакцию.

Поэтому в современном обществе действуют силы свободы и силы ограничения, пребывающие в состоянии временного равновесия. Если развитие событий благоприятствует свободе, возрастают силы ограничения. Если же ветер дует в сторону ограничений, громче зазвучит голос свободы. Следовательно, развитие событий в любом направлении нарушает сбалансированную формулу, вызывает ответные, противоположные действия. Эти колебания в течение «свободного века» ослабили узы обычаев и традиций современного общества, высвободили инициативу и энергию отдельных людей и целых групп, выросли в могучую силу, изменившую равновесие в природе и обществе.

Свобода в действии поставила современного человека перед пятью общими факторами, имеющими место в обществе и в природе.

Первый фактор — причинность. **Второй** — распад целого на две свои противоположности носит всеобъемлющий характер. **Третий** — бесконечное и вечное изменение. **Четвертый** — изменения идут циклами или по спирали, а не по прямой. **Пятый** — действие и реакция на это действие стремятся уравновесить друг друга.

Называя свободу главной целью человеческих стремлений, философским камнем, снимающим любое бремя и разрешающим все загадки, волшебным ковром, способным перенести человечество в царство вечной радости, поклонники свободы проглядели уроки истории. Хуже того, они угодили прямо в зубы пяти всеобъемлющим факторам причинности, противоположности, изменений, последовательности, действия и противодействия.

Сторонники свободы, которые одновременно являлись исследователями движущих сил природы и общества, могли бы на основании опыта поколений заметить, что чего-то недостает в их представлении о свободе как панацее от всех бед и источнике всеобщего благополу-

чия. Если же для этого им не хватало опыта и знаний, они по крайней мере могли бы побеспокоиться, наблюдая метаморфозы, которые претерпевали их возлюбленные свободы. Свободное предпринимательство превратилось в монополию. Республики, в основу которых легли торжественно провозглашенные конституции, перерастали не просто в диктатуры личной власти, но в произвольные тоталитарные режимы. Справедливость, занесенная в закон, склонилась перед господством олигархии, которая интересы нескольких поставила над благополучием всех. Как и прочие моменты человеческого опыта, приведенные выше знаменательные превращения новых свобод в режимы новоявленной тирании и деспотизма суть продукты закона причины и следствия. Они представляют собой логический результат деятельности сил, которые возникли вследствие уничтожения системы феодальных ограничений в эпоху развивающихся свобод, перехода от феодализма к буржуазному обществу.

На ранних этапах стремление к свободе было направлено против ограничения. Его первоначальная цель состояла в ликвидации традиций и обычаев, которыми обросла монополия богатства и власти в руках помещиков, военных и духовенства. Когда эта монополия потеряла свое значение, хлынули мощные струи индивидуальной и социальной энергии. Они слились в революционный поток, который размыл устой старого строя. В подобные переломные моменты власть на какое-то время становится ничьей. Словно мяч, упавший на площадку, она ждет, пока ее схватят.

Революционный переворот означает освобождение. Более того, он не только ломает старые каноны. Он завершает цикл или эпоху, захлопывая дверь в прошлое и открывая дверь в будущее, в котором нет места старым социальным формам, где будут утверждены новые. Образ жизни и социальные институты составляли скелет старого общества. Подобные или иные институты являлись составными элементами нового строя.

Смена власти вводит в игру импульсы и силы развития, не известные или почти не известные ранее. Прежде всего они стремятся захватить власть, которая

выскользнула из рук старых хозяев, и с ее помощью установить новую социальную систему. В ряде случаев, как, например, во время испанских событий 1932—1938 гг., представители старого порядка, действуя решительно, остаются у власти после ожесточенной борьбы, в которой часто решающую роль играет иностранная интервенция. Борьба за власть, в которой правящий класс теряет свои позиции лишь временно, открывает клапаны индивидуальной и социальной энергии. Ее можно сконцентрировать — во имя свободы — и использовать, чтобы еще туже стянуть ошейник на горле общества.

Социальным кризисам и «междоусобицам» сопутствуют годы взросления и мужания, предваряющие смену власти, и годы приспособления после смены. Именно годы взросления и приспособления повествуют об эпохе. Сама смена власти есть просто кульминация в циклическом процессе изменений.

Человеческое общество между 1750 и 1900 гг. развивалось в эпоху, которая подчеркивала свободу личности и свободу коллектива: человек должен быть свободным, дабы в своих действиях следовать велению собственного разума и интересов. То же самое в отношении коллектива. Превращение свободы в свою противоположность — ограничение — представляет собой аналогичный процесс в жизни индивидуума и общества.

Эмфаза роли свободы личности рождает немало-важные последствия. Особенно они сказываются в поведении тех непостоянных и в то же время самоуверенных, чутких к изменениям в политической атмосфере людей, не останавливающихся перед выбором, всегда готовых действовать. Для таких свобода — просто конъюнктура. Пользуясь тем, что положение смутно, они кидаются в наступление — в профессиональной сфере или бизнесе, — трезво оценивают ситуацию, рискуют, пожиная успех за успехом. Полагаясь на свою предусмотрительность, они извлекают выгоду из природы, общества и себе подобных.

На каждого энергичного, напористого индивидуума, мыслящего самостоятельно, действующего решительно и без промедлений, пользующегося благами свободы,

которая подвергается на пути, на каждого такого человека приходится множество людей менее энергичных и предприимчивых, выступающих в роли «винтиков». В определенном смысле они образуют ту социальную ткань, сквозь которую немногочисленные, но энергичные пробивают себе путь наверх.

Некоторые представители среднего слоя, взирая на блестящее восхождение энергичного меньшинства, стараются следовать за счастливыми или по крайней мере удержаться на гребне волны. Там, где немногие выбивают нужные им преимущества из вновь завоеванных свобод, представители менее энергичного большинства так и остаются на своем среднем уровне. Таким образом, в обществе, только что вкусившем свободы, происходит перестановка — появляются покорители и побежденные, зачинатели и конформисты, хозяева и рабочие. Один хватается фортуны за чуб, чтобы достичь богатства и положения, отсутствие сноровки в других разделяет общество на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Свобода «роста» дает возможность незначительному меньшинству вырваться вперед за счет подавляющего большинства. Конечно, четкой линии, разделяющей эти две группы, нет. В жизни энергичное меньшинство использует способности менее напористого среднего класса, который поставляет помощников, советчиков, телохранителей или слуг восходящим звездам. В современном обществе средний слой насчитывает значительное число членов, хорошо выученных и щедро оплачиваемых. Из него происходит постоянное перемещение — поближе к верхушке социальной пирамиды.

Оставшиеся в среднем поясе или в трудящейся среде должны приспособливаться к условиям жизни в идеологических и социальных джунглях. Они свободны в своих случайных поступках, но в общем и целом являются орудием в руках верхушки. Их труд рождает могучую энергию, которая крутит колесо фортуны социальной элиты. Они-то — сырье, из которого сливки общества воздвигают свою иерархию.

Многие представители среднего класса (еще в большей степени это относится к трудящимся) терпят по-

ражение в битве за выигрышную лотерею. Не сумев достичь вершины социальной пирамиды, вследствие личной неспособности или отсутствия социальных возможностей, они ищут обеспеченность и достаток в конформизме, в союзе, поддержке и утешении себе подобных. Мятежная юность в более зрелые годы переходит в распущенность и прожигание жизни. Теряя иллюзии, люди интересуются уже только азартными играми и развлечениями. Их влекут наркотики и радуют крохи материального вознаграждения. Они страдают от скуки, крушения жизненных идеалов и, в конце концов, впадают в отчаяние.

Эмфаза групповой свободы, свободы ассоциаций, независимости, самоопределения, суверенитета ведет к неуверенности, расколу, разброду, напряжению, столкновениям, восстаниям, гражданской войне, гонке вооружений, локальным войнам, войнам мировым.

Люди и соперничающие группы стремятся подмять и сокрушить противника в драке за богатство и власть. Вместо объединения усилий в борьбе за общее дело каждый человек и каждое сообщество превыше всего ставят собственные интересы, а не благополучие всех. Мерилом успеха служат деньги, престиж, власть. В этой бесконечной схватке конкуренты — отдельные люди и целые группы — не щадят друг друга, идя по трупам к заветной цели. «Мой» успех, успех «нашей» фирмы важнее общего блага.

Поэтому конкуренция становится первой заповедью социальной деятельности. Люди учатся искусству конкуренции, не мыслят существования без конкуренции и забывают о сотрудничестве. В человеческой природе заложены способности к конкуренции и соперничеству. Некоторые развивают эти способности и преуспевают. Но люди рождены и для взаимной помощи, сотрудничества. Развитие того или иного общества людей зависит от тщательного планирования, продуманных и согласованных усилий коллектива. Конкуренция и сотрудничество суть неотъемлемые элементы в жизни индивидуума и коллектива. Дело не в том, есть они или их нет, дело в том, на что делается ставка — на конкуренцию или сотрудничество.

Итак, конкуренция и сотрудничество существуют бок о бок в жизни человека и общества, однако равновесие между ними — дело весьма тонкое. Сравнительно легко внушить молодому поколению идею конкуренции. Так же легко воспитать в параллельном поколении принципы сотрудничества. Однако идея конкуренции, получив благословение, стремится навечно утвердиться в сознании людей, порождает привычки и взгляды, которые подвергают сотрудничество остракизму, считают его старомодным, отжившим, вредным, а посему — чуждым.

Крайний индивидуалист всегда только за себя, отныне и во веки веков. Его девиз — девиз эгоиста: «Свобода (для меня) превыше всего». Так общество дает трещину и распадается на группы. Приверженность к своей, местной, частной группе, фирме, ассоциации побеждает, заставляя забыть об интересах более широких и общих. Личное соперничество, наследственная вражда, раздоры и дразги поглощают все внимание, энергию, средства. В результате — истинный Вавилон, где человек не только не понимает человека, возводя в принцип разобщенность и отчуждение, но и готов даже вцепиться в горло соседу.

Процесс, берущий истоки в личных отношениях, приверженности узкой, «моей» среде или фирме ведет к приобретению и накоплению денег и власти — для меня, для «моей» среды, «моей» фирмы. Место отдельных людей, которые живут сравнительно недолго, занимают сложные образования, значительно более долговечные. Эти объединения концентрируют богатства и влияние, выражая интересы имущих. Они вырастают в социальные институты, превращаются в опору общественного здания. В ходе конкуренции, явившейся импульсом подобного процесса, благополучие части общества оттесняет на задний план благополучие всех под лозунгом: «Что хорошо для некоторых, то хорошо для всех».

Оппортунизм, борьба за местные, частные интересы составляют главную линию политики во имя собственной выгоды. Частное не только опережает целое; интересы и требования меньшинства преобладают в общест-

ве, проявляясь в захвате власти, деспотизме, тирании, гражданской войне, приводя в конечном счете к крушению общественной политики. Во имя свободы люди создают монополии, олигархии, заключая своих собратьев в тиски тоталитарного режима, и в итоге разрушают общество, которое допускало или поощряло развитие столь губительных сил.

Два рода сил функционируют в каждом человеке, в любом сообществе людей: центростремительные, влекущие к центру, охватывающие, объединяющие, и центробежные, мчащиеся вовне, разделяющие, раздробляющие и, наконец, разрывающие целое на части. Сотрудничество ведет к интеграции и объединению. Конкуренция — к разобщению и дроблению.

Человеческий организм отличается устройством от организма социального; тем не менее он также подвержен воздействию противоположных сил интеграции и разъединения. Силы интеграции создают и строят. Силы дезинтеграции — разрушают и разъединяют.

Индивидуализм, конкуренция, местные интересы относятся к числу разрывающих сил. В своем крайнем выражении они разбивают единое целое — во имя свободы. Цельной личностью мы называем человека, способности и органы которого функционируют слаженно и плавно под неослабным внутренним контролем. То же самое относится и к единой социальной группе. В слаженно работающем коллективе, сообществе людей решающим фактором является хорошее, нормальное состояние целого. Лишь постольку отдельные компоненты могут рассчитывать на устойчивость, развитие и покой, поскольку эти условия обеспечены целому.

Свобода, индивидуализм, конкуренция представляют собой этапы на пути от единства и гармонии к расчленению, разногласиям, напряженности и столкновениям. Во имя свободы расслабляется социальная спайка, единство и солидарность приносятся в жертву, общие цели и согласие предаются забвению. В определении государственной политики все громче звучит голос военных. Начинаются военные авантюры. Случайные или затяжные войны поглощают все внимание, интересы, энергию людей, огромные средства. В результате на-

ступает брожение в обществе, крушение политики, распад. Социальные бедствия происходят на фоне хищнического разбазаривания природных богатств, уничтожения лесов, истощения земель, наводнений, засухи.

Высокий уровень развития современного государства ускоряет социальные процессы. Свобода социальных действий в наши дни способна в считанные часы на место самоопределения и прогресса поставить опустошение и гибель путем захвата власти, установления диктатуры и режима тирании, которым благоприятствуют условия социального разброда и распада.

Свобода в действии порождает свои антиподы. Чем стремительней порыв к свободе, тем сильнее давление в противоположном направлении, в сторону ограничения.

Реакция на свободу проходит последовательные стадии. Сначала оказывается нажим, который влечет запрещение. Увенчивают противодействие свободе принуждение и насилие.

Реакция на свободу выступает в разных обликах: в откровенном противоречии, в поддержке и дополнении других сил противодействия, наконец, в безудержном, паническом бегстве от свободы с ее неуверенностью и неопределенностью под надежную сень традиций, привычек и законности.

История последних веков располагает на сей счет убедительной иллюстрацией. Система феодальных ограничений привела к Ренессансу, Реформации и Просвещению, которые заостряли внимание на индивидуализме, естественных правах, республиканизме. Эпоха триумфального шествия свободы — от американской и французской революций до конца XIX века — вознесла свободу до уровня фанатизма. Люди зывали: «Свобода или смерть...» Политика экономического авантюризма в чужих краях, завоевания, оккупация, эксплуатация и экспроприация чужих территорий на протяжении «века свободы» породили конфликты, войны, раскол, диктатуры, тиранию, повальные мобилизации на ранних стадиях нашей эпохи.

Подобно многим социальным силам и взаимоотношениям уравнение «свобода — ограничение» не оста-

ся неизменным. В соответствующих условиях чаши весов приходят в движение. Сложная система ограничений уступает место свободе; в то же время развитие свобод, их количество и разнообразие ведет к изменению курса — в сторону ограничений. Но логика вещей, «век свободы», как он есть, должен перерасти в «век ограничений». Прошедшие десятилетия со всей очевидностью свидетельствуют, что начало новому веку положено.

Часть третья

УРАВНЕНИЕ: СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЕ

15. СВОБОДА, ОГРАНИЧЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Современное общество не отличается устойчивостью. Бесконечные открытия и изобретения изменили образ жизни людей и общества. Электричество до предела раздвинуло возможности суток, обратив ночь в день. Транспорт позволяет людям жить в одном городе, а работать в другом. Авиация и радиосвязь одержали победу над расстояниями. Автоматизация опрокинула привычные каноны в сфере купли-продажи рабочей силы, вызывая увольнения служащих и рабочих. Рост налогов на Западе, инфляция, растущая задолженность вкупе с беспрестанными взрывами и спадами деловой активности увеличивают неуверенность и тревогу за экономическое будущее.

В политическом отношении современная эпоха располагает еще более зыбкой основой. Колониальные войны за независимость, дипломатические и военные конфликты лихорадят общество на протяжении последних пятидесяти лет. Социальные революции отрывают от него один кусок за другим. Научный и технический прогресс, разогнавший темпы производительности, одновременно приблизил к абсолюту силы разрушения. Колониальные возмущения, социальные революции, войны с применением обычных средств вооружения и призраки ракетно-ядерной войны все сильнее расшатывают социальные устои общества, усиливая настроение неуверенности и тревоги на всей планете. Именно на

фоне стремительных, всеохватывающих, неожиданных изменений мы и должны рассматривать проблему свободы в условиях современности.

Специализация современного общества, нескончаемые перемены и неуверенность в завтрашнем дне — все голосует в пользу конформизма, величайшего социального дара и благословения. Эпоха резких социальных колебаний сводит до минимума потребность в свободе, максимально расширяя диапазон ограничения. Люди, над которыми стоит господствующий класс, только и слышат: «Не время заниматься пустяками. Сейчас социальный кризис. Сидите смирно и не путайтесь под ногами». Чем богаче и влиятельней оказываются в подобных чрезвычайных ситуациях «сливки общества», тем настойчивей утверждают они политику, выгодную власть имущим, заставляя человека с улицы соглашаться на условия, выработанные олигархией.

Элита современного государства, занимающая ключевые позиции во всех сферах жизни, отчетливо знает, откуда исходит угроза их богатству, престижу, власти. Пуская в ход пропагандистскую машину, полицию и разветвленную агентурную сеть, сильные мира сего идут на все, чтобы удержать в узде трудящиеся массы. Волна национального пробуждения, захлестывающая мир на протяжении последних ста лет, технический прогресс, требования независимости и самоопределения встревожили и насторожили правящие классы. Малейшие отклонения от социальных догм, способные породить волнения и требования широких преобразований общественной структуры, вызывают неодобрение, запреты, а где необходимо, и меры подавления, освященные законом. Неустойчивость и неуверенность, сопутствующие быстрым изменениям в современном мире, — первые союзники конформизма, наглядная пропаганда против всех и всяческих отклонений.

К каким бы аргументам ни прибегали для оправдания системы, которая толкает к конформизму, факт остается фактом: эра беспримерного научно-технического прогресса не знает себе равных по силе напряжения, масштабам разрушений, неумной озабоченности о будущем. Гибельный эффект социального гнета, кото-

рый одинаково сказывается на жизни человека и общества, с особой силой проявляется в отношениях между обществом и человеком.

В определенных сферах общество осуществляет влияние и власть посредством формулы: «Ты должен». Пожалуй, чаще всего «ты должен платить налоги». Разумны или чрезмерны требования правительства, какое бы бремя оно ни вваливало на плечи народа, все равно налоги должны быть собраны. Налоги бывают прямые: на человека или имущество. Налоги бывают косвенные: они взимаются в виде наценки на товары, импортных сборов, субсидий. Как бы то ни было, отказ от уплаты налогов влечет санкцию закона с последующим наказанием.

Другая формула социального императива находит выражение в системе обязательного обучения. Все дети определенного возраста обязаны посещать школу. Возможно, их не привлекает учение, у них нет склонности к книге. Возможно, и родителям не правится эта затея. Однако любые объяснения и предлоги бессильны перед законом, который объявляет физическую и духовную дисциплину, сопутствующую обязательному обучению, непременной для всех учащихся.

Многие считают, что обязательное образование является необходимым условием общественного благополучия. Они могут также верить в то, сколь полезна для будущего гражданина система обучения, построенная на дисциплине, составляющей основную черту школьного образования. Так или иначе, общество выносит свой вердикт, ставя и детей, и их родителей перед выбором: либо согласиться на обязательное обучение, либо подчиниться санкции закона, что влечет вызов в суд, уплату штрафа и даже тюремное заключение. Например, в результате столкновения между группой духоборов и правительством Канады, столкновения, получившего «большую прессу», родители, не признававшие обязательное обучение, попали в тюрьму, дети же школьного возраста были отданы в пансионаты.

И еще одна разновидность принуждения. Речь идет о воинской повинности, обязательной для граждан современного государства. Мало-помалу щупальца воин-

ских наборов захватили миллионы молодых людей. В наши дни война перестала быть профессией малочисленных армий, уделом наемников ландскнехтов. Тотальная война требует тотальной подготовки. Средства на «оборону» ассигнуют парламенты, и ассигнования эти составляют огромные суммы. Миллионы людей учатся искусству тотальных разрушений и массовых убийств. Война становится все более механизированной, и будущим солдатам приходится много учиться, чтобы постичь новую технику и выжать из нее сто процентов смертоносности.

Исследуем ли мы законы обязательного обучения или воинской службы, вывод получается один. Столпы современного общества пользуются рычагами социального принуждения в случае необходимости или целесообразности. Самые поучительные уроки современное молодое поколение приобретает, сталкиваясь с всемогущей государственной машиной, ее всеобъемлющей системой принуждений, которая опирается на авторитет законной власти и, как правило, тщательно обработанное общественное мнение.

На каждое «ты должен», которым общество пригибает к земле своих членов, приходится дюжина, а то и сотня табу. Они включают запрещение действий, которые дурны и вредны сами по себе (поджог, грабеж, нападение, убийство) и широкий перечень действий, угрожающих общественному благополучию. Запрещение подобных действий имеет целью обеспечить безопасность личности и его собственности и безопасность общества. Примером такого рода запрещений могут служить многочисленные правила уличного и дорожного движения, появившиеся за последние пятьдесят лет. По мере расширения государственного влияния, особенно в области экономики, правила, необходимые для осуществления этого влияния, приобретали силу законов. Городское законодательство, законодательство штатов, наконец, общегосударственное законодательство непрерывно наращивают поток уже существующих постановлений, циркуляров, правил.

Другая категория запрещений своим возникновением обязана всевозможным стечениям чрезвычайных об-

стоятельств. Как только вводится военное положение, военные суды и трибуналы вытесняют суд присяжных. Информация определенного типа засекречивается, доступ прессы к ней прекращается. В других случаях власти устанавливают за гражданами надзор, подвергают их допросам, преследованиям, арестам с санкцией судебных органов или без суда и следствия. В любом из этих случаев индивид вынужден под угрозой наказания подчиняться запретам властей.

Увеличивающийся поток правил и запрещений является логическим следствием концентрации населения, специализации, взаимозависимости сотрудничества и столкновений — между индивидуумами, индивидуумами и группами, между частными ассоциациями внутри общества и между значительными социальными образованиями, которые представлены своими верховными органами власти. Нью-Йорк с огромным, скученным населением, целым лабиринтом ограничений и правил держит на службе более чем двадцатитысячную армию полицейских, не говоря уже о чиновниках здравоохранения, образования и прочих отделов муниципалитета, которые следят за соблюдением правил.

Существуют сферы, в которые обществу «вход воспрещен». Здесь личность «свободна» в своих действиях. Это естественные права или гражданские свободы, включающие свободу передвижения, свободу слова и печати, право публичного суда присяжных, право на образование и медицинское обслуживание. Однако, по мнению судов, любая сфера проявления человеческих прав подчиняется закону разума. А раз так, значит, абсолютной свободы не существует в любой из упомянутых областей. Свобода слова не возбраняется, поскольку она не подрывает общественное спокойствие. Никто не имеет права крикнуть: «Пожар!» в переполненном театре. Свобода печати ограничена законом о диффамации. Свобода собраний и демонстраций — когда возникает угроза общественному порядку.

Даже там, где правомочны конституционные, законные или традиционные гарантии свободы, чрезвычайные обстоятельства развязывают обществу руки для вмешательства в частную жизнь людей. Апелли-

руя к разуму, общество вторгается в святая святых человека, принуждая его следовать всевозможным разумным правилам. Концентрация населения, расширение сферы общественной власти служат залогом того, что рост городских центров поведет к еще более многочисленным и обязательным правилам в жизни людей.

Социальный гнет, социальные силы и обстоятельства играют важную роль в определении курса развития личности и общества и вытекающих отсюда отношений между различными участниками этого процесса. Билли о правах, своды человеческих свобод представляют собой вехи в истории общества. Разумеется, они пользуются широкой поддержкой и признанием, однако в условиях чрезвычайного положения или перед лицом общественной необходимости свободы, записанные в законах, способны оказать на ход событий не большее влияние, чем кустарник по берегам реки — на половодье.

Свобода, как орудие или инструмент, подчиняется принципам, которые применимы к механическим устройствам. Люди и общество, которые способны принять решение и воплотить его в жизнь, находят производительное и творческое применение свободе. В таких условиях расцветают искусства и ремесла, рождаются смелые замыслы, полным ходом идет строительство, жизнь бьет ключом. На определенном историческом этапе в той или иной стране производительность и творчество достигают невиданных высот. Говоря о блистательных свершениях освобожденного человека, мы обращаемся к веку Перикла в Греции, эпохе Августа в Риме, расцвету готического зодчества в Европе или к изобретениям и открытиям XVIII—XIX веков на Западе. В иные эпохи и при иных обстоятельствах события развиваются в противоположном направлении и свобода попадает в рамки параграфов, циркуляров или просто узурпируется.

Состояние свободы находится в прямой зависимости от устойчивого положения общества. Чем крепче стоит на ногах общество, тем уверенней чувствует себя свобода. Возникают и противоположные ситуации. Та-

ким образом, свобода улыбается людям там и тогда, где и когда политика общества, проводимая органами власти, отходит от системы ограничений, расширяя диапазон выбора перед членами общества. Постепенное или внезапное изменение на чаше весов общественной власти вследствие внутренних или внешних причин немедленно находит отражение в уменьшении или усилении социального гнета. Даже в условиях наибольшего благоприятствования свобода действий индивида остается возможностью, подверженной изменению или ликвидации по усмотрению общества.

16. СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследуя понятия свободы вообще и свободы в действии, мы смогли сделать решительный вывод. Свобода сама по себе абсурдна и алогична, она социально опасна и исторически бессмысленна. Понятие свободы приобретает смысл лишь тогда, когда оно соединяется с одним или более из своих антиподов. Отправным моментом в исследовании проблемы свободы в современных условиях мы избрали свободу и ограничение.

Наша эпоха — эпоха невиданного, массированного наступления на тайны природы, использования ее богатств, в особенности источников энергии, и постепенного возведения фундамента той всемирной социальной организации, которая будет заниматься добычей и поставкой сырья, производством, транспортировкой, распределением товаров и услуг, дабы последний член общества пользовался благами и преимуществами, о которых в предшествующие времена не могли мечтать даже избранные.

Вступление в эру подобных свершений и замыслов стало возможным вследствие широкого развития и внедрения теории и практики, совершенствования специализации, автоматизации и взаимозависимости различных областей экономики и техники, что в свою очередь рождает неизбежные трудности, задерживающие дви-

жение. Пространство и время сжались, а мгновение и бесконечность стали доступны познанию, испытанию, оценке. Многие века люди использовали богатства природы, извлекали выгоду из общения с себе подобными. Но лишь совсем недавно человечество выработало формулы и методы, давшие ему в руки ключи от природных кладовых, умение маневрировать в сфере социальных взаимоотношений с той уверенностью, какая отличает гончара, металлиста, скульптора, преобразующих сырую глину, кусок железа, глыбу мрамора.

Современная наука и техника, умение проникнуть в суть вещей и явлений, понимание происходящих процессов, власть над природой и обществом выдвинули на передний план не только формулу свобода — ограничение, но и необходимость определения и проведения социальной политики, которая обеспечила бы максимальные преимущества при минимальных издержках управления современным взаимозависимым общественным аппаратом. Успех или крушение, само существование современного человека и его дальнейшая судьба будут зависеть от того, насколько умело управляет он силами, составляющими уравнение свобода — ограничение.

Технический прогресс, получивший столь широкое распространение, позволяет людям использовать, изменять и в определенных пределах управлять природой и обществом, не замыкаясь в тесных рамках — географических, социальных, психологических. Обычно мы прибегаем к слову «свобода» для обозначения исходных результатов упомянутых выше достижений. Это неточно.

Люди нашего времени не властны пользоваться благами природы и вынуждены пребывать в географических и социальных коконах. И географически, и социально им приходится иметь дело не со свободой, а с формулой свобода — ограничение. Возьмем в качестве примера лес, древесину — всем известное и доступное естественное сырье. В период колонизации значительная территория Северной Америки была покрыта густыми лесами. До последнего времени обитатели Зеленых Гор Вермонта, испытывая необходимость в ба-

калейных товарах, отправлялись сначала в лес — причем в любой лес. Там они выбирали ель, которая им нравилась, валили ее, распиливали, превращали в доски или в кровельный материал и в ближайшей лавке обменивали на бакалею. Подобная практика в нынешней Северной Америке (и уже в течение многих поколений в большинстве стран Западной Европы) принесет «нарушителю» одни неприятности. Сдерживающие функции принимают на себя закон об охране собственности и его неразлучная спутница — полиция. По сути дела, современные горожане не могут даже приблизиться к природе, если не считать прогулку по скверу и отпускной период. Для них природа не свободна. Ее оградили те, кто пришел, увидел и покори́л, с одобрения закона.

Или возможности передвижения — на поезде, автобусом, самолетом. Человек оплачивает стоимость билета и пускается в путь — пока не достигнет государственной границы с ее эмиграционными квотами, паспортами, медицинскими свидетельствами. До 1910 года европейцам (но не жителям Азии) не составляло труда приехать в Соединенные Штаты и Канаду и остаться там жить. Одновременно и граждане США могли свободно выезжать в большинство стран Европы. За прошедшие пятьдесят лет передвижение в обоих направлениях претерпело резкое ограничение. Всевозможные квоты, паспорта, визы и прочие узаконенные преграды ограничили въезд и выезд. Итак, общение с природой, передвижение из страны в страну и с континента на континент ограничены законом, нарушение которого влечет суровое наказание. Иными словами, свобода делит место и власть с ограничением. Собственность находится под неизменной и неослабной защитой. В мирное время свобода пользуется большими привилегиями. В периоды напряженности об этих привилегиях забывают или вовсе ликвидируют их. В этих и подобных случаях современные граждане-субъекты остаются за изгородью взаимоотношений свободы и ограничения.

Массовое производство автомобилей в течение первой половины настоящего столетия являет собой один

из ярких примеров взаимоотношений свободы и ограничения. Наша семья жила в 14 милях от Мэнсфилда, в Пенсильвании, где ежегодно устраивали ярмарку. Из года в год мы запрягали лошадей и по проселочной дороге отправлялись в город — повидаться с друзьями и провести время. Нигде не было дорожных знаков и полисменов-регулирующих, никаких ограничений. Мы свободно ехали по дороге (со скоростью шесть-семь миль в час).

Ныне в той же долине реки Тиога проложены широкие мощеные дороги. Их патрулирует городская полиция и полиция штата. Каждая миля шоссе пестрит всевозможными обозначениями и указателями рядности, зон определенной скорости, стоп-сигналов и т. д. — все для регулировки движением транспорта, установленная скорость которого не более пятидесяти-шестидесяти миль в час. Прежде чем человек начнет путешествие, ему придется выполнить ряд юридических формальностей: приобрести лицензию на автомобиль, сдать экзамен по вождению, получить водительские права и уплатить налоги на все, что только возможно, начиная с бензина и запасных частей и кончая шинами и самим автомобилем. Кроме того, существует отдел автомобильного транспорта, а это значит: счетчики в местах стоянки автомобилей, правила движения, дорожные суды, штрафы, тюрьмы и прочие символы государственной власти. В наше время любой человек с водительскими правами и лицензией на автомобиль в кармане «свободен» в передвижении, но на каждом подъеме, повороте, перекрестке, в каждом населенном пункте его подстерегают тысяча и одно ограничение.

Благодаря изобретениям и открытиям современной науки значительно возросли производительные способности общества. Общий продукт (совокупный общественный продукт) распределяется между потребителями (потребительские расходы), возвращается к владельцам (в виде арендной платы, процентов, дивидендов и прибылей), а также к правительству — в виде налогов. Определенная часть средств ассигнуется на производство (новые капиталовложения). Другие

средства идут на разрушение («национальную оборону» или подготовку к войне). Сложный характер расходов является результатом не плановой системы, а холодной войны в экономике, которую нагнетают через различные внутренние и международные каналы частные лица и конкурирующие корпорации в борьбе за богатство и власть. В конечном счете распределение дохода приобретает силу закона. На ранних стадиях развития в борьбе за прибыли участвовали отдельные лица, частные фирмы, профсоюзы, корпорации и правительственные организации. Этому сражению джунглей за богатство и власть дали прозвище «свободного предпринимательства». Ныне борьба осталась «свободной» только на словах. Участвовать в ней могут лишь самые богатые и власть имущие, причем правительство имеет право вмешательства почти в любые перипетии этой борьбы. Отдельные производители, потребители, управляющие, работодатели и рабочие пользуются приблизительно такой же свободой, что и пассажиры поезда, автобуса или самолета, которые находятся в полной зависимости от движения и направления транспорта. В экономике «свободного мира» есть свобода, но есть и мощная сила ограничений, запретов и насилия.

Большое развитие и распространение в течение первой половины нашего века получили такие технические свободы, как быстрота и надежность передвижения и связи. Одновременно возникла целая система ограничений, предусмотренных законом, и, таким образом, вместо «свободной» экономики мы имеем уравнивание свободы и ограничения, склоняющееся к последнему по мере развития экономики.

В наше время огромное развитие получили возможности связи: появились телефон, радио, телевидение, кино, улучшилось производство бумаги, техника печатания, полиграфия. Параллельно в тех же сферах росли монополия и цензура. Частная собственность, патенты, привилегии, финансовые вклады — вот что определяет ключевые позиции в области пропаганды. Так называемая «свободная пресса» гораздо свободней для рекламы, нежели для подписчиков, писателей, деяте-

лей искусства. Писателям и деятелям искусства надо платить гонорары. Подписчики дают гроши. Зато реклама — это золотое дно. Деньги решают все. В «свободном мире» пресса и пропаганда — предмет купли-продажи, финансовые воротилы используют их по своему усмотрению. В обществе хозяев, прихлебателей и тружеников невозможно представить себе более драконовской цензуры.

В современных условиях группы людей, как и частные лица, связаны и ограничены в своих действиях. Специфические функции могут осуществлять частные ассоциации. Однако в своих функциях они подчиняются ограничениям, занесенным в уставы самих ассоциаций, а также постановлениям органов власти. В своей деятельности ассоциации подчиняются постановлениям органов власти штатов, если только суд не лишил их законной силы. Частные организации, как и отдельные лица, пользуются свободой в определенной степени. Эту свободу уравнивает постоянно действующая система юридических ограничений. Как и частные лица, организации могут стать объектом давления со стороны общественного мнения.

Общественные ассоциации — города, муниципалитеты, округа, штаты и государства — пользуются свободой, которую выражают самоуправление, права штатов, автономия, независимость или суверенитет. Подобно частным лицам и ассоциациям, общественные ассоциации подчиняются параграфам всевозможных хартий или конституций, юридических актов, судебных решений, договоров, а также положениям такого пространного комплекса традиционной практики, как «международное право». Со времени принятия устава Лиги Наций, а затем устава Организации Объединенных Наций, учреждения Международного суда, заключения региональных соглашений, рассчитанных на объединение Центральной Европы или создание Организации американских государств, суверенные нации оказались в тисках юридических или псевдоюридических актов. Формула свободы и ограничения проявляется и в сфере наибольших возможностей и выбора — в области международных отношений. Национальный суверени-

тет есть объект воздействия и контроля со стороны министерств иностранных дел, исполнительных органов, военных министерств дружественных и враждебных государств.

Понятие современной свободы можно выразить следующим образом: возможность для определенной группы людей участвовать в процессе сотрудничества и конформизма, процессе неровном и нестабильном, присущим изменчивой природе и жизнедеятельности экономического, политического и социального устройства.

В современном обществе гнет экономических и социальных сил, особенно сил технических, направлен в сторону ограничения. Увеличение масштабов и глубины развития, достижения в области координации, автоматизации, планирования сокращают возможности выбора, увеличивают необходимость подчинения требованиям организации и системы. Ограничения решений и действий не обязательно носят юридический или политический характер. Они скорее составляют неотъемлемую часть существующего распорядка, если вообще любой сложный механизм стремится достичь результатов, ради которых он был создан.

17. СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЕ В ЕГО ЖИЗНИ

Вопрос о свободе личности вызывает споры на протяжении многих веков. Если говорить абстрактно, разногласия возникают между теми, кто утверждает, что человек располагает «свободой воли», и их оппонентами, по мнению которых прошлое человека, прошлое и настоящее общества, силы природы настолько его связывают, что, если бы мы могли правильно оценить все предшествующие причины и побуждения, мы могли бы с математической точностью предсказать любую следующую мысль, чувство и поступок индивидуума. В книге «Идея свободы»³⁵ Мортимер Адлер и его коллеги уделили этому вопросу большое внимание. Книга содержит подробный разбор и описание возможностей индивидуальной свободы. Мы не станем сейчас поле-

мизировать с авторами, лучше обратимся к выводам книги и позиции, занятой некоторыми защитниками свободы.

Под свободой Гегель понимал «существование в себе». «Субстанцией, существом Духа является Свобода»³⁶. «Должен ли гражданин хотя бы на мгновение подчинить свое сознание власти? Почему каждый человек наделен сознанием? Я думаю, что человек прежде всего должен быть человеком, а потом уже субъектом. Не нужно культивировать в человеке такое же уважение к закону, как к праву»³⁷. «Возможность свободы глубоко сидит в нас самих», — писал Джон Дьюи. «В свободе люди видят средства и пути разностороннего, гибкого развития, изменения положения и характера вследствие разумного выбора»³⁸. Ласки так воспевал свободу: «Я не просто частица некоей великой симфонии, в которой осознаю себя лишь случайной нотой в общей мелодии. Я неповторим. Я сам по себе. Я — это я; исходя из этого, я и должен определять собственные принципы деятельности. Значение их в том, что это мои принципы». «Таким образом, в своих отношениях с обществом индивидуум имеет право поступать, как велит ему совесть и сознание, следуя их сигналам в общественной деятельности. Поступать иначе — значит предавать свободу»³⁹.

«По нынешним понятиям, — писал Гораций Каллен, — свобода — суть альфа и омега для человека и в человеке; любая власть, любой закон — лишь производные свободы и довольствуются второстепенными местами. Они уже не правят, а только служат»⁴⁰. Неплохим холодным душем для этих трубадуров неповторимости человеческой личности может явиться замечание Уайтхеда: «Человек неотделим от окружающей среды — в каждом поступке, каждой мысли»⁴¹.

Капли воды, которые собираются в атмосфере и выпадают на землю, подчиняясь силе тяготения, проделывают относительно простое действие, если только какие-то обстоятельства не изменят их движение. Когда воду ничто не задерживает, она находится в свободном падении. Люди совсем в другом положении. С самого начала их ограничивают два фактора — сама

человеческая природа и земля, на которой они живут. Оба фактора в основном неизменны. Сложный человеческий организм состоит из клеток, образующих ткани и органы. Все они обладают жизненной силой, все они в большей или меньшей мере взаимозависимы. Все они в большей или меньшей мере подчиняются центральному аппарату, который «руководит» с помощью мозга и центральной нервной системы. При тесной специализации и взаимозависимости человек способен принимать решения и совершать поступки лишь при условии, что организм функционирует нормально. Если же организм допускает перебой или выходит из строя, тогда и говорить не о чем.

Частые нарушения жизнедеятельности организма затрудняют и ограничивают человеческую свободу. Сердце и система кровообращения пользуются широкой автономией. То же относится и к органам пищеварения. Если сердце нагрузить непосильной работой или заставить органы пищеварения иметь дело с неудобоваримой или ядовитой пищей, они застопорят или вообще откажут, что будет иметь пагубные последствия. Присутствие в крови большого количества алкоголя парализует деятельность многих органов. «Забастовка» того или иного органа может лишить человека возможности принимать или осуществлять решения. Индивидуум уже не в состоянии делать то, что он хочет, его ограничивает физическая недостаточность организма.

Трудности могут возникнуть и в иных сферах. Жизненная сила представляет собой совокупность или сгусток побуждений, страстей, интересов, стремлений, причем каждое хочет найти свое место. Часто эти движущие силы сталкиваются между собой. Например, юноша во что бы то ни стало решил получить на экзамене отличную отметку. В это время девушка, которую он любит, зовет его на танцы. Спортсмен, которому предстоит соревнование, чувствует недомогание: он слишком плотно пообедал и т. д. и т. п. Людям часто приходится выбирать между удовольствием и выгодой. В подобных случаях свобода означает изменение курса или пути. Бывает, что ни тот, ни другой не пра-

вится, однако суровая необходимость требует сделать выбор.

Даже у самого твердого, цельного, решительного человека в душе возникают сомнения и противоречия. Всякая дилемма предполагает выбор определенной линии действий во изменение или в ущерб другой. Компромисс бросает вызов непреклонности, освобождая путь уступкам и капитуляции, а в иных случаях — психическим или физическим расстройствам. В любом случае человек не «свободен» в обычном смысле слова.

Люди сталкиваются и с другими ограничениями, которые создает сплетение необходимости. Самое неумолимое — период между рождением и смертью. До появления на свет человек соединен с другим организмом и лишен свободы действий. Смерть кладет конец жизнедеятельности человека. Поскольку от смерти никто не застрахован, ограничение человеческой свободы может наступить в любой момент. Если иметь в виду физические функции человека, то смерть выступает в роли всеобщего ограничителя.

Подобные, хотя и менее произвольные, ограничения свободы встречают человека в раннем возрасте и в старости. Появившегося на свет ребенка нельзя оторвать от матери, он не может добыть пропитание, не может двигаться. Постепенно его способности развиваются, ребенок учится есть, ходить, разговаривать, общаться с окружающими. Однако процесс становления и зрелости, процесс физического, эмоционального, умственного и духовного возмужания длится долгие годы. В течение этого периода незрелость сковывает свободу человека. На закате жизни ограничения проявляются в обратном порядке, ибо старость по природе своей означает сужение сферы действий и выбора.

Физическая неполноценность в период зрелости является подлинным препятствием для свободного развития личности. К самым простейшим формам физической неполноценности и неспособности относятся: потеря тех или иных органов — рук, ног, глаз; нарушение и ухудшение слуха, зрения, вкусовых ощущений. Наконец, существует множество недугов или болезней — физических, эмоциональных, душевных. Не-

способность, неполноценность может быть частичной или почти полной. Она стала обычным явлением в современном обществе. И потому энергичный, здоровый, целеустремленный, нормальный и зрелый человек — это редкость, что-то вроде седьмого чуда света. Зубная боль, простуда, запоры и более серьезные заболевания — все это признаки слабого, скверного здоровья, которое в той или иной степени является бичом почти всего взрослого населения современного цивилизованного общества.

Одним словом, если человек говорит: «Я свободен», то легче всего опровергнуть столь поспешное утверждение вопросом: «А не жалуетесь ли вы на какое-нибудь недомогание, работает ли ваш организм как часы?» Если ответ содержит утверждение, можно не сомневаться, что в нем больше преувеличения, чем истины.

Еще одна область, в которой современный человек встречает сильные ограничения. Мы имеем в виду систему приспособлений, к которой вынужден прибегать человек с момента вступления в общество. Это — география и климат, образ жизни (в особенности это относится к комплексу человеческих занятий), отдых и развлечения, многообразная жизнь общества и огромные изменения, происшедшие в социальном укладе в результате новейших открытий и изобретений. Человек должен приспособливаться не просто к окружающей среде во всей ее сложности, но к среде, которая постоянно меняется. Жизнь в обществе, приспособление к его требованиям в процессе стремительных изменений оказывает такое давление на человеческие способности, что многие обнаруживают полную негодность еще до того, как они достигли зрелости. Эти неудачники даже не знают, что такое свобода. Они — жертвы суровой и неумолимой жизни, в которой неспособны найти свое место (или не желают) очень многие люди.

В разделе «Что реально и что призрачно?» Гораций Каллен рассматривает систему внешних и внутренних ограничений, которые оказываются на пути современного человека. «Среди сил, угнетающих нас извне, самые близкие гнездятся в семье: достижения психоанализа сделали привычным механизм семейно-

го принуждения. Затем один за другим следуют прочие институты и явления общества: школа, церковь, экономические учреждения, государство, а также общий уровень духовного развития общества, воплощенный в идеологии и искусстве»⁴².

Упомянутые выше ограничения свободы не исключают расширения жизненного диапазона или улучшения условий бытия. Напротив, ограничения заставляют человека преодолевать их и вырываться вперед.

Каждый человек может стремиться к более полной, насыщенной, удовлетворяющей его жизни. Эта концепция содержит четыре момента: (1) Жизнь, которая влечет человека, предъявляет его способностям свои требования, стимулирует усилия с его стороны. (2) Жизнь, направленная к ясным и четким целям; жизнь, продуманная и рассчитанная, которая никогда не выпускает из поля зрения поставленные цели. (3) Жизнь, в которой все идет согласно и размеренно, раскрывающая разносторонние человеческие способности. (4) Жизнь, в которой властвует собственный разум и самодисциплина, понимание перспектив и признание возможных препятствий.

К такой жизни надо стремиться. Ее нужно ковать по мере развития и мужания, не упуская из виду индивидуальность характера и особенности окружающей среды.

Утверждения глашатаев свободы, подобно другим утверждениям, подчинены власти разума. Свободной личности в строгом понимании этого слова не существует. В основе человеческой жизни заложены жесткие ограничения, присущие человеческому организму. Каждый человек — себе хозяин, однако, помимо самоограничения, действует масса ограничений, которые диктует природа-мать и социальная среда, не выпускающая человека из своих объятий. Помимо невежества, тупости, ошибок, пренебрежения, подстерегающих человека почти на каждом шагу, существует целая паутина ограничений, тщательно сотканная современным обществом. В ряду ограничений, которые встают на пути человека, нет более жестокого и вездесущего, чем власть современного государства.

18. СВОБОДА И ОГРАНИЧЕНИЕ В НАШИ ДНИ

Люди по природе своей и в своих поступках не свободны. Они — жертвы неуверенности, смятения, недоумений, внутреннего разлада. Эти неумолимые враги с такой силой пригибают человека к земле, что термин «свобода» никак не подходит для определения его участи. Подобно шекспировскому коту-горемыке мысль и действие остаются на привязи. Мы чаще говорим «я не смею», нежели «я буду». В отношениях индивидуума и общества, к которому он принадлежит, гнет ограничений проявляется с еще большей неотвратимостью.

Поскольку свободу на чаше весов всегда уравнивает гиря ограничения, не может быть и речи об абсолютной или полной свободе. Процесс сбалансирования в наши дни зашел очень далеко, и есть все основания утверждать, что ограничение, а не свобода правит обществом. В этой связи Гарольд Ласки писал: «Проблемы свободы в плюралистическом мире чрезвычайно сложны. Индивидуум, который стремится к развитию своих способностей, всюду натывается на бесчисленные барьеры социальных взаимоотношений. Профсоюзы, объединения предпринимателей, всевозможные ассоциации, государственный контроль ограничивают выбор и возможности индивидуума, подгоняя под общий стандарт только ему присущие стремления и усилия. Он вынужден приспосабливаться к обстановке, которая заставляет его в каждом поступке, хотя бы в какой-то степени, подчиняться социальному регулятору. Чтобы добиться цели, ему надо быть заодно с другими; только объединившись со своими братьями, он может как-то повлиять на окружающую среду. Но даже за воротами владений, в которых царит всемогущее государство, человек не находит спасения от традиций и обычаев, которые вопреки его воле диктуют свои принятые нормы поведения»⁴³.

Современные государства провозглашают декларации свободы и билли о правах, однако законодательная, судебная, исполнительная власти изменяют, ограничивают, разжижают эти декларации. Они предписы-

вают людям меру свободы, на которую можно рассчитывать, и степень подчинения, перед которым должно склонить голову. Отношения свободы и ограничения, созданные государственной властью, меняются в разные времена и в разных странах, однако ограничение является неперменным элементом каждой эпохи и часто оттесняет свободу.

Эта тема убедительно изложена в очерке Герберта Спенсера «Человек против государства»⁴⁴. «Сотрудничество в любом своем проявлении, — утверждает Спенсер, — узком или, напротив, широком может рассчитывать на успех лишь при соблюдении определенных правил и при само собой разумеющемся подчинении какому-то направляющему началу». Далее, в качестве примера автор приводит свод правил, которые британское правительство предписывает своим гражданам с согласия последних. Люди следуют указующему персту и поддерживают власть предрежащих. «Если народ сам выбирает себе деспота, остается ли он свободным только потому, что деспотизм — дело его рук?

Вывод один, — настаивает Спенсер, — граждане современного государства не свободные люди, но рабы, ибо, как всякие рабы, они трудятся, повинаясь приказу, во имя удовлетворения чужих желаний».

Когда возникают разногласия между человеком и обществом, первый, как правило, подчиняется воле общества или по крайней мере идет на компромисс, избирая конформистский путь. Следовательно, побеждает общество. Вступая в сражение с обществом, индивидуум даже в случае успеха добывается отнюдь не свободы, но весьма шаткого перемирия, которое в любую минуту грозит новыми битвами. В конечном итоге непокорный теряет силы, терпит поражение и гибнет. Общество же, как правило, остается на ногах и продолжает свой путь, хотя борьба и усилия, которые потратил человек, проигравший сражение с обществом, способны изменить курс развития. Термин, точно определяющий такое положение, никак не «свобода»; это конфликт, состоящий из цепи следующих одно за другим сражений.

Классическим примером скрытого и открытого столкновения индивидуума с обществом является жизнь графа Льва Толстого. Гениальный человек, он в то же время обладал исключительной жизнеспособностью. В молодые годы он в общем признавал общественный строй царской России, в которой было и его место. После жестоких жизненных испытаний и наблюдений, после душевного перелома Лев Толстой объявил войну обществу и не прекратил этой смертельной борьбы до конца дней своих. До самой смерти, которую Толстой в отчаянной попытке освободиться от гнета общества встретил на железнодорожной станции, его жизнь состояла из стычек и сражений с членами собственной семьи, представителями соседней аристократии, армией, царской знатью и государственной религией.

Попробуем на основе этого примера сделать обобщение. Человек пребывает в беспрестанном общении со своими родственниками, друзьями, сторонниками, знакомыми. За пределами знакомого, привычного круга его встречает чуждая, безликая масса — жители города, района, государства. Человек видит в своих согражданах собратьев по труду или противников, он встречает с их стороны поддержку и содействие или препятствия, опасность. Общество смотрит на личность как на возможного соратника или конкурента, строителя, продолжателя или разрушителя.

Так возникает противопоставление, которое вырастает в противоречие и расхождение. Человек одинок — общество многолико. Человек неопытен — общество всегда опытнее человека. Человек только пытается утвердить себя — общество чувствует себя уверенно. Способные люди, полные сил и энергии, во что бы то ни стало стремящиеся дать выход своей натуре, сталкиваются с привычками и традициями, выношенными на протяжении поколений, устоями, которые культивируются с рождения. Новичок, будь он трижды гений, все равно остается экспериментатором. Общество — это хорошо укрепленный бастион. Его защитники знают, как расправляться с раскольниками и отступниками. Результаты создавшегося положения могут быть са-

мыми различными: согласие индивидуума с канонами общества, сомнение, оппозиция, напряженность, сопротивление, столкновение, бунт, подавление, уничтожение.

Столкновение, в котором участвуют общество и индивидуум, рождает определенные последствия. 1) Победу может одержать индивидуум и навязать обществу свои идеи. Обычный исход подобной ситуации — личная диктатура или власть кучки олигархов, среди которых на первое место выдвигается один или несколько индивидуумов. 2) Раскол общества на партии, одна из которых, скажем, идет за лидером оппозиции. В результате начинаются раздоры, мятежи, гражданская война. 3) Побеждает общество. Оно навязывает свою волю непокорным или вообще уничтожает их. Подобные ситуации не раз имели место и в период новейшей истории, и в более отдаленные времена. Однако термин «свобода» не подходит ни в одном случае.

Талантливые индивидуумы, расходящиеся во взглядах с обществом, в той или иной степени испытывают одиночество. Соотношение сил не в их пользу. Люди заурядные, не хватающие звезд с неба, должны либо признать приоритет общества, либо покинуть его ряды, если только они не утвердят себя в качестве равноправного меньшинства.

Современное общество любит говорить о нормальных, сложившихся взаимоотношениях общества и индивидуума как о «свободе в рамках власти» или «свободе под сенью закона». Свобода в рамках власти находит свое выражение в патриархальных семьях, в церкви, в отношениях, которые зиждутся на традициях и обычаях, наконец, в лице и образе «достойного гражданина», знающего правила и соблюдающего законы. Некоторые протестантские церкви Соединенных Штатов Америки подвергаются нападкам по обвинению в лояльности к «коммунистическому проникновению» в ряды их общин. Ибо доктрина антикоммунизма, которую со времен русской революции 1917 года проводит и поддерживает римская католическая церковь, которую с 1946 года Вашингтон сделал одним из идеологических устоев американского образа жизни, весь-

ма популярна среди протестантских церквей США. Таким образом, свобода вероисповедания сводится к идеологии, которую признают светские и духовные лидеры США. По сути дела, это вовсе не свобода, а признание и принятие социального гнета, физического и психологического бремени.

А какую роль играет свобода под эгидой правительства или под сенью закона во взаимоотношениях между индивидуумом и обществом? Те, кто подчиняется правилам, вольны заниматься своими делами и совершенствоваться каждый в своей области до тех пор, пока не вышли из повиновения власти. Современные правительства принимают всевозможные билли о правах и прочие гарантии, которые в разумных пределах благодаря дополнениям и различным толкованиям призваны защищать граждан против посягательства на их основные или «естественные права». В лучшем случае эти права покоятся на весьма неверной, зыбкой основе. Любое правительство в период общественных потрясений и опасности может приостановить осуществление гражданских законов (включая и билли о правах), гарантирующих упомянутые выше свободы: может ввести военное положение, сосредоточив всю полноту власти в вооруженных силах. Не исключена возможность, что в результате государственного переворота правительственный аппарат попадает в руки враждебной группировки. В годину бурных потрясений введение военного положения никого не удивляет, равно как и установление диктатуры или олигархического режима, которые создают свои, новые законы. В процессе кризисов и столкновений старая конституция, старые кодексы теряют силу, уступая место системе новых конституционных и юридических ограничений и принуждений. Подобные превращения часто совершаются в современных революционных ситуациях.

Нельзя обойти и другую разнovidность «свободы под сенью закона». Закон легализует статус-кво, придает ему полномочную силу. И действительно, одна из признанных целей закона состоит в определении и поддержке интересов тех, кого представляют законодатели и исполнители законной власти. Законы, кото-

рые составляют сторонники статус-кво, для кого они пишутся, направлены против возможных возмущений и переворотов. Лозунг «Справедливость для всех по закону» следует читать «Справедливость для всех тех, для кого закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло».

Концентрация богатства и власти; частное землевладение и работодателство: система заработной платы; монополия — посредством системы патентов, привилегий, специального законодательства; агрессия, завоевания, создание империй, самоубийственные и разрушительные войны между враждующими нациями — все это совершается с санкции и благословения закона, часто получает напутствие церкви и поддержку частных патриотических ассоциаций. Тон задают пушки — символ грубого, бесстыдного насилия. А рядом шествует закон, соглашаясь, одобряя, санкционируя, поддерживая, финансируя. Закон укрепляет статус-кво, он клеймит и преследует тех, кто подвергает статус-кво сомнению и выступает против него.

Поскольку ни одно правительство не может удержаться у власти, не обеспечив или не сохранив поддержку населения, законодатели и закон, стоящие на страже статус-кво, должны приспособлять мировоззрение своих граждан к беспрестанно меняющейся политической и экономической обстановке. Политическое кондиционирование означает выработку взглядов, идей, привычек, традиций, которые станут служить интересам тех, кто направляет процесс кондиционирования. Мимоходом напомним читателю, что технология и отработка этого процесса в наши дни по своей эффективности и разнообразию не знает равных в истории. При нынешних средствах связи государство способно добираться до своих граждан в любое время дня и ночи.

Система ограничений и принуждений, довлеющая над гражданами-субъектами, отчетливое выражение находит в существовании среднего американца примерно 1920 года рождения. Вот как протекает это существование.

1) Насильственное отторжение ребенка от матери при рождении. Последующий обязательный период

больничного режима. Детские годы нескончаемых внушений и правоучений в семье, где ребенок познает правила поведения, приобретает привычки и навыки, поджидающие всех новеньких. После того как ребенок привык к дому, его выпускают гулять. Это новая ступень. Он узнает о соседях, ближних и дальних. Знакомство с жизнью примерно до шести лет состоит в том, что нового члена общества учат уму-разуму, заставляя следовать правилам, которые, возможно, не подходят ему. Но ему приходится мириться с этими правилами, ибо взрослые говорят, что так надо. К тому же юные сограждане — народ неискушенный и неспособный отстаивать свою самостоятельность.

2) Обязательное образование приходит к новенькому в возрасте шести-семи лет. Нравится оно ему или нет, нравится оно его родителям или нет, роли не играет. В наше время юные граждане в течение восьми-десяти лет обязаны значительную часть времени проводить под неусыпным оком педагогов. Последние в свою очередь подчиняются тем, кто дал им образование и заработок — столпам общества и стражам статус-кво. Обязанность педагогов состоит не просто в защите статус-кво. Любыми средствами — достойными и недостойными — они должны воспитать в молодом поколении сторонников и защитников существующего строя. Во имя этой цели новенькому выделяют место в школе-муравейнике, куда он должен являться каждый день. Программа воспитания рассчитана убедить будущего гражданина, что он живет в лучшей стране, а посему в любой момент должен быть готов отдать жизнь за эту страну. Год за годом взбирается он по школьной лестнице, и с каждым годом усиливается, становится более изощренной обработка, которой он подвергается.

За проведением операции «образование» наблюдает целая иерархия представителей деловых и профессиональных кругов, восседающих у кормила образования, всевозможные ректоры, попечители и у подножия — пестрая толпа учителей, проводников убогой и ядовитой духовной муштры, рупоров официальной политики, испытывающих непрерывное воздействие со стороны педагогического синклита, родителей, общества в целом.

Содержание самой системы обучения — курс занятий, учебники и прочее — результат тщательной подготовки и работы специалистов, которые время от времени обновляют и пересматривают эту систему. Учителя передают комплекс знаний своим питомцам. Учитель, отходящий от официальной линии преподавания, допускающий собственные толкования, подлежит увольнению.

Закончив учебу, будущий гражданин — он стал теперь образцовым учащимся — вполне созрел и готов к следующему искусу: ему надо найти работу и стать образцовым тружеником.

3) В ритме повседневной трудовой жизни принуждение проявляется в меньшей степени, чем в школьной, потому что работодатели чем-то отличаются друг от друга. Однако и трудовые отношения в экономике массового производства, тяготеющего к монополии, проявляют те же тенденции. Новичок — в какой бы роли он ни подвизался: мальчика-посыльного, подручного или подмастерья, — поступает в услужение машине, которая совершает основную работу. Она задает темп, которому, хочешь не хочешь, новенький обязан подчиниться. Если организация или фирма выполняет правительственные заказы, новый рабочий проходит специальную проверку, дабы взгляды и мысли его не противоречили взглядам его хозяев и хозяев их хозяев.

Новичок отбивает табель и начинает свою трудовую карьеру. Будучи образцовым рабочим, он может заслужить поощрение. С годами приходят отличия. Однако он только слышит о «руководстве». Его самого никто не просит выбирать старших или обсуждать политику фирмы. Он живет на зарплату — труженик современного производства, раб машины, которая вращается на всех уровнях жизни посредством бесчисленных рычагов и винтиков.

4) Наступает такой момент, когда новенького призывают в армию. Нравится ему это или нет, но он предстает перед призывной комиссией. Если его признают годным к службе, значит, одевай военную форму и учись искусству тотального уничтожения. Новенький, который попеременно менял амплуа образцового ребен-

ка, образцового ученика, образцового рабочего, учиться теперь быть образцовым солдатом.

5) Образцовый ребенок, образцовый ученик, образцовый рабочий, образцовый солдат — таково прокрустово ложе, уготованное новому гражданину. В школе он усвоил, что такое гражданский долг, он распевал патриотические песни и внимал патриотическим речам. Возможно, он видел мэров, губернаторов, президентов — по телевизору или где-то на улице. В целом же его представления о всяких высоких материях носят характер весьма отвлеченный. Он получает право голоса. А за кого голосовать? И вообще — зачем?

Кое-что, однако, новенький знает: не нужно связываться с коммунистами. Что касается расовой дискриминации, ядерных испытаний, Североатлантического блока и Организации Объединенных Наций — пусть этим занимаются люди, которые смыслят в таких вещах. Будешь спорить — договоришься до опасных мыслей, попадешь в изменники. Лучше держаться в стороне.

И в самом деле, разве нельзя купить на распродаже поддержанный автомобиль? Разве нет спорта, телевидения, кино? Зачем ввязываться не в свое дело? Если же хочешь узнать, что происходит на белом свете, к твоим услугам радио, которому можешь доверять безоговорочно. К тому же продуктов достаточно, есть одежда и всякий сервис, пиво стоит гроши, а приобрести коттедж обходится дешевле, чем снимать квартиру. Поэтому счастливым быть и легче и безопасней. Веселись, наживай барахло, создавай уют, и пусть те, кто сидит наверху, заворачивают делами.

Примерно так складывается существование человека в крупнейших странах мира. С самой колыбели его поджидает сложившийся уклад жизни, который ему не дано потревожить. Семья, школа, работа, военная служба, всеисильная полиция — таковы силы, с которыми приходится считаться. Кто достаточно умен, тот приспособляется. Отступничество чревато наказаниями, которые известны всем — от мала до велика. Дерзких ожидает катастрофа, остракизм и даже тюрьма. Человек, думающий прежде всего о себе, изберет безопас-

ный путь. Он приспособится и станет жить, по возможности избегая хлопот и осложнений.

Теоретически закон современного общества обеспечивает справедливость для всех, даже если и не в состоянии гарантировать свободу. На практике же существующий порядок означает монополию и дискриминацию. Интересы сильных мира сего, система частной собственности и паразитических доходов, работодателство и эксплуатация, национализм, расизм и классовое расслоение — неотъемлемые компоненты современного государства. Неравенство и эксплуатация вросли в устои общества. Социальное устройство — это пирамида. В ее основании много свободных мест, зато чем ближе к вершине, тем дороже стоит место под солнцем, тем труднее его занять.

В социальной пирамиде властвуют законы принуждения и насилия. Свобода — на заднем плане. Лозунги свободы ласкают слух теоретиков, они — на устах политиков, однако в жизни человека с улицы они играют незначительную роль. В наше время взаимоотношения свободы и ограничения в социальном устройстве и социальной деятельности далеко ушли от полюса свободы к полюсу ограничения. Исследуйте условия жизни любого человеческого сообщества; поговорите с новичком, вступающим в жизнь, и искушенным наблюдателем; наконец, проанализируйте собственный опыт, и вы увидите, что ограничение преобладает. Более того, в современном обществе так и должно быть.

Роли и месту индивидуума в современном обществе Гарольд Ласки посвятил книгу. «Единство государства, — пишет он, — это признание обществом того, что предлагают лидеры. Только потому, что предложение принято, еще не значит, что оно хорошо. Только потому, что оно предложено, еще не значит, что оно справедливо». Однако совершается это во имя необходимости, обороны, патриотизма и всегда — во имя свободы. Это и есть свобода под эгидой власти.⁴⁵

Господство ограничений и насилия характерно для отношений между обществом и индивидуумом в наше время. В любой сфере существует обширная, тщательно продуманная система социального кондиционирования,

которая почти не оставляет места для индивидуального выбора и действий. Всюду, куда бы ни пошел человек, он оказывается в заколдованном круге общественных табу. Они напоминают ему — не спрашивай, не сомневайся, будь достойным гражданином, будь, как все. Иначе тысячи, даже миллионы людей заклеят тебя отступником. От тебя отвернутся близкие, друзья, коллеги и соотечественники.

19. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СВОБОДЫ

Подробное исследование свободы как идеи, свободы в действии, изучение взаимосвязи между свободой и ее антиподами приводит к неизбежному заключению: в природе не существует понятия «свободный индивидуум» или «свободная социальная общность людей». Свобода знает приливы и отливы. Свобода — не абсолютная величина. Нельзя про нее сказать, что это величина независимая. Ничто в нашем жизненном опыте не выглядит всеобъемлющим и единым. Сама жизнь — это комплекс множественных или многообразных явлений и понятий, смешение различных компонентов, взятых в различных пропорциях. Свобода — один из компонентов. Более того, в природе или обществе свобода не возникает подобно золотому слитку на дне ручья. Неизменно ей сопутствуют ограничение, принуждение, дисциплина, контроль. Свобода в действии вызывает к жизни свои противоположности: каждый порыв к свободе рождает ответную реакцию — в сторону ограничения.

Свобода представляет собой взаимоотношение, возникающее при стечении определенных обстоятельств, каждое из которых отличается друг от друга характером, масштабами или тем и другим. Различные меры свободы и ограничения — результат подобных взаимоотношений.

Можно, конечно, представить себе абсолютную свободу в том смысле, в каком говорят об абсолютном вакууме или физическом движении, не знающем трения. Практически же такого рода концепция абсолюта не находит себе подобных в современном обществе.

Философы и теологи допускали свободу воли и не раз обсуждали ее. Однако до, во время и после обсуждений рабство, крепостничество, эксплуатация, деспотизм, войны, завоевания, создание империй, мобилизации, налоги и прочие формы принуждения и насилия встречались на каждом шагу. Любые философские или теологические обоснования и аргументы в пользу абсолютной свободы находят опровержение в прошлой и настоящей истории человечества. Повседневное существование человека знаменует целую систему ограничений, препятствий, возражений, запрещений, барьеров, которые с лихвой уравнивают многочисленные стремления к свободе. Это подтверждает само наше существование, отношения между человеком и обществом. Это находит выражение в отношениях между отдельными социальными группами. Нигде, насколько нам известно из опыта и практики, не бывает полной и совершенной свободы. В любом положении возникает то или иное соотношение свободы и ограничения.

Свобода играет различную роль в жизни человека в зависимости от его возраста. Новорожденный резко ограничен в выборе и действиях. Заботливые родители все решают за него. Появившийся на свет младенец, как бы его ни любили, ведет зависимое существование, подчиняясь распорядку и правилам, которые установили взрослые. С годами зависимость юного гражданина уменьшается; совершеннолетие олицетворяет достижение личной независимости. Отныне считается, что человек сам может позаботиться о себе. На практике, конечно, место биологической зависимости заступает социальная взаимозависимость в сложных условиях общественного развития. По сути дела, зависимость обычного взрослого человека от своих близких носит куда более многообразный характер, чем в детстве. С наступлением старости зависимость возрастает до такой степени, что восьмидесятилетний, как малое дитя, уже не в состоянии сам позаботиться о себе, не может рассчитывать на свои силы и способности.

Бывают моменты, когда человек наслаждается свободой — уйдя с головой в любимое дело или слушая музыку; оставаясь наедине с книгой, витая в мечтах; про-

вода отпуск где-нибудь в горах или на берегу моря; гуляя в лесу или поле; отдавшись любви или спокойным раздумьям. Потеряв на мгновение ощущение времени и пространства, человек забывает о собственном «я», сливается с окружающим миром или бесконечностью. Такие мгновения проходят. Человек становится самим собой, вновь ощущая те путы, которые и ранее, до мимолетного забытья, сдерживали его порывы и движения души. На какое-то время человек частично или полностью забывает об ограничениях. Однако сами ограничения остаются.

Свобода видоизменяется в зависимости от физического состояния человека. Когда состояние нормально, другими словами, когда человек здоров, он просто забывает, что у него есть сердце, легкие и т. д. и т. п. Но когда подкрадывается заболевание, человеческое тело может стать источником невыносимых, мучительных страданий. Физическая, душевная, умственная нагрузка, напряжение, нервные расстройства, волнения, осложнения, потери, крушения, подпадающие, по мнению ученых, психиатров, врачей под рубрику «болезней», дают представление о том, в каких масштабах болезни и нездоровье угнетают человеческий организм, ограничивая свободу выбора и действий.

Свобода изменяется в зависимости от социального окружения. Человек чувствует себя весьма свободно с матерью, учителем, другом, возлюбленной, товарищем по работе. Временами человек ощущает еще большую свободу, когда рядом с ним нет ни одной живой души. В другое время присутствие посторонних помогает освободиться от ограничений, душевной тяжести, которые возникают в самом человеке.

Свобода изменяется в зависимости от доходов, состояния, социального положения. Человеку, зажатому в тисках нищеты, изобилие может показаться синонимом свободы. Однако изобилие и богатства имеют свои недостатки. «Единственно, что страшнее и притягательнее миллиона долларов,— это два миллиона долларов»,— говорит мультимиллионер. Несчастному, больному королю волшебник говорит, что исцеление он найдет, лишь надев рубашку счастливого человека. После

долгих поисков слуги короля отыскивали человека, который утверждал, что он счастливей всех на свете. «Король желает купить твою рубашку,— сказали они счастливцу,— он хочет надеть ее, чтобы вновь обрести здоровье и счастье». Улыбаясь, тот ответил: «Я бы с радостью угодил королю. Но у меня нет рубашки». Богатство и социальное положение влекут бремя ответственности и забот. Они не дают свободы.

Свобода зависит и от степени ответственности, которую несет человек. Как часто встречаем мы сильных, уверенных в себе людей, которые тем не менее не переставая жалуются на судьбу. У них хорошее жилье, прекрасная семья, отличная работа, товарищи, друзья. И все же они не чувствуют себя свободными и счастливыми. Они устали, их тяготит бремя ответственности, та роль, которую обязывает играть социальное положение. Предложите им отдохнуть, встряхнуться, отправиться в путешествие, попробуйте соблазнить их развлечениями, в ответ вы услышите: «Но ведь я же не волен изменить свою судьбу: я прикован к этой конторе и не могу ее покинуть хотя бы на день!»

Члены одной и той же семьи, соседи, товарищи по работе — все они пользуются свободой, но в разной степени. То же самое относится к целым семьям и округам; то же можно сказать о городах и странах определенной исторической эпохи.

Свобода для одного человека может покоиться на ограничении другого. В работе «Свобода и ответственность в американском образе жизни»⁴⁶ Карл Беккер напоминает читателю, что «о своих свободах любили говорить представители французской знати XVIII века. Однако для французских крестьян эти свободы оборачивались гнетом. Мы же в них видим просто незаслуженные привилегии». Гораций Каллен приводит пословицу: «То, что забава для джентльмена, для рабочего человека — преступление», подтверждая ее примерами охотничьих привилегий в Англии⁴⁷.

Свобода меняется час от часу, день ото дня, год от году. Городские улицы, водоснабжение, здания учреждений, хотя и подвластны безжалостному времени, тем не менее относительно долговечны. Свободу пользова-

ния ими могут нарушить пожары, наводнения, землетрясения, гражданские войны, интервенция, всякого рода случайности, действия полиции. Это те силы, которые человеку трудно контролировать, которые легко могут вырваться из-под его власти.

В современном обществе не существует понятия тотальной свободы. Там, где заявляет о себе свобода, она слышит в ответ расхолаживающий голос ограничения. Масштабы свободы изменяются обратно пропорционально неопределенности и неустойчивости, которые характерны для той или иной конкретной социальной обстановки. И наоборот, чем выше стабильность и процветание, тем больше шансов для граждан устойчивого, процветающего общества наслаждаться свободой.

Ни одна общность людей не застрахована от возникновения исключительных обстоятельств. Когда угроза нависает над порядком и устойчивостью, свободы, как правило, сходят на нет или же перед лицом общественных потрясений уступают место военному положению. Наводнения, пожары, землетрясения, интервенции почти автоматически сокращают сферу свободы, вызывая ограничения и запреты. Неожиданные бедствия способны за одну ночь подорвать позиции свободы. В хаосе и катастрофе свобода исчезает, подобно деревянным постройкам, гибнущим в пламени всепожирающего огня. Сегодня здесь — свобода, завтра ее след простыл.

Аналогичные изменения присущи крупным правительственным перетасовкам. Старый режим допускал произвол. Новый проявляет больший либерализм — и наоборот.

Появление и развитие свобод может совпасть с конкретными фазами подъема и упадка той или иной культуры. Период подъема укрепляет позиции свободы, смятение и хаос — частые спутники распада — ограничивают ее пределы.

В двадцатые годы мы жили в Германии. Мы не раз обсуждали головокружительные успехи диктатуры Муссолини в Италии и соответствующую ликвидацию свобод в этой стране. Не раз серьезные, трезво мыслящие немцы различных политических убеждений гово-

рили нам: «В такой отсталой стране, как Италия, свободу можно не только урезать, но вообще уничтожить. Не удивительно, что там удалась диктатура личной власти. Но в передовой стране с высоким уровнем образования, какой является Германия с ее великими традициями свободы, глубокой преданностью идеалам свободы, уважения человеческого достоинства, подобная трансформация просто невозможна». Свою первую убедительную победу нацисты одержали на выборах 1927 года. Через три года партию нацистов уже финансировал большой бизнес. А спустя пять лет после выборов 1927 года Гитлер пришел к власти.

По своей природе свобода преходяща и мимолетна. Временами переход от свободы к ограничению и обратно происходит столь неожиданно и мгновенно, что напоминает манипуляции, которыми фокусник поражает зрителей, пряча голубя под шляпу, а через секунду показывая пустую шляпу. Если свобода действительно субстантивна и абсолютативна и абсолютна, в чем стараются уверить нас некоторые ее адвокаты, если свобода — категория постоянная и долговечная, подобно направлению в музыке или научной школе, то тогда ее действительно должны отличать черты вполне осязаемые. И тем не менее свобода подобна ветру. Здесь она или ее уже нет, можно ощутить лишь во время приливов и отливов, после того как она появилась или исчезла.

Судя по фактам недавнего прошлого, призывая в свидетели уроки истории, мы должны заключить, что свобода не есть некая сущность, но взаимоотношение. Солнце заходит, сумерки окутывают землю: наступила ночь. Занимается заря, солнечные лучи блеснули на горизонте: наступил день. Так и свободу поглощает ограничение. Но на определенном этапе исторического цикла происходит изменение социальной атмосферы, и ограничение уступает натиску свободы. Солнце восходит и заходит. Свобода приходит и уходит.

Свобода есть ассоциативное понятие, определяющее отношение одной концепции или социальной силы к другой. Высокий и низкий, холодный и горячий, богатый и бедный — эти понятия выполняют аналогичные

функции. Любой термин из такой пары противоположностей выражает какое-то качество, но взятый сам по себе, например «высокий», «холодный», «богатый», повисает в воздухе; именно противоположное понятие завершает картину. Наши представления о высоте, температуре, экономическом положении лежат где-то посредине между противоположными точками. Как и наш опыт со свободой и ограничением, они символизируют два полюса, между которыми разворачивается деятельность индивидуума и общества.

Мы говорим о свободе и ограничении, словно это лучший образец двух противоположностей. Но в подобного рода противопоставлениях не может быть «лучшей» пары. «Свобода» и «ограничение» имеют свои синонимы. Каждый из этих синонимов имеет и более подходящее, целесообразное применение. В последние годы в ходу слово «свобода»; в более отдаленные времена с равным успехом и той же цели служило слово «вольность». Частое повторение слова «свобода» за последние годы сделало его популярным, и наши несведущие современники придают ему значение и смысл, которые в свое время соответствовали слову «вольность».

Но при каких обстоятельствах понятие свободы не бывает абсолютно простым? Множественные представления и знания человека связаны с противопоставлением выбора и конформизма. Одно из наименее удачных определений свободы гласит, что «свобода индивидуума кончается там, где утверждает себя свобода соседа». Оно исходит из индивидуалистической посылки, по которой противопоставление «свобода — ограничение» охватывает отношения лишь между двумя индивидуумами. На деле же свобода и ограничение охватывают групповые взаимоотношения, равно как и отношения между индивидуумами. Все обитатели нашей местности вольны разъезжать по улице, пользоваться библиотекой, автобусом, посещать собрания в муниципалитете. В любом из перечисленных выше примеров нет никакого противопоставления двух индивидуумов. Они лишь показывают, что так называемые свободы доступны всем гражданам.

В следующем случае свобода означает автономию, или полную самостоятельность. Существуют и другие измерения свободы применительно к естественному закону, совести, социальной необходимости. И всюду сама жизнь нарушает границы, отделяющие одну разновидность свободы от другой. Но жизнь способна и соединить различные формы свободы при конкретном стечении обстоятельств.

Свобода — не абстракция. Она не точка, не прямая, не поверхность. Скорее, это многомерная фигура, одна или многие поверхности которой соединяются или соприкасаются с другими фигурами, представляющими иные аспекты человеческих отношений, — с самим собой, себе подобными, природой, космосом. Ни в коей мере это сравнение нельзя считать исчерпывающим, если только в каждом данном случае свобода не связана с одним или несколькими из своих антиподов, тем самым значительно усугубляя и осложняя геометрическую аналогию, о которой говорилось выше.

В пределах нашей задачи мы можем быть удовлетворены, установив относительный характер свободы. Свобода — сама по себе понятие не полное. Завершение его требует соединения с одним из противоположных понятий. Эта относительность выражена в противопоставлении и взаимности — то есть в пределах между всеми парами антиподов.

Свобода сама по себе еще не есть благо. Чрезмерная свобода ведет к привилегиям или агрессии. Уменьшение свободы означает деспотизм, господство, эксплуатацию. В истории человечества есть примеры триумфального шествия свободы, с одной стороны, и вакханалии ограничений — с другой. Отношения свободы и ограничения, отношения других противоположностей пребывают в состоянии постоянных изменений, ибо история и жизнь не стоят на месте.

Свобода может обрести под собой твердую почву и быть более всего полезной человеку и обществу там, где она находит разумное равновесие в дисциплине, ограничении и других сочетаниях противоположностей. В таких условиях и свобода, и ее противоположности

играют определенную роль, которая, однако, не остается неизменной.

Жизнь человека и общества протекает между двумя полюсами: на одном — свобода, на другом — ограничение. В обычных условиях человек никогда не пользуется абсолютной свободой. Самоконтроль, общественные рамки, система принуждений существуют в любых обстоятельствах. Точно так же не бывает абсолютного ограничения — даже в смерти.

С ограничениями сталкиваются и социальные группы. Не может быть абсолютной независимости или суверенитета для социальной общности людей. Не существуют и перманентные ограничения. И внутри, и вовне возникают противоречия, напряженность, неожиданные перемены. Условия жизни общества, как и отдельных людей, подчинены закону изменений и ограничений.

Даже самый беглый обзор жизни человека и общества в условиях современности подтверждает изменчивый, но никак не абсолютный характер свободы. Одна из примечательных особенностей свободы в жизни человека состоит в ее относительности.

Часть четвертая

РОЛЬ СВОБОДЫ И ПРИНУЖДЕНИЯ В ВЕК СИЛЫ

20. ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЕКА СИЛЫ

Всю жизнь люди проделывали опыты, проводили всевозможные испытания, стремились к тому, чтобы из различных ингредиентов — природных, личных или социальных — создать то, что человечество на различных этапах своего существования называло надлежащим образом жизни или «хорошей жизнью».

Во все времена человеческие потребности были многочисленны, сложны, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Начало века силы заставило людей быть гораздо более, чем когда-либо, взыскательными по отношению к себе и к обществу, сделав их потребности еще более многочисленными, сложными, взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Поскольку изменение является одной из характерных черт природы и общества, представление о надлежащем образе жизни все время меняется. Иногда изменения наступают постепенно, и одному поколению они не заметны. В этом случае людям легче приспособиться к изменениям. Но даже в том случае, если наше представление о надлежащем образе жизни изменяется постепенно, ряд компонентов, составляющих его, может быть утерян. Если утерян один из существенных компонентов, меняется все представление: то, что раньше казалось приемлемым, желаемым образом жизни, теперь становится неприемлемым. Возьмем два простых примера. В сельском хозяйстве есть несколько жизнен-

но важных взаимозависимых компонентов: плодородие, осадки, солнечное тепло, прореживание посевов, обработка земли, борьба с вредителями урожая, краткосрочное и долгосрочное планирование, эффективный уход, забота об урожае, бдительность, неустанный труд. Люди века силы стремятся к тому, чтобы выжить, иметь средства к существованию, положение в обществе, богатство, власть, уверенность в завтрашнем дне, долголетие, работоспособность, сотрудничество, стимул к работе, цель в жизни, стремление к улучшению и прогрессу, свободе и ограничению, разумности и чувству ответственности. И в том, и в другом случае все перечисленные элементы являются в той или иной мере в соответствующее время и в соответствующем месте необходимыми. Если мы выкинем один, хотя бы на первый взгляд незначительный элемент, наши понятия потеряют смысл, подобно автомобилю, у которого все на месте, но есть какая-то неполадка в электрической цепи, из-за которой он не может двигаться.

Прежде чем определять роль свободы и принуждения в век силы, мы должны составить себе некоторое представление о самой сущности этого века и характерных его чертах. Потребности и возможности человечества в век силы во многих отношениях выходят за рамки прежних потребностей и возможностей. Перед теми странами, которые дальше пошли по пути создания образа жизни, отвечающего требованиям века силы, проблемы века являются более актуальными, чем для менее развитых стран. Но, несмотря на эти различия, человечество волнуют в общем одни и те же проблемы, заботит то, как приспособиться к особенностям и требованиям века силы.

Американцы хорошо знакомы с нуждой, требованиями и ограничениями века силы, так как США и Канада (и все в большей мере индустриальные районы Латинской Америки) за два-три поколения от кустарного производства, гужевого транспорта и торговли исключительно за наличный расчет перешли к выпуску массовой продукции, электрификации, автоматизации, автомобильному и воздушному транспорту, контролю за издержками производства и учету с помощью электрон-

ных машин, к экономическому планированию в национальных и межнациональных рамках. Экономическая и социальная структура XIX века была полностью перестроена или обновлена к середине XX века. Процесс перестройки все еще продолжается с головокружительной быстротой. Эта объединенная экономическая и социальная революция, произошедшая в век силы, поставила перед человечеством все возрастающий ряд проблем, с частью которых необходимо познакомиться при рассмотрении потребностей и возможностей века силы.

1. Более широкое использование природных ресурсов, в том числе энергетических. Быстрое развитие естественных наук, астрономии, физики, химии, геологии, металлургии, электроники, ядерной физики, биологии, генетики. Развитие инженерного дела и технологии производства в этих областях и в смежных с ними. С середины XIX века до наших дней было сделано больше значительных открытий и изобретений, чем за последнее тысячелетие. Человечество буквально сгибается под тяжестью всевозможных познаний и постоянным вторжением науки в повседневную жизнь. Мы можем резонно спросить, может быть не ожидая получить ответ на наш вопрос: «Почему же именно в это время была сделана такая масса открытий?» Независимо от того, удастся ли нам установить причину или нет, мы не можем пройти мимо таких фактов, как изобилие продукции, скоростные средства передвижения и связи, широкое распространение социальных услуг и значительно увеличившийся досуг.

2. Широкое применение науки и техники, развившихся в общении с природой, в том числе науки об управлении и руководстве обществом. Планирование, контроль и управление не новы. Стоит только вспомнить о планировании городов, портов, водопроводных сооружений и образовании правительств, об организации найма рабочей силы для строительства в мирное время и солдат — в военное. История, дошедшая до нас, приводит эти и многие другие примеры планирования, контроля и управления в некоторых речных долинах, на ряде островов и полуостровов. Но только че-

ловека века силы, вооруженный наукой и техникой, более совершенными методами производства, строительства, передвижения и связи, смог следить за социальной жизнью целых континентов с сотнями миллионов жителей и, кроме того, осуществлять планирование, организацию и контроль за развитием всей общечеловеческой культуры на планете. Но человек века силы пошел еще дальше, в течение одного поколения планируя и строя новые социальные системы, изменяя и обновляя старые. В то время как естественные науки и техника впервые появились много веков назад, зарождением общественных наук и их практическому применению мы во многом обязаны веку силы.

3. Естественные науки и техника вкуче с общественными науками сблизили народы всего мира. Предыдущие цивилизации были ограничены рамками какой-нибудь речной долины и прилежащей к ней территории, какого-нибудь района или континента. Горы, пустыни и океаны являлись неодолимой преградой для проникновения этих цивилизаций в существовавшие в те времена общества. На долю западной цивилизации, где естественные науки и техника были наиболее тесно связаны с жизнью, выпала задача уничтожить эти природные барьеры и объединить все ныне существующие культуры. Первый раз за всю историю человечества люди всего мира участвуют в культурном обмене, то есть делятся научными и техническими знаниями, сообща работают на одних и тех же предприятиях, занимаясь самыми различными процессами: путешествиями, развитием средств связи, коммерцией, эксплуатацией природных богатств, здравоохранением, изучением погоды и т. п.

4. Наука и техника века силы вооружили человечество знаниями, необходимыми для того, чтобы проникнуть в космос, преодолев земную атмосферу и силу тяготения; исследовать и изучить Луну и другие планеты; исследовать солнечную систему и некоторые звезды с их спутниками. Человек века силы ставит перед собой цель не только исследовать космос, но и освоить его, посетить другие планеты, исследовать их, познакомиться с их жителями, установить с ними дип-

ломатические отношения и наладить культурный обмен,— и, несмотря на эти грандиозные цели, человек постоянно ощущает себя песчинкой по сравнению с громадой Вселенной.

5. Наука и техника сделали возможным продлить человеческую жизнь и обогатить ее; человек, вооруженный знаниями биологии, психологии, социологии, космологии, стал стремиться к хорошей жизни для себя лично, работать, чтобы добиться хорошей жизни для всего общества и в конечном счете приблизить наступление хорошей жизни во всем мире.

6. Разрушительный потенциал несет в себе любое научное и техническое открытие и изобретение. Физика, химия, биология, социология и психология в применении к повседневным личным и общественным делам или в исследовании космоса могут продлить, улучшить и обогатить человеческую жизнь. Те же самые силы, будучи направленными вместо созидания к разрушению, могут изуродовать, искалечить, сломать жизнь человека. Философы и моралисты уверяют нас в том, что чем выше мы поднимаемся, тем больше будет падать. Каждое орудие есть потенциальное оружие, так же как каждое оружие есть потенциальное орудие. Способность строить и производить несет в себе в то же время способность крушить и уничтожать. За последнее десятилетие разрушительные способности развились значительно быстрее, чем созидательные. Принимая во внимание успехи в области ядерной физики, химии и биологии, все стройки, заводы и фабрики, все культурные ценности, создававшиеся веками, могут быть взорваны или уничтожены в течение времени, необходимого для того, чтобы прочесть эти строки. Человек на Западе, добившись больших достижений в науке и технике, вдруг обнаруживает, что он висит над пропастью: если он не будет контролировать силы, вызванные к жизни его же открытиями и изобретениями, они уничтожат его. Вынужденный считаться с этим неблагоприятным обстоятельством, человек века силы должен посвятить энергию, накопленные ранее и только что приобретенные научные и технические знания и еще не до конца осознанные потенциальные возможности то-

му, чтобы развить созидательные силы общества, внося тем самым пусть небольшой вклад в дело распространения, улучшения и в конечном счете построения хорошей жизни во всем мире.

К этим семи предпосылкам или аксиомам, касающимся некоторых важных проблем века силы, следует добавить еще одну, одинаково приемлемую для этого и для любого другого века. Жизнь в век силы настолько сложна и многообразна, а во многих своих проявлениях носит настолько специфический характер, что человеку трудно быть сколько-нибудь хорошо осведомленным о ходе событий и направлениях в различных ее областях. Поэтому предпринимается ряд попыток, чтобы держать массы одинаково хорошо информированными не только обо всех новостях (в лучшем смысле этого слова), но и о возможностях использования этих новых потенций в соответствующим образом измененной обстановке, когда важные проблемы будут рассматриваться до того, как они станут действительностью, и в случае надобности против них можно предпринять профилактические меры раньше, чем потребуются меры лечебные.

Если эти утверждения правильно отражают потребности и возможности человечества в век силы, из них вытекают два основных положения, касающихся анти-тезы «свобода — принуждение». Для какой-либо социальной группы или ячейки общества (семьи) цель, план, контроль, сотрудничество, согласование и направление так же важны, как для любого общественного мероприятия, такого, как сохранение, использование и экономия природных ресурсов или программа образования, рассчитанная на то, чтобы подготовить подрастающее поколение к успешному и плодотворному участию в борьбе за продление и обогащение человеческой жизни в век силы. Если обществу в век силы суждено выжить и развиваться, то вопросы сохранения и использования природных ресурсов, направления социальных сил, установления взаимопонимания и лояльности во всем мире, космических путешествий и роста созидательных сил должны занимать первое место в мыслях, планах и делах человечества.

Условия, ситуации и проблемы, возникающие перед человеком в век силы, начинают носить все более и более ярко выраженный общественный характер, так как они касаются больших географических площадей и большего числа людей, и все чаще речь идет не об индивидууме, а о коллективе индивидуумов. Несмотря на то что индивидуум играет большую роль в любом обществе, большинство проблем, о которых говорилось выше, касаются не индивидуума, а общества в целом. За последние полстолетия в связи с быстрым ростом культуры в век силы вопросы, касающиеся общества, не только выдвинулись на первый план, но и выросли в своей сложности, силе и значительности. Аргумент, выраженный несколькими предыдущими абзацами, имеет сейчас гораздо большую силу и значение, чем 50 лет назад. Жизнь неумолимо толкает век силы от личных проблем к общественным. Согласно требованиям века силы, провозглашающего превосходство «мы» над «я», люди должны быть готовы к тому, чтобы жить и работать тесно спаянными коллективами, как слаженные спортивные команды. Жизнь и работа в обществе влекут за собой различные степени ограничений, включая самоограничения и ограничения, налагаемые на индивидуума обществом. В этих условиях общественное и его потребности самовыражения должны взять верх над личным с его потребностями личного самовыражения. Главным достижением века силы является то, что подавляемая свобода уступает место все возрастающему принуждению.

Второе положение дополняет первое. С точки зрения индивидуума, здоровье, самовыражение, уравновешенная жизнь, рост, порядок, красота, любовь, признание, одобрение и чувство ответственности перед обществом — вещи желательные и необходимые. Достижение указанных личных целей сделает индивидуума не только счастливым и уравновешенным человеком, но и более полезным членом той социальной группы или тех групп, к которым он принадлежит. Побуждения и стремления индивидуума — вещи, несомненно, важные, но в век силы жизнь определяется скорее не личной свободой индивидуума идти куда ему вздумается и дей-

ствовать сообразно его желаниям и склонностям, но общественной дисциплиной, преданностью обществу и достижениями общества.

Век силы не требует разделения между обществом и индивидуумом. В век силы так же, как и на любой другой стадии социального развития, общество и индивидуум взаимосвязаны и взаимозависимы. Индивидуум не может в одиночку разрешать проблемы века. Он должен участвовать в жизни вместе с другими: сообщать, работать, учиться, проводить исследования, составлять планы и проекты и претворять их в жизнь, участвовать в создании общего благополучия. С ростом общества, с успехами его в области техники и автоматизации индивидуум ощущает себя все в большей мере членом коллектива и все в меньшей мере — личностью. Некоторые из этих объединений носят добровольный характер: от самого индивидуума зависит, вступит он или не вступит в данное объединение. Другие, как, например, гражданство в государстве или служба в армии, носят принудительный характер. Но в любом случае, если индивидуум вступил в какое-то общественное объединение, давление на него со стороны общества оказывается настолько сильным, что он вынужден скорее считаться с требованиями общества, нежели со своими собственными желаниями и устремлениями.

В этих изменяющихся условиях должен быть произведен пересмотр ценностей и чему-то отдано предпочтение. Пылкие сторонники свободы предполагают как нечто само собой разумеющееся, что на первом месте должна быть свобода. «Свобода — не роскошь, которой мы можем предаваться, когда у нас есть все прочее: безопасность, благосостояние и просвещение», — писал Генри Команджер. «Свобода скорее необходимое условие для появления этого «прочего», так как без свободы не может быть ни безопасности, ни благосостояния, ни просвещения». «Мы должны сохранять и поощрять свободу следствия, научных исследований, свободу слова, свободу группировок, свободу образования, свободу в науке, литературе, политике, короче говоря, принимать свободу во всех ее проявle-

ниях не как абстракцию, но как насущную необходимость»⁴⁸.

В основании этой программы лежит предположение, что человек века силы в состоянии решать, выбирать и действовать. «Бесспорно,— говорит Эрик Фром,— внешне человеку ничто не препятствует думать и поступать так, как он находит нужным. То есть он, конечно, и поступал бы сообразно своим желаниям, если бы знал, что он хочет, о чем думает и что чувствует. Но он не знает. Доверившись анонимным авторитетам, он принимает себя не за то, что он есть. И чем больше он это делает, тем более беспомощным он себя чувствует и тем больше вынужден доверять тем же авторитетам. Сквозь шелуху оптимизма и инициативы проглядывается глубоко беспомощный человек, насмерть перепуганный приближающимися катастрофами»⁴⁹.

Мы согласны с профессором Комаджером в том, что свобода есть императив, но мы хотели бы задать ему три вопроса: 1. Являются ли императивами другие потребности? 2. Возможны ли условия, при которых другие потребности, такие, как потребность жить или потребность к улучшению жизни, станут императивами в большей мере, чем свобода? 3. Не являются ли безопасность, благополучие, образование и свобода взаимозависимыми условиями для прогресса человечества?

Принимая во внимание неустойчивость и противоречия, преследующие западную цивилизацию середины XX века, мы предложили бы следующую классификацию потребностей общества по степеням их важности: во-первых, справедливость, в том числе справедливость экономическая; во-вторых, порядок и устойчивость; в-третьих, мир; в-четвертых, свобода. Когда окончится кризис, переживаемый обществом в настоящее время, произойдет переоценка ценностей при классификации; до тех же пор пока кризис еще не окончился, наибольшей популярностью пользуется, по-видимому, проблема свободы.

В самом начале, на ранних этапах развития любого предприятия, напористый, энергичный и смелый инди-

видуум добивался больших успехов, действуя на свой страх и риск. В век силы индивидуум, который собирается действовать на свой страх и риск, выступая в качестве свободного предпринимателя, столкнется с большими неприятностями. Он может оказаться помехой для общества. В каком направлении он ни станет развивать свою деятельность, он всюду натолкнется на общественные предписания и директивы. От его способности понять эти предписания и суметь выбрать нужное направление зависит то, насколько полезным членом общества он будет.

Для успешного развития общества со сложными взаимозависимыми отношениями индивидуумов внутри него обществу необходимо планирование, повышение технического мастерства, координация, кооперация, дисциплина, обсуждение, оценки и решения, вырабатываемые коллективом индивидуумов после обсуждения какого-либо вопроса. Поскольку в век силы один индивидуум не в состоянии создать и своими силами поддерживать какой-либо коллектив, необходимым условием благосостояния всех членов общества в отдельности является жизнь и благосостояние всего общества в целом. Поскольку обществу необходимо расти и развиваться, ему необходимы знания и опыт индивидуума, но если этот индивидуум по какой-либо причине не сможет отдавать обществу свои знания и опыт, его место займет другой индивидуум с соответствующей квалификацией. Уход одного члена коллектива не парализует работу всего коллектива. Отсюда ясно, что жизнь и благосостояние общества в целом гораздо важнее желаний и потребностей одного индивидуума. В этом принципе нет ничего нового. Одной из аксиом организации общества является то, что в случае необходимости или безвыходного положения благосостояние какого-либо одного члена общества должно быть принесено в жертву благосостоянию общества в целом. В век силы прочность и устойчивость общества являются необходимыми условиями для жизни и прогресса общества. Это одинаково относится как к небольшим коллективам, так и к большим, в том числе ко всему человечеству в целом.

21. СВОБОДА И ПРИНУЖДЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ ВЕКА СИЛЫ

Человеческий опыт можно разделить на две большие части — на личный опыт и коллективный опыт. Личный опыт приобретается индивидуумом в его отношении к самому себе и к одной или нескольким социальным группам. Коллективный опыт приобретается социальными группами в их взаимоотношениях с индивидуумами и с другими социальными группами.

Личный опыт в теории и на практике обычно понимают как культ индивидуума или индивидуализм, сыгравший такую выдающуюся роль в истории современной западной цивилизации. Одним из последствий этого культа было то, что последующие поколения принимали как нечто само собой разумеющееся то, что ультраиндивидуализм присущ человеческой натуре и является одной из насущных потребностей общества.

Однако на практике даже убежденные противники культа индивидуализма одинаково используют как личный, так и коллективный опыт. Они делают это, следуя не положениям какой-либо теории, а просто вследствие практической необходимости. Человечество в целом являет собой пример коллективного опыта, точно так же как любой индивидуум есть пример личного опыта. «Мало людей могут найти смысл собственной жизни, не перестроив ее по образцу жизни тех людей, чьи убеждения они разделяют. И в то время как они заняты поисками подобного рода жизненного эталона, человек, идущий собственной дорогой в жизни, кажется им отступником»⁵⁰.

Каждая человеческая личность глубоко индивидуальна. Инстинкт самосохранения, всевозможного рода желания и побуждения толкают индивидуум к личному самоутверждению. Читая и слушая высказывания агрессивных личностей, мы склонны предположить, что агрессивность — одна из характерных черт человека. На самом деле это характерная черта самоутверждающегося красноречивого эгоиста.

Большинство людей не являются ни агрессивными, ни красноречивыми, ни какими-то особенными эгоиста-

ми. Наоборот, люди ищут и находят удовлетворение в обществе. Их основное желание — быть в толпе. Очень немногие находят удовлетворение вне толпы. Но большинство взрослых мужчин и женщин предпочитают быть с толпой. Они по самой своей природе являются личностями глубоко общественными. Все, что они желают, — это слиться с толпой, раствориться в ней. Этому социальному инстинкту или чувству, заставляющему людей искать общества себе подобных, дано название стадности.

Эшли Монтегю идет еще дальше. Он заявляет: «Каждый индивидуум связан социально с тем общественным кругом, к которому он принадлежит. Поэтому понятие «индивидуум» есть миф. Положение, существующее в обществе, говорит о том, что индивидуумов не существует; понятие «индивидуум» может иметь смысл только как абстрактное понятие в биологии или в статистике при переписи народонаселения»⁵¹. Эта концепция полностью подчиняет личный опыт коллективному опыту.

Чувство стадности присуще не только людям. Им обладают многие животные, насекомые, птицы и рыбы. Нашей настоящей задачей является показать, что коллективный опыт есть одна из важнейших черт человеческой природы, и, исходя из этого, доказать, что координация, специализация, взаимозависимость и чувство стадности, являющиеся одними из важнейших черт общества века силы, есть разумные выражения коллективного опыта.

Группы людей — семья, округ, город, район, штат, государство — есть собрание индивидуумов, объединенных различными связями: биологической, эмоциональной, экономической, социальной. Если они носят постоянный характер, у них должны появиться общие интересы, мысли, цели, действия. Люди объединяются на основе общности интересов. Ремесленники, бизнесмены, любители природы, спортсмены, музыканты, художники ищут общества людей с одинаковыми с ними интересами и склонностями. Люди объединяются по принципу общности занятий, ремесел, профессий, призваний.

Человеческие общества не монолитны: много семей составляют округ, много округ — какую-то еще большую единицу. Города и государства состоят не из индивидуумов, но из общественных и частных подгрупп, семей, округ, больших и малых городов и многочисленных частных объединений, которые играют такую большую роль в обществе в век силы.

Формы объединений и виды их деятельности носят самый разнообразный характер, но есть две особенности, одинаково присущие любому общественному объединению:

1. Постоянство участия в каком-либо объединении всех его членов и лояльность их по отношению к объединению.

2. Защита интересов объединения всеми его членами. Принципы лояльности и солидарности существуют во всех объединениях. Вполне возможно, что успешное создание и развитие того или иного общественного объединения в большой мере зависит от солидарности и лояльности. В начальной стадии развития большое значение для построения объединения имеет личное руководство. В век силы, однако, задачи построения социальных групп значительно усложнились. Перед обществом в век силы стоят три основные проблемы: выживание, самозащита и развитие.

В век силы социальные группы насчитывают все большее число членов и охватывают все большие территории; все члены группы не могут встретиться, чтобы обсудить положение дел. Поэтому они вынуждены избирать или назначать представителей и доверять им защиту интересов группы. В конце концов эти представители превращаются в агрессивных, красноречивых эгоистов. В течение жизни многих поколений, пройдя через многочисленные испытания и ошибки, современное общество пришло к наивысшей степени конструктивного выражения потребностей социальных групп.

Суверенитет является характерной чертой наций в век силы. Быть суверенным — значит «не знать над собой господина», быть независимым. Независимый индивидуум сам решает свои дела. Суверенное государство

во само без каких-либо препятствий и ограничений определяет и проводит в жизнь свою политику, само вершит свою судьбу. Суверенное государство является свободным в классическом смысле этого слова. Поэтому вполне логично будет начать нашу беседу о свободе в обществе в век силы с рассмотрения суверенного или свободного государства, этой формы объединения, с помощью которой общество века силы пытается достичь своих целей. Из того, что говорилось выше об отношении индивидуума к обществу века силы, можно сделать вывод, что в этот период социальная группа является хозяином, а индивидуум — слугой, который пользуется всеми благами жизни, будучи в мирное время образцовым рабочим, в военное — образцовым солдатом. Каждое государство в век силы вырабатывает свои собственные жизненные стандарты, касающиеся основных проблем века: выживания, самозащиты и развития. Государство с величайшей легкостью и чувством удовлетворения втискивает в эти готовые стандарты любого индивидуума при минимальном сопротивлении с его стороны; предполагается, что индивидуум при этом тоже испытывает удовлетворение.

Обеспечивая индивидууму выживание, защиту и развитие, суверенное государство ожидает от него, что он будет лоялен (патриотичен); что он несколько лет проучится в специально созданных государством школах, где ему внушат уважение к государственным институтам; что он как должное примет принудительное обучение и службу в армии, даже если это будет стоить ему жизни; что он будет платить налоги, какие будет угодно взимать с него правящей верхушке; что он безоговорочно признает суверенное право государства отчуждать частную собственность с согласия или без согласия владельца. Если индивидуум удивится, возмутится или окажет сопротивление хотя бы одному пункту из тщательно продуманной системы принуждений и навязывания идей, его могут уволить и таким образом лишить средств к существованию, посадить в тюрьму или концентрационный лагерь или, если этого требует общественная безопасность, лишить жизни. При поряд-

ке, существующем в обществе века силы, независимость всего общества может быть достигнута только при условии полного повиновения всех членов общества. Если индивидум, отстаивая свои права, отказывается подчиняться законам государства, государство пускает в ход принуждение, насилие, а в крайнем случае идет на то, чтобы лишить его жизни в интересах выживания, защиты и благосостояния всего общества. В этих условиях на первое место выходит принуждение; свобода отступает на второй план.

Национальный суверенитет (или свобода общества действовать в интересах собственного выживания, защиты и развития) можно рассматривать в двух аспектах; с одной стороны — взаимоотношения суверенного государства с его гражданами-вассалами, с другой — его взаимоотношения с другими суверенными государствами. Общество века силы насчитывает около ста суверенных государств, каждое из которых граничит с другим или находится с ним в постоянном контакте. Принцип суверенитета (общественная свобода действия) предполагает право каждого государства руководствоваться своими собственными интересами, защищать их, а также интересы своих граждан-подданных.

Существуют два мнения относительно принципов суверенитета. Когда государство объявляет себя независимым и учреждает собственный экономический и политический строй, оно становится полноправным членом семьи наций. С этого момента государство начинает заботиться о своих интересах, привлекая на помощь экономику, политику, а там, где это необходимо, — военные силы.

С этого момента в дополнение к принципу суверенитета появляется еще один фактор, существенно дополняющий и влияющий на первый, — фактор конкуренции. Поскольку каждое государство может свободно защищать свои интересы, а также интересы своих граждан-подданных, может получиться так, что два или более государства одновременно захотят завладеть одним и тем же объектом; произойдет столкновение интересов, возможно конфликт, из которого одно государство выйдет с победой, достигнув желаемой цели,

второе — с пустыми руками, причем, если государство потерпело поражение в войне, оно может быть разграблено, обложено контрибуциями или даже поделено на части между государствами-победителями. Все это случилось после войн 1914 и 1939 годов. В самом деле, это является кратким описанием событий нескольких последних веков, в течение которых суверенные государства приняли свои нынешние формы. У себя дома государство могло помыкать своими гражданами-вассалами до тех пор, пока не поднималось восстание или не вспыхивала революция. Но в отношениях с другими государствами конкуренция ограничивала его действие, а иногда, если государство терпело поражение в войне, аннулировала его суверенитет. Государства века силы в своем развитии руководствовались угрозой вооруженного нападения извне и собственным применением вооруженных сил. Их выживание и развитие являлись следствием не свободы, а способности навязать свою волю соседним государствам, применяя там, где это необходимо, военную силу.

В век силы историю делают не свободные действия суверенных государств, а исход борьбы между соперничающими государствами. Эти государства, защищая интересы своих наций, стремятся извлечь для себя выгоду за счет соперников и действуют под лозунгом: «Пусть сильный захватывает власть и удерживает ее до тех пор, пока хватит сил». Под этим лозунгом в XIX веке создавались мировые империи.

Национальный суверенитет (или свобода общества) подчинен международной игре «хватай-держи». Только победитель в игре может претендовать на суверенитет. Проигравшие государства вынуждены выполнять требования победителя. Они могут быть аннексированы, могут просто попасть в зависимое положение от победителя. Эта игра, обычно называемая высшей политикой, требует энергии, времени, состояния и жизни тех, кто в нее играет. Получается конфликт «все-или-ничего, жизнь-или-смерть», который является прямой противоположностью свободе. Игра ведется во многих аспектах: в экономике; в дипломатии (не останавливаясь перед обманом, двурушничеством, надуватель-

ством и бесстыдной ложью); в заключении и разрыве договоров; в гонке вооружений, где каждое соперничающее суверенное государство или военный блок старается доказать другому превосходство своих вооруженных сил, в конечном счете — в войнах: локальных, общих и тотальных, ведущихся, в конце концов, с применением любых возможных средств. Основная цель любого сражения — доказать военное превосходство и таким образом вынудить противника сдаться. На протяжении всего конфликта принцип приносится в жертву выгоде, свобода — принуждению.

Вооруженные силы победителей оккупируют территории побежденных стран. Побежденные страны попадают в зависимое положение, эксплуатируются. Колонии и зависимые страны поднимают восстания в борьбе за свободу, добиваются независимости, объявляют себя суверенными государствами и начинают нелегкую борьбу за существование. Победители недолго наслаждаются властью, построенной на насилии и принуждении. Их соперники вкупе с побежденными государствами создают коалицию, достаточно мощную для того, чтобы лишить победившую нацию главенствующего положения, расшатать равновесие сил и снова начать борьбу за власть.

Всякому, кто сомневается в справедливости этого анализа, следует прочесть «Западную цивилизацию» Каннингхэма или любую другую книгу об общей истории Европы за последние 5—6 столетий; можно также просмотреть материалы по истории Испании, Голландии, Франции или Великобритании за тот же период. Представители великих держав на Западе особенно много говорили о свободе в течение последнего столетия, но в конечном счете вся их надежда — принуждение, которое они и осуществляют с помощью армии, флота и военно-воздушных сил.

Примечателен тот факт, что в XIX веке общий характер политики несколько изменился: все чаще стали делаться попытки установить равновесие сил, что ограничило бы возможность возникновения войн, и вместо конфликтов решать разногласия переговорами. Обычно великие державы старались удержать свое гла-

венствующее положение, создавая многочисленные военные союзы. Но равновесие сил обычно нарушалось тем, что государства-соперники тоже создавали военные союзы.

Начиная с конференции в Гааге в 1899 году, делались постоянные попытки ввести понятие «мы» вместо понятия «я», «он» и т. д., принцип коллективизма в международные отношения. Создаются организации — Лига Наций, Организация Объединенных Наций и много других более мелких международных объединений были созданы для того, чтобы с помощью международного права контролировать действия различных государств во внешней политике. Но каждый раз великие державы отказывались ограничить свой суверенитет, что практически означало отказ ограничить производство и накопление смертоносного оружия. Несмотря на то, что требование разоружения было всемирным, великие державы десятилетиями расточали знания, деньги и производительные силы на то, чтобы разрабатывать еще более разрушительные средства насилия и принуждения.

Таким образом, свобода действия общества в применении к нациям привела к ограничению свободы индивидуума и его порабощению, к экспансии и возвышению одних наций за счет других; к победе над более слабыми народами, порабощению их и насильственному присоединению их к таким могущественным объединениям, как империи; к концентрации власти и монополии; к порабощению целых континентов; ко всевозможным войнам, начиная от восстаний в колониях и кончая локальными и общими войнами, а с 1945 года — к накоплению атомного и ядерного оружия, угрожающего стереть с лица земли все человечество. Если таково следствие свободы общества в национальных масштабах, то, кажется, человечество вольно выбирать между увеличением принуждения по отношению к суверенным нациям или продолжением борьбы за богатство, престиж, власть, гонкой вооружений, втягиванием народов в различные военные блоки и новой мировой войной, в результате которой наша планета Земля может оказаться необитаемой.

22. СВОБОДА И ПРИНУЖДЕНИЕ В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Экономическая и политическая деятельность в буржуазном обществе в век силы начинает все в большей и большей мере сосредоточиваться вокруг корпоративного предпринимательства. Относительно небольшие предприятия, управляемые одной личностью, были наиболее частым явлением на ранних стадиях развития капитализма, но даже тогда существование всякого рода компаний было весьма существенным фактором. Вначале постепенно, а к концу XIX века очень быстро мелкие предприниматели были вытеснены крупными промышленными корпорациями, трестами и картелями, совершавшими операции вначале в масштабах одного государства, затем — в международных масштабах.

На протяжении всей своей истории буржуазное общество противопоставляло свободу принуждению, в основе которого лежала более или менее устойчивая земельная монополия, правление землевладельцев, военных и церковников, рабская привязанность человека к земле, дающей скудный урожай. Как только капитал, а вместе с ним власть, начали концентрироваться в руках предпринимательских корпораций, то есть когда капитализм вступил в монополистическую или близкую к монополистической фазу развития, буржуазные ораторы сделали «свободу» основным лозунгом своей пропаганды, выдвигая его рабочим и крестьянским массам в качестве агитации за свой строй.

В начальной стадии своего развития современный бизнес пробивал себе дорогу, обходясь без помощи государственного аппарата, где командные должности занимали землевладельцы, наследственные аристократы, военные и церковники. Промышленность, торговля и коммерция играли относительно небольшую роль в обществе, правящие круги которого презирали бизнес; торговля и коммерция пробивали себе дорогу через множество препятствий, направленных на то, чтобы ограничить деловую активность, подчинить ее более узаконенным интересам землевладельцев, аристократов и

церковников. В такой враждебной атмосфере зачинатели современного бизнеса боролись за свое существование, выступая в качестве свободных предпринимателей или создавая семейные предприятия.

Общество имеет тенденцию узаконивать уже существующую практику. Поскольку бизнес рос и процветал, невзирая на презрение правящих феодалов, частных предпринимателей уже не устраивало личное благополучие в пределах одной жизни; они пожелали более прочных гарантий устойчивости и безопасности для своих предприятий. Так появились компании или корпорации, которым государство предоставило права заниматься той или иной деятельностью. Выражаясь языком политиков, частные предприниматели, получив от государства эти права, получили с ними как бы права гражданства. Они были свидетельством о рождении бизнеса. Поскольку права, данные государством, не были предоставлены какому-либо определенному лицу и предусматривали ограниченную ответственность предпринимателей перед обществом, предприятия стали переходить по наследству. Так же, как церковь и государство, бизнес получил право гражданства, став одним из столпов, поддерживающих современный общественный строй.

Превратившись в один из столпов общества, получив признание и поддержку государства, окрепший бизнес пересмотрел свою идеологическую программу. Теперь ему не нужна была «свобода» от ограничений, налагаемых феодальным строем. Битва была выиграна. Теперь бизнес требовал «свободу», чтобы накапливать капитал и расширять сферу контроля, действуя сначала в каком-либо одном районе и ограничиваясь каким-либо одним родом занятий, затем распространяясь на большие территории и занимаясь разнообразными видами деятельности. Достигнув национальных границ, корпорации перешагнули их и, заключив соглашения с иностранными корпорациями, создали международные корпорации, картели и тресты, которые играют такую важную роль в нынешней экономике. В конце концов корпорации, созданные с согласия государства, накопили такие капиталы, что смогли ока-

зывать влияние на политику государства и даже в какой-то мере определять ее.

Такой быстрый переход корпораций, вначале целиком зависимых от государства, к положению, когда они стали управлять государством, представляет собой один из наиболее ярких примеров свободы действия. Это произошло, во-первых, из-за быстрого увеличения размера корпоративных предприятий; во-вторых, из-за проникновения корпораций во все отрасли экономики; в-третьих, из-за роста политического влияния корпораций; в-четвертых, корпорации стали основным фактором при формировании и осуществлении общественной политики; в-пятых, как, например, переход от положения непрошеного гостя, которого терпят, к положению собственника и полновластного хозяина в государстве, владельца средств общественной информации, связи и транспорта,— переход этот успешно завершился под лозунгами свободы — «liberty» и «freedom».

«Свобода» не являлась абстрактным понятием для охватывающих весь мир гигантских корпораций конца XIX и начала XX века. Чтобы занять ключевые позиции в экономике и политике, им необходимы были различного рода свободы: 1) свобода владеть, создавать и управлять основными средствами производства, присваивать прибыль и паразитически существовать, получая ренту, проценты и дивиденды, выплачиваемые собственникам; 2) свобода экспериментировать, делать открытия, изобретать и устанавливать патентные монополии; 3) свобода накапливать капитал и сосредоточивать в своих руках власть для достижения собственных целей; 4) свобода расти, укреплять свое положение и развиваться в национальных и международных масштабах; 5) свобода конкурировать, заключать союзы с конкурентами или разорять их; 6) свобода рисковать чьими-то деньгами в своих собственных целях; 7) свобода экспроприировать и эксплуатировать территории, приносящие доходы предпринимателям при помощи экономических средств (купли-продажи) или с помощью государственной власти (получая привилегии и субсидии, используя интервенцию, завоевания и

оккупацию других стран), 8) свобода рекламы и пропаганды через каналы общественной информации и средства связи, которые являются собственностью корпораций или контролируются ими.

Возникнув в Европе, корпоративный бизнес, или так называемая «западная цивилизация», в конце XIX века пришел к всемирной гегемонии, на протяжении всего цикла своего развития расширяя территориальную сферу контроля и одновременно ломая или изменяя наследие старого строя в интересах предпринимателей корпоративного бизнеса, с тем чтобы в будущем обеспечить им прибыль.

Таким образом, индустриализация или модернизация Европы с сопутствующей ей колонизацией и европеизацией всего мира дала человечеству возможность на своем горбу почувствовать влияние корпоративного бизнеса. Это влияние прежде всего сказалось на появлении потребительских товаров, начиная со стеклянных бус и набивных ситцев и кончая металлическими изделиями, станками, инструментами, приборами и всевозможными техническими новинками. Корпоративный бизнес содействовал появлению всевозможных средств информации и связи, важнейшими из которых были печатный станок, фотография и радио. Влияние бизнеса было поистине всеобъемлющим — от утилизации природных ресурсов до организации увеселительных мероприятий. В большинстве случаев результаты не замедлили сказаться. Они никогда не заставляли себя долго ждать.

Корпорации взяли себе на службу науку и технику. Используя свободу в качестве своего лозунга («свободное предприятие», «свободная земля»), они росли численно, проводили всевозможные операции, объединялись, укрепляли свои позиции, осуществляли автоматизацию, создавали монополии — местные, национальные и все в большей мере — международные. Их конечной целью было создание национальной и международной системы, включавшей в себя экономику и политику, системы, которая позволила бы хозяевам корпораций и их управляющим накапливать капитал и сосредоточивать в своих руках власть.

В конце века, за который корпорации достигли наибольших успехов в развитии производства и в сосредоточении и упрочении власти в своих руках, Великобритания торжественно отмечала один из своих величайших праздников — юбилей королевы Виктории; это было в 1897 году. Лозунгами этого праздника были мир, прогресс и процветание, достигнутые при помощи восьми свобод, крайне необходимых для успеха корпораций, основной целью которых было мировое господство и эксплуатация. Минувя семь морей, представители британских интересов с пяти континентов прибыли в Лондон, чтобы принести дань уважения и преданности королеве Виктории и вместе с ней отпраздновать ее долгое и успешное правление Соединенным королевством и империей.

Англичане хвастались, что солнце никогда не заходит над викторианской Великобританией, площадь которой составляла чуть ли не четверть земного шара, а население соответственно чуть ли не четверть всего населения земли. Британские корпорации производили и сбывали товары, закупая сырье и вкладывая капиталы во всех частях света. Фунт стерлингов был всемирным денежным стандартом. Британские предприниматели через свои компании на Островах и в других странах, с помощью своего торгового флота перевозили товары, занимались финансовыми и страховыми операциями. Через консульскую и дипломатическую службу при поддержке армии и лучшего в мире английского флота Лондон заправлял внешней политикой и диктовал всем свою волю. Английские законы и английский язык очень скоро стали международными. В экономическом и политическом отношении англичане владели или контролировали все важнейшие морские пути на планете.

Юбилей королевы Виктории праздновался в конце века британского могущества, когда Лондон диктовал всему миру свою волю по важнейшим политическим и экономическим вопросам. Английские корпорации, Англия и ее империя с палатой лордов, английской дипломатией и вооруженными силами, искусно разработанной системой человеческих взаимоотношений были

подлинными хозяевами земли. Прочие империи — Ассирия, Египет, Греция, Римская империя — появились и исчезли. Британская империя обладала определенным запасом прочности и постоянства, который англичане признавали и которым гордились, а неангличане, если им случалось усомниться в этом, рисковали получить по заслугам.

Британская империя была «свободной» в том смысле, что англичане могли наживать деньги и расширять сферу политического контроля так быстро и так далеко, как только могли позволить им их ресурсы и различные ограничения. На самих Британских островах истощались природные ресурсы, вне — росли всевозможные препятствия. Самым значительным из препятствий был рост накладных расходов.

Накладные расходы всегда были элементом, ограничивающим деятельность человека. Это положение может быть лучше всего иллюстрировано таким примером: по одну сторону горного хребта — излишки продовольствия, по другую — голод. Сообщение в горах затруднено опасными переходами. Человек отправляется в путешествие с большим грузом зерна. Каждый день ему необходимо съесть сколько-нибудь зерна для поддержания сил. К тому времени, когда он достигнет места, где царит голод, он съест весь запас зерна. Зерно целиком ушло на расходы по его доставке.

Экспансия западной цивилизации, которую мы рассматриваем на примере Британской империи XIX века, повлекла за собой тяжелое бремя накладных расходов, таких, как: 1) расходы на связь, сухопутный и водный транспорт; 2) бюрократические расходы на содержание экономических, политических и социальных институтов; 3) расходы, связанные с экономической конкуренцией; 4) расходы на политику, гонку вооружений, войны; 5) расходы, связанные с мятежами в колониях, саботажем, бойкотом, восстаниями; 6) расходы на содержание паразитической армии рантье в метрополии, колониях и зависимых странах; 7) расходы на подавление революционного брожения у себя на родине; 8) социальные расходы и расходы на реформы, присущие государству всеобщего благоденствия. Накладные

расходы не являются чем-то новым или необычным. Они неотступно следуют за любым общественным предприятием, отнимая рабочую силу и материалы и не давая взамен никакого дохода обществу. И чем крупнее и сложнее предприятие, тем больше накладные расходы.

В течение последних столетий западная цивилизация распространилась на весь мир. Лозунгом ее было liberty, затем — freedom. Этот лозунг оправдывал все последствия цивилизации, объясняя их «прогрессом» цивилизации и «освобождением» отсталых народов. После двух веков, один из которых прошел под флагом liberty, другой — freedom, западная цивилизация, получив широкое распространение, превратила мир в лагерь рабов. Большая часть человечества жила в колониях и зависимых странах, управляемых небольшими группами преимущественно западноевропейских олигархов, направляющих политику этих стран, при необходимости применяя принуждение. В этих центрах империй большинство людей были наемными рабами, призываемыми поддерживать владельцев корпораций и хозяев разумным распределением хлеба и зрелищ. Изнеженная средняя буржуазия, основной оплот олигархии в ее стремлении к экспансии, мировому господству и эксплуатации, жила в полупаразитическом раю, оказывавшем одурманивающее, деморализующее, развращающее влияние на мораль, нравы, мировоззрение.

Все это совершалось под прикрытием интенсивной пропаганды, оперировавшей такими словами, как «свобода», «демократия», «гражданские свободы», «права человека». А за этой пропагандой скрывалась тщательно разработанная система эксплуатации, дискриминации, сегрегации, полицейского государства и организованной военной силы.

Тщательное изучение империализма — колониализма, скрывающегося за лозунгами свободы, приводит к пяти неизбежным заключениям.

Первое. В экономике концентрация в сфере корпоративного бизнеса и создание компаний, близких по характеру к монополиям, в значительной степени за-

менили конкуренцию между мелкими предпринимателями. Защитники свободной конкуренции объясняют ее самой сущностью экономической свободы.

Второе. Всеобщая координация и автоматизация в производстве и управлении все в большей мере приходят на смену спонтанности, личной инициативе и мастерству.

Третье. Гражданские свободы, оговоренные в конституциях, подкрепленные всевозможными законами и постановлениями, являются не более как атавистическими остатками свобод, обещанных буржуазией на ранних этапах развития буржуазного общества. Но даже эти псевдосвободы ограничиваются властями во имя безопасности, всячески ограничиваются и подавляются правительствами, охраняющими существующий порядок, а в случае войны или стихийного бедствия резко сокращаются или аннулируются.

Четвертое. Как только репрезентативные буржуазные правительства вступили в фазу всеобщего социального кризиса и пришли к фашизму, на смену конституционным гарантиям пришли режимы личных, нередко военных диктатур; гражданские свободы были отменены, а декларации о свободе и равноправии всех перед законом уступили место отрицанию простейших свобод, дискриминации и подавлению оппозиции.

Пятое. Военные приготовления, гонка вооружений, холодная и горячая войны, инфляция и экспроприация (последнее слово насилия и принуждения) стали обычным делом в буржуазном обществе.

Шаг за шагом буржуазное общество, часто во имя свободы, дойдя в своем развитии до полнейшего упадка и распада, издает ряд законов и решений, идущих вразрез с основными принципами, провозглашенными буржуазией, в то время когда она боролась со своими феодальными предшественниками за установление мировой гегемонии. Из всех небылиц, которыми пичкали невежественную легковверную публику в течение двух последних столетий, возможно, самым большим и притом самым неприкрытым обманом является миф о свободе.

При правлении корпораций, при сосредоточении власти и богатства в имперских центрах, социальный кризис приводит к отрицанию свободы. Что касается колониальных и зависимых стран, то там экономическая, политическая и расовая субординация и дискриминация проводились как нечто само собой разумеющееся в пору расцвета правления корпораций. В конце века миллиард людей, которые жили в колониях и зависимых странах, входящих в империи и управляемых корпорациями, рассматривались как граждане «второго сорта» в своем собственном отечестве, которое было завоевано и оккупировано вооруженными силами правительств, представляющих интересы корпораций, и эксплуатировалось экономически с целью извлечения выгоды представителями тех же корпораций.

Этот отход от свободы в сторону ограничения и принуждения не является чем-то случайным или нетипичным для данного общества. Он, скорее, представляет собой неизбежное следствие борьбы за власть и капитал, являющихся основной идеологической и практической целью буржуазного общества.

Принимая во внимание всеобщий социальный кризис, наступивший в результате практического осуществления корпорациями восьми свобод, о которых говорилось в начале этой главы, человечеству остаются три пути.

Путь первый. Возврат к социальному строю, существовавшему до войны 1914—1918 годов, мексиканской революции 1910 года, китайской революции 1911 года и русской революции 1917 года. Этот образец претерпит некоторые изменения, налагаемые западной цивилизацией в рамках общего исторического развития. Это было бы возвратом к социальному мировоззрению, строю, существовавшему в Западной Европе и Соединенных Штатах в конце века. Этот выбор устроил бы тех, кто ненавидит перемены и держится за прошлое, потому что оно привычно и удобно. Стрелки истории могут быть временно отведены назад, как это случалось в Испании, Южной Корее и на Тайване, но такой поворот знаменует собой не свободу, но безжалостное принуждение.

Путь второй. Смягчить и сделать более либеральным социальный строй XIX века: эксплуатацию, дискриминацию и сегрегацию, вытекающие из империализма и его колониальной системы; оставить неизменным принцип конкуренции, принцип приобретения и накопления частной собственности, частные предприятия, экономическую экспансию и национальный суверенитет; улучшить этот социальный строй, добавив к нему черты, характерные для государства всеобщего благоденствия, и тем самым улучшить условия жизни прежде всего для народов метрополий, но в какой-то мере и для народов, живущих в колониях и зависимых странах. Подобные обновления совершаются во всех метрополиях империй XIX века, а также во всех зависимых странах. В таких либерализованных условиях свободы претерпевают значительные изменения, подаются в разбавленном виде и постоянно контролируются.

Путь третий. Перестройка социального порядка, основанная на принципах кооперации, координации, общественной собственности и управления общественными средствами производства, распределения дохода в соответствии с потребностями и подчинения национального суверенитета общечеловеческим интересам; правление компетентных, пользующихся мировым авторитетом людей, которые разбирали бы человеческие дела в мировом масштабе, руководствуясь при этом теми же разумными принципами, которые мы вправе ожидать при справедливом разборе дел отдельных индивидуумов. В этом случае наука и техника встают на службу обществу, интересы общества выступают на первый план, а свобода подчиняется интересам общего благосостояния. Это также означает пересмотр или частичное изменение принципов и практики западной цивилизации XIX века. Корпорации любыми доступными им способами противятся усилиям социалистических стран выработать свою программу.

Какую бы из этих дорог ни выбрал человек XX века, везде его ожидают большие трудности, в лучшем случае — временные. Неотложные потребности, вызванные социальным кризисом, разразившимся в результате практического осуществления западной цивилизацией

восьми свобод, можно удовлетворить только решительными мерами и героическими действиями; в период чрезвычайного положения эти меры полностью подчинят свободу принуждению. Во время большой социальной трансформации, подобной той, через которую ныне проходит буржуазное общество, любая другая перспектива представляется немислимой.

23. СВОБОДА, ПРИНУЖДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

В условиях экономической и политической взаимозависимости, характерной для века силы, выживание и прогресс коллектива стоит на первом плане по сравнению с выживанием и прогрессом любого индивидуума, входящего в коллектив. Этот вывод базируется на исследовании структур и функций коллективов в век силы. В обществе века силы вклад, сделанный коллективами, для того чтобы обеспечить выживание и прогресс общества, более значителен, чем аналогичный вклад, сделанный индивидуумами. Главную роль в век силы играет коллектив. Личность же в лучшем случае играет второстепенную роль в драме.

Необходимо рассмотреть другой аспект проблемы. Общество века силы в середине XX века не является неизменным или стабильным. Наоборот, развитие техники в век силы привело к социальной изменчивости, вызвавшей кардинальные перемены в социальной структуре и функциях общества. Победное шествие техники в век силы, намного превосходившей технику предшествующего периода, вызвало появление новой идеологии и привело к тому, что сильно изменились прежние социальные институты. Часть западных стран прошла через эту радикальную трансформацию, начиная с ранних стадий промышленной революции. Изменения в науке и технике в западных странах сопровождались соответствующими изменениями как в политических и социальных институтах, так и в повседневной жизни. Другие районы земного шара также переживают аналогичные перемены.

Периоды социальной трансформации неизбежно являются периодами нарушения равновесия и стабильности. Какие бы причины ни вызывали трансформацию, она сама по себе разрушает прежнее положение и приводит к тому, что меняется идеология различных социальных групп, порождая настроения неопределенности и беспокойства.

Чем более глубокой и всеобъемлющей является социальная трансформация, тем в большей степени нарушаются социальное и психологическое равновесие общества. Второстепенные политические изменения, наступившие в результате всеобщих выборов, перемещений в органах государственной власти, могут пройти почти незамеченными. Но изменения, порождаемые переменами в технике, которые вызывают повышение предложения над рыночным спросом, создают безработицу и повышают стоимость жизни и таким образом не могут не нарушить личную и общественную жизнь.

Там, где социальная трансформация сопровождается революцией и контрреволюцией, или там, где она сопровождается иностранной интервенцией, возникающее в результате этого нарушение равновесия ведет обычно к гражданской войне. События в Испании после 1931 года дают превосходный пример ситуации, когда имел место процесс индустриализации в полуфеодальном обществе, политический переворот, последовавший за выборами, уничтожение монархии, провозглашение республики и принятие конституции, где обещалась либерализация государственной власти, увеличение социальной безопасности, сохранение и развитие национальных ресурсов и отделение церкви от государства. Военный переворот был осуществлен армейскими офицерами при поддержке иностранной интервенции (идеологической, политической и военной). Опустошительная гражданская война (1936—1939 гг.) была выиграна консервативными и реакционными элементами при широкой помощи из-за границы. Аналогичная трансформация имела место на всех континентах, когда экономика доиндустриального характера превращалась в экономику века силы. Процесс начался в Европе, перекинулся на Америку и совсем недав-

но распространился на Азию и Африку, где один народ за другим свергал иго иностранного господства, добиваясь независимости и права на самоопределение.

В 19-й главе этой книги речь идет об относительности свободы. Эта относительность включает в себя постоянные изменения в соотношении свободы и принуждения, после того как изменения в соотношении социальных сил находят свое отражение сначала в переменах в социальной жизни и в конечном счете в изменении образа жизни отдельных людей, семей и коллективов.

Периоды социальной трансформации, порождающие нарушения в экономической, политической и социальной жизни, способствуют переходу от политики свободы к политике принуждения. Любая важная по своей значимости критическая ситуация, независимо от ее причины, ведет к изменениям в соотношении свободы и принуждения. Чем большее революционное или контрреволюционное движение порождает критическую ситуацию внутри страны и чем более значительна интервенция и вторжение извне, тем больше будут ограничения, вводимые для того, чтобы сохранить социальное равновесие.

Существует другой фактор, осложняющий социальную трансформацию, — фактор времени. По сравнению с основными процессами экономического развития, такими, как изменения техники, фактор времени играет второстепенную роль. Такие изменения идут длительное время, обладая потенциальной разрушительной силой и одновременно являясь фоном, на котором происходят прочие перемены.

Критические ситуации, возникающие в результате перехода политической власти от одной личности к другой или от одной группы к другой, а также критические ситуации, порожденные интервенцией или вторжением извне, могут быть непродолжительными и случайными и поэтому окажут лишь небольшое кратковременное воздействие на процесс трансформации. Иногда они могут принимать более постоянную форму, как в случае с завоеванием и оккупацией Финляндии Россией с 1808 года или установлением диктатуры Франко

в Испании с 1939 года. Называть такие явления естественным развитием значит искажать обычное использование этого слова. Прежний социальный строй изменился окончательно и весьма сильно, и население соответствующих стран было поставлено перед необходимостью приспособиться к значительно изменившейся, новой ситуации. В тех случаях, когда социальные силы умело контролируются политическими деятелями, эти процессы приспособления могут проходить для фермеров и ремесленников без очень больших трудностей. То же самое может относиться и к более зажиточным, живущим в лучших условиях слоям населения, — работникам в «белых воротничках». Промышленные рабочие могут проявлять некоторое недовольство, но они примирятся с новым порядком, если будут обеспечены хлебом и зрелищами. Однако в условиях жесткого экономического и политического режима промышленные рабочие, если они хорошо организованы, могут оказать сопротивление и восстать. В этих условиях интеллигенция всегда будет камнем преткновения. Ее можно временно «утихомирить» при умелой политике, затратив значительные средства. Почти неизбежно интеллигенция будет оказывать сопротивление и нередко возглавлять восстания.

Во время таких чрезвычайных ситуаций уступки, сделанные в подходящий момент и соответствующим образом разрекламированные и популяризуемые, будут способствовать тому, что недовольство сведется к минимуму. Однако за всем этим стоит полиция и армия, обученная и оснащенная для того, чтобы осуществлять насилие и принуждение, необходимое для поддержания социальной стабильности.

Такая ситуация, когда старый строй теряет свое влияние и власть, уходя со сцены, а новый строй еще не утвердился, влечет за собой неустойчивое социальное равновесие. В этих условиях резкий удар с той или другой стороны может изменить соотношение сил, как это было в России с 1916 по 1920 год. В случае такой неустойчивости и чрезвычайной ситуации свобода обычно ограничивается, по крайней мере временно, и соотношение между свободой и принуждением во внутрен-

ней политике значительно меняется в сторону увеличения принуждения.

Если новый социальный строй относительно постоянен, то подрастающее поколение с помощью целенаправленного принудительного обучения, экономических средств и призыва на военную службу может быть приучено к условиям, в которых оно родилось и выросло. Строй модифицируется в зависимости от условий, существующих в различных странах, но на ранних стадиях развития чрезвычайных ситуаций принуждение и угроза принуждения играют ведущую роль. Принуждение может постепенно модифицироваться при умелом руководстве, по мере того как население привыкает и поэтому примиряется с изменившейся ситуацией. Однако подобные процессы требуют времени, в течение которого свобода сведена до минимума, а принуждение, пусть под умелым камуфляжем, всегда на чеку, подобно пожарной охране, готовой к решительным действиям по сигналу тревоги.

Когда период трансформации вступает в завершающую стадию, общество века силы достигает такого уровня социальной организации, контроля и управления, который говорит о наступлении эры стабильности и безопасности. Тогда, когда любое общество приближается к состоянию нового социального равновесия, в политике происходит поворот от принуждения в сторону свободы.

Быстрота, с которой политические деятели переходят от политики свободы к политике принуждения, зависит от шести факторов: 1) завершение, переход в период трансформации от конкурентной борьбы за власть для удовлетворения личных и местных интересов и использования власти в целях всеобщего благополучия; 2) всеобщее осознание хода событий и последовательная массовая поддержка новых социальных отношений; 3) опыт и социальная зрелость правящих кругов; 4) интенсивность конкурентной борьбы за власть, ведущей к достижению нового уровня взаимопонимания и стабильности и уменьшение до определенной степени антагонизма, ненависти и ожесточения в обществе по сравнению с предшествующим периодом, когда отсут-

ствовала стабильность и безопасность; 5) согласие ранее господствующих слоев признать свое поражение, принятие нового порядка вещей и включение их во всеобщие усилия для получения максимальных преимуществ от нового этапа увеличения свободы на новом уровне социального равновесия; 6) успех нового строя зависит прежде всего от удовлетворения наиболее насущных жизненных потребностей, а в дальнейшем — предоставления других благ и удобств.

Там, где трансформация проходит без контрреволюции, можно рассчитывать на ранний переход от принуждения к свободе. Если силы контрреволюции имеют прочные стратегические позиции, хорошее руководство, обильно финансируются и пользуются сильной поддержкой энергичного среднего класса и хорошо организованной олигархии, включающей господствующие элементы фермерских и профсоюзных организаций, внимание и энергия в течение длительного периода направляются и концентрируются вокруг борьбы между сторонниками нового строя и контрреволюционными силами, препятствующими изменениям и стремящимися к возврату старых социальных порядков. Такая ситуация может задержать победу нового общества на ином уровне безопасности и стабильности, возможной в век силы.

Но если в период трансформации политика осуществляется корыстолюбивыми, эгоистичными и недалекими людьми, если эти люди нерадивы и допускают грубые ошибки; если они создают культ личности или тиранию; если они прибегают к иностранной помощи, пытаясь найти выход из противоречий внутреннего положения, — обстановка будет накаляться, борьба внутри страны обострится и будет продолжаться более долгое время, а во внутренней политике центр тяжести в балансе свободы — принуждения по-прежнему будет лежать на принуждении.

Если переход к веку силы с его развитой наукой и техникой направляется наиболее разумно, творчески и со знанием дела, потери могут быть минимальными, а положительные результаты — максимальными. В таких условиях социальные издержки перехода могут быть небольшими. Если управление и контроль осуществля-

ются с недостаточными знаниями и опытом, социальные издержки могут стать чрезвычайно большими, что может породить недовольство и в конечном счете вызвать контрреволюцию. Первые шаги всегда самые трудные в любом деле. В индустриализации и социальном планировании первые шаги уже сделаны, практические результаты получили соответствующую оценку, и опасные моменты отмечены и учтены. В связи с накоплением опыта дальнейший переход к экономике века силы может осуществляться с небольшими издержками при незначительном нарушении социального равновесия.

Каждый индивидум, район, округ, каждое общество должны эмансипироваться от ограничений, характерных для периода до наступления века силы и подготовиться для эффективного кооперированного функционирования на уровне века силы. Недостаточно писать или говорить о переходе от старого общества к новому. Все те, кто собирается стать эффективным, полезным членом общества века силы, должны быть переучены и переориентированы, для того чтобы участвовать в общественной жизни века силы в качестве граждан обновленного общества.

24. СВОБОДА, ПРИНУЖДЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Три императивных исторических фактора оказывают доминирующее влияние на культуру первых фаз развития века силы: 1) быстрота, с которой благодаря науки и техники совершаются открытия и изобретения, послужившие причиной наступления века силы; 2) нарушающие равновесие разрушительные последствия изменения существовавшего социального строя в течение жизни одного поколения и 3) изменение существовавшего в течение длительного времени характера культуры в направлении, лучше отвечающем условиям века силы, создание нового образца, в большей мере способного противостоять ударам интенсивной социальной трансформации. Во время революционного перио-

да бурной и широкой социальной трансформации (по крайней мере на ее нынешних ранних стадиях) социальное развитие идет в направлении от свободы к принуждению, от незначительного по размерам принуждения и ограничений в местных масштабах к сильному и всеобщему принуждению и ограничениям.

Причина этого сдвига от свободы к принуждению частично заключается в нарушении стабильности и неопределенности, которые являются неизбежными следствиями всякого резкого изменения в руководстве. Другая причина заключается в необходимости усвоения и в некоторые периоды времени — обучения новому образу жизни. Во время критического переходного периода целые слои общества изменяют привычный образ жизни и начинают создавать новый; при этом происходят соответствующие сдвиги и в индивидуальном и социальном мировоззрении, точках зрения и образе действий.

Три упомянутых выше фактора играли значительную роль в обществе, где развитие пришло к созданию корпоративного государства, или государства всеобщего благосостояния. Даже в еще большей степени они имели место в странах, вступивших на путь строительства социализма. Идеология корпоративного государства и государства всеобщего благосостояния нова в деталях, а не в своей основе. Общества, где получили развитие эти социальные формы, имели возможность многое унаследовать из теории и практики старого общества. В особенности это относится к Европе с ее относительно продолжительным феодальным прошлым и обширной практикой капиталистического общества. В британском корпоративном государстве, а также в шведском государстве всеобщего благосостояния частное предпринимательство и частная собственность на средства производства, монархия и официальная церковь продолжают сохраняться как признанная опора господствующего собственнического общества, в то время как научный и технический прогресс осуществляется в этих и в других странах, сыгравших ведущую роль в создании культуры нового характера, сложившейся в век силы. С другой стороны, социалистическое

строительство включает в себя не только изменения в частностях социальной организации и управления, но также выработку и формулировку новых принципов, обновление и адаптацию старых принципов, использование их на практике значительно измененных социальных институтов в странах, которые были по преимуществу аграрными, со слабо развитой промышленностью и неграмотным населением, незнакомым с экспериментальным подходом к жизни и ее проблемам. Это относилось к Советскому Союзу в 1917 году, к Восточной Европе (за небольшими исключениями) в 1945 году, к Индии и Цейлону в 1947 году и к Китаю в 1949 году. За немногими примечательными исключениями это, безусловно, относилось к целому миру колониальных и зависимых стран, откуда индустриальные державы получили дешевое сырье и рабочую силу и куда направлялась значительная часть экспорта их товаров и услуг.

Европеизация планеты в течение четырех столетий, последовавшая за путешествиями и географическими открытиями XV века, поддерживала хорошо организованную систему экспансии и более или менее насильственное навязывание культуры. Изучение стран сопровождалось тем, что они усваивали существенные стороны европейской культуры. За исследователями шли торговцы, предлагая европейские изделия в обмен на местные товары и услуги. Затем следовал захват земли, капиталовложения в обжитых районах, строительство торговых лавок и портов, оккупация частями армии и флота, поселения эмигрантов, сделки с местной господствующей верхушкой, а там, где заключать эти сделки оказалось затруднительным, — военное вторжение и оккупация. Местная правящая верхушка часто организовывала восстания против иностранных интервентов и стремилась создать свою собственную независимую культуру в большей или меньшей степени по образцу культуры оккупирующей державы. Соединенные Штаты с момента открытия Америки и колонизации с последующей революцией, завоеванием независимости и права на самоопределение являются хорошим примером этого процесса. Эти изменения вклю-

чали в себя приспособление к изменившейся ситуации, рост противоречий, восстание и войну, но главной целью оставалось сохранение характера старой культуры в новом географическом районе. Ни в одном случае перехода в Европе от феодального к буржуазному строю и создания центров буржуазной культуры в Америке и Австралии корпоративные государства, или государства всеобщего благосостояния, не избежали применения суровых мер принуждения и насилия. Как видим, так называемый «свободный мир» имеет в своем арсенале более чем достаточно средств насилия и принуждения; это можно наблюдать на примере государственного буржуазного аппарата и пережитков эксплуатации в экономике, построенной с целью получения максимальной выгоды; это неизбежно следует и из самого принципа выделения главенствующей расы и признания превосходства европейской культуры над прочими, «иноземными», неевропейскими. Хваленые свободы и гражданские права на Западе явились не только результатами революции в Англии, Америке и Франции. Они появились скорее как результаты многовекового развития и борьбы общества. Система рабского труда существовала в США до 1863 года. Расовая дискриминация и сегрегация и по сей день существуют во многих западных странах. В Великобритании, колыбели буржуазной демократии, только в XX веке после продолжительной борьбы было введено всеобщее избирательное право. Наследственная монархия и аристократия, империалистическая колониальная система и наличие средств производства в руках привилегированного меньшинства имеют место и в настоящее время. Семь столетий прошло с момента подписания Великой хартии вольностей до того, как на Британских островах возник корпоративный строй с его феодальными пережитками.

На протяжении веков человек на Западе стремился установить, улучшить и провести в жизнь теорию и практику буржуазного общества; по сравнению с этими усилиями социализм кажется едва вылезшим из пеленок: теории социализма возникли не более двух веков назад. Если оставить в стороне организацию при-

митивных коммун и особых небольших общин, социализм впервые пришел с мексиканской революцией 1910 года, китайской революцией 1911 года и русской революцией 1917 года.

Стремительные попытки построить социализм в старых буржуазных обществах потерпели неудачу, будучи задавленными буржуазными правительствами своих стран или политической и военной интервенциями соседних буржуазных государств. Только в отсталой стране, с доиндустриальной экономикой и недовольством в колониях, попытки построить социализм достигли какого-то успеха.

В аграрных доиндустриальных странах с низким уровнем нации, поголовной неграмотностью, странах, погрязших в религиозных суевериях, социалистическое строительство началось с преобразований, превративших полуфеодалыные, частично индустриализованные зависимые страны и колонии мировых империй в независимые буржуазные государства. Но социалистические преобразования на этом не окончились. Была объявлена общественная собственность на землю и средства производства, введено общественное и экономическое планирование, а конкурентная борьба за существование уступила место совместным усилиям установить социальную справедливость и уравнивать шансы для всех. Такой революционный подход к всеобщему социальному кризису повлек за собой развитие новых принципов и новых методов организации общества.

В корпоративных государствах и государствах всеобщего благоденствия проводится в жизнь программа, рассчитанная на небольшие изменения и не предусматривающая коренных изменений и отклонений от привычного образа жизни; социалистическое строительство ломает старые принципы, идет вразрез с устоявшимися традициями, бросает вызов принятому доселе образу жизни. Новый социалистический порядок не только противоречит старому, но и заставляет людей, привыкших к освященной временем традиции постепенных изменений, изучать и учиться новой, чуждой теории и практики. Социалистический порядок потребовал, чтобы доселе неграмотные народы отказались от привыч-

ного уклада общественной и личной жизни, научились читать и писать, добились развития отечественной науки и техники; стали делать открытия в химии, физике, биологии, почвоведении, гидравлике и электронике; стали участвовать в разработке массовых проектов, основанных на всеобщих перспективных планах, построенных с учетом специфического и местного краткосрочного планирования и направленных на построение общества, существовавшего ранее только в идеях теоретиков-утопистов. Основные пункты такой программы означают не просто пересмотр старого традиционного образа жизни, но отражают всесторонние усилия, направленные на овладение природными ресурсами, умелое их использование и управление природой.

Эта задача не просто гигантская. Она требует совершить небывалое. Когда Ленин в 1920 году предложил к 1970 году провести электричество в каждый город, в каждую деревню и в дом каждого крестьянина, идея показалась невероятной, несмотря на то что выполнение ее было рассчитано на 50 лет. Если бы какой-нибудь священник в церкви призвал к выполнению такой идеи во имя религии, это сочли бы ересью; но идея была провозглашена во имя неизвестного учения — социализма, о котором почти никто ничего хорошего не слышал, а люди верующие приучены были смотреть как на что-то безбожное и грешное.

Впервые прокладывать дорогу в неизвестное будущее в такой стране, натываясь на самые неожиданные препятствия, казалось сумасшествием, особенно если принять во внимание, что великие планы должны были проводить в жизнь большей частью неграмотные крестьяне, садовники, дровосеки, охотники и рыбаки; многие из них больше всего на свете хотели бы, чтобы их оставили в покое и позволили жить привычной жизнью. Если бы их предоставили самим себе, они непременно бы так и поступили. Но им помешали три фактора: разрушительные силы, порожденные развитием науки и техники, разруха, которую принесла с собой тотальная война и красочные перспективы социалистического будущего.

Раз начав свое опасное путешествие в обетованную

землю, они уже не могли остановиться: другие силы принуждали их идти дальше; эти силы — стремление к улучшению жизненных условий, попытки контрреволюции повернуть их вспять и руководство меньшинства, безоговорочно преданного идее и верившего в необходимость строжайшей дисциплины коммунизма.

К тому же был и еще один соблазн. Смелые, одаренные богатым воображением люди мечтали о том, что новая жизнь дает возможность буквально миллионам активно участвовать в покорении природы и построении общества. Другими словами, они хотели бы заменить убогие лачуги, служившие пристанищем культуре, дворцами, достойными разума, красоты и социальной справедливости.

Подобный проект, похожий на государственную программу, затрагивал бы шесть взаимосвязанных областей. 1) Использование и сохранение большого числа разнообразных природных ресурсов, среди них на первом месте не известных доселе и не используемых энергетических ресурсов. 2) Понимание и всестороннее использование созидательных возможностей человеческого гения, направленных на то, чтобы проектировать, строить и находить применение инструментам, приборам, машинам и научным формулам; на то, чтобы управлять природой, производить разнообразные товары и создавать условия, необходимые для развития сложных производственных и социальных аппаратов. Это будет нелегким делом, так как на каждом шагу придется преодолевать припятствия, вызванные невежеством, обычаями, рутиной, пережитками, корни которых лежат в старом социальном строе. На раннем этапе создания плановой экономики с общественной собственностью на средства производства и широким применением автоматизации многим пришлось бы, возможно, потуже затянуть пояса в ожидании того времени, когда построят машины, годные для производства других машин, которые в свою очередь создадут обилие товаров в обществе. 3) Создание политического аппарата, ответственного за разумную экономическую политику, направленную на то, чтобы принести как можно больше пользы для большинства и как можно меньше вре-

да для меньшинства; аппарат этот должен быть доступным для всего народа, для представителей различных национальностей и различных культур. 4) Финансирование научных учреждений, способствование распространению образования, поощрение и материальная поддержка искусства. 5) Овладение интересами молодого поколения, привлечение молодежи к общественному труду, поощрение молодого энтузиазма, умелое направление энергии молодежи в целях общего блага — создания и дальнейшего улучшения нового социального строя. 6) Предоставление благоприятных возможностей для роста, продвижения и улучшения материального уровня все возрастающему числу людей.

Защитники западной цивилизации часто противопоставляют Запад Востоку, сравнивая свободы, доступные народу при капитализме и социализме. Такое сравнение неправомерно прежде всего потому, что социализм находится в ранней стадии своего развития, тогда как капитализм располагает уже многовековым опытом. Вторая причина этой неправомерности носит гораздо более скромный характер. Свободные предприниматели на ранних этапах развития капитализма требовали свободы, будучи задавленными феодальными ограничениями и всевозможными препятствиями. В капиталистическом обществе каждый гражданин свободен наживать деньги и расходовать ту их часть, которую правительство не взимает в виде прямых или косвенных налогов. Основной принцип капитализма — купля-продажа. Капиталисты извлекают прибыль из частной собственности на землю и средства производства и вытекающих отсюда отношений купли-продажи, а также из купли-продажи рабочей силы.

Социалисты называют это эксплуатацией и антисоциальным порядком. Капиталисты стремятся к приобретению и накоплению личных капиталов. Социалисты и коммунисты предлагают сообща разрабатывать планы поднятия жизненного уровня путем улучшения общего благосостояния.

Капиталисты требуют свободы во имя собственных интересов. Социалисты заботятся о защите интересов общества.

Из самой сущности капитализма и социализма возникает третья причина неправомерности сравнения этих двух социальных систем на базе свободы. Капиталистам нужна свобода конкуренции в борьбе за власть и богатство. Высшая форма этой конкуренции есть война. На протяжении всей истории западной цивилизации государства-конкуренты вели между собой холодные и горячие войны. Настоящее положение вещей таково, что тотальная война с применением современного оружия неминуемо приведет к всеобщему уничтожению.

Таким образом, свобода конкуренции означает свободу совершить коллективное самоубийство.

Социалисты же, с другой стороны, выдвигают на первый план принцип сотрудничества, принцип коллективности. Они утверждают, что жизнь и прогресс возможны только в условиях соблюдения этих принципов. Любую социальную систему определяют ее способности к выживанию и прогрессу. Судить о целесообразности социалистической системы нужно не по количеству свобод, которые она предоставляет, а по ее способности обеспечить членам общества полноту жизни и прогресс. Это основной базис, по которому следует проводить сравнение между капиталистической и социалистической системами.

Социалистическое строительство ставит перед собой цель сохранить и улучшить природные и социальные ресурсы, предоставить людям больше благоприятных возможностей для роста, проявлять гибкость в решении задач социалистического строительства, использовать достижения общества на благо все большему числу людей. Такие цели, как изобилие, безопасность, справедливость и прогресс, должны быть четко сформулированы и объяснены всем членам общества, поняты и обсуждены ими. Постепенное продвижение к цели требует разработанного плана, приемлемого для различных условий в различных уголках земного шара; при этом необходимы опытные и проверенные руководители, посвятившие себя борьбе за общее благо, руководители, которые пользовались бы поддержкой народа и привлекали на свою сторону все большее число людей; мас-

сы, следующие за своими вожаками, тщательно обученные, способные выполнить любой приказ войска.

В такой программе создания дееспособного общества и управления им на первое место должна быть вынесена задача построения, сохранения и улучшения нового социального строя. Программа не должна рассматривать свободу как самоцель. В то же время она должна позаботиться о наличии свободы, связанной с задачами построения нового общества и управления им.

25. СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ВЕК СИЛЫ

Достижения науки и их применение в повседневной личной и общественной жизни во много раз увеличили возможности человека использовать природные и социальные ресурсы и управлять ими. Каждый шаг вперед по пути к управлению природными и социальными ресурсами влечет за собой все возрастающее чувство ответственности за последствия, связанные с нарушением привычного баланса, установившегося между природой, обществом и моралью.

Человек, который еще несколько лет назад путешествовал, проходя четыре мили в час, пробегал небольшие расстояния со скоростью 15—20 миль в час и скакал на лошади со скоростью 25—30 миль в час, теперь мчится в автомобиле, покрывая за час расстояние в 60—80 миль, в реактивном самолете за тот же час — более 500 миль, в космическом корабле — более 20 тысяч миль в час. Возросшая скорость влечет за собой и увеличение ответственности; заботу о безопасности, о возросшем потреблении энергии и сырья. И, что более важно, сокращение времени и расстояния сблизило людей, подведя их вплотную к проблеме решительного выбора между сосуществованием и конфликтом, возможным разрешением которого может быть война и массовое уничтожение.

Вызвав к жизни «небесный огонь» (силу расщепленного атома), человечество взяло на себя ответственность за использование освободившейся энергии. Че-

людей разбудил силы, которые не могут более оставаться инертными; они обладают радиоактивностью, а это значит, что они все время находятся в движении, а временами близки к взрыву.

Взросшая способность человека управлять обществом может двояко подействовать на общество: с одной стороны, она может возбудить эгоизм и властолюбие, с другой — увеличить сознательность и веру в человеческие возможности, увеличить сознательность общества и привести к большему сближению сознательной личности к жизни всего общества в целом и в конечном счете — во всем мире. Каждый из этих элементов — сознательность индивидуума, общества и всего мира — несет с собой возросшее чувство ответственности за жизненное благополучие индивидуума, общества и всего мира.

Чувство ответственности неотступно преследует человека, чем бы он ни занимался. Чем дальше и быстрее идет он по пути познания, тем больше трудностей встречает на своем пути, и в то же время перед ним открываются все новые перспективы и все более заманчивые возможности.

Перед человеком века силы открываются возможности больших достижений, великих открытий в науке, в подчинении природы и управлении ее ресурсами и в строительстве общества, в создании планового, обновленного, справедливого, разумного, гармоничного и прекрасного общества на всей земле; возможны большие открытия в исследовании и освоении космоса; возможны открытия и в психологии при дальнейшем изучении человеческой природы и созидательных возможностей человеческого гения.

Использует ли человек накопленный опыт и знания, сражаясь в рядах борцов и строителей, уклоняется ли от активного участия в жизни, занимаясь историей и восстанавливая наугад темное прошлое, или бросается очертя голову в оргию вооружения, которая окончится всеобщим уничтожением, — человека всегда волнует вопрос о сокращении и увеличении свободы. Люди, наделенные воображением, созидательной способностью и творческим складом ума, будут сочинять всевозмож-

ные предложения, проекты, выступать инициаторами различных движений за то, чтобы на базе достигнутых завоеваний еще более углубить научные познания, продолжать совершенствовать новую технику, заботиться о распространении культуры, об улучшении природных и социальных ресурсов, обеспечить порядок, мир и рост всеобщего благосостояния. Люди же, занимающие высокое, привилегированное положение, будут противиться социальным переменам и предоставлению толпе хлеба и зрелищ; при этом они будут бороться против новаторов, опираясь на традиции, обычаи, предрассудки и страх. Отсталые элементы, по традиции довольные тем, что у них есть, будут мечтать только об одном: чтобы их оставили в покое и дали им возможность наслаждаться тем материальным благополучием, которое принес им век силы. Незадачливые упрямые интеллигенты будут спорить, экспериментировать, обсуждать, проводить демонстрации.

Честолюбивые энергичные авантюристы, властолюбцы, жулики всех мастей и проходимцы будут рисковать, ставя на карту собственные жизни и жизни своих сограждан. И все эти факторы, слившись воедино, обернутся требованием свободы в какой-либо одной из бесчисленных форм ее проявления. Для самых опасных для общества элементов — властолюбцев и всевозможных грабителей — свобода будет означать выполнение своекорыстных замыслов в сочетании с отсутствием ответственности за последствия, к которым приведет их безответственный авантюризм.

Из всего вышесказанного ясно, насколько важно в любой дискуссии о свободе обращать внимание на достоинства и недостатки этого лозунга. Многозначные слова не просто неудобны в употреблении, они опасны. Две мировые войны — война 1914 и 1939 годов и десятки локальных войн, протекавших в тот же период, велись во имя свободы. В настоящее время культ свободы стал не только более многословным и крикливым, чем когда-либо еще на протяжении последнего полстолетия, но и более опасным для общего благосостояния.

Идеи свободы и свободы действия сами по себе хороши и полезны. Иногда они становятся вопросами

первостепенной важности. В настоящее время обстоятельства сложились так, что требование свободы вышло на первый план. Но подобное время и подобные обстоятельства не носят характера всеобщего закона, они не обязательны для каждого высокоразвитого общества. Свобода в применении как к отдельной личности, так и к социальной группе (в том числе нации) не всегда полезна. Прежде чем проводить в жизнь какой-либо проект или программу с требованиями свободы, необходимо выяснить следующие вопросы: свобода для группы людей или одного индивидуума? Свобода чего? Когда? Где? Какими средствами? В каких целях? Иными словами, «свобода» должна быть соотнесена с какими-либо конкретными обстоятельствами и вне их рассматриваться не может.

Человек века силы должен выработать определенное мнение по вопросам об относительности свободы, возможности продвижения по социальной лестнице и ответственности за совершаемые поступки точно так же, как ребенок, вырастая, должен познать себя, оценить свои возможности, осознать свое отношение к окружающему. Во младенчестве, когда возможности действия были строго ограничены, ответственность была фактически равна нулю. С ростом ребенка свобода действия (то есть свобода передвижения) стала одним из самых драгоценных достояний его, в то время как чувство ответственности несколько не возросло. С наступлением зрелости возрастает ответственность за свои поступки, свобода действия же отнюдь не возрастает. «Стоит ли менять вольное детство на жизнь, похожую на тюрьму, где у каждого должны быть свои обязанности?» — спрашивает озадаченный индивидуум. «Лучше уж оставаться ребенком, чем взвалить на себя такие обязанности». Отсталые индивидуумы так и поступают — они продолжают наслаждаться радостями относительной свободы детства, надеясь избежать тягот и ответственности жизни взрослых.

Точно так же человечество сейчас переходит от стадии меньшей ответственности к стадии большей ответственности. Если люди не желают уподобиться умственно отсталым детям и хотят наслаждаться всеми преи-

муществами, которые предоставляют им условия жизни взрослого человека, они должны взять на себя бремя обязанностей взрослых людей в век силы, в число которых входят дисциплина, ограничение и контроль.

Возможно, не лишне будет еще раз напомнить о взаимосвязи свободы, обязанности и ответственности. В связи с этим свобода может быть определена как право индивидуума выбирать, решать и действовать по своему усмотрению, что является прерогативой индивидуума в его отношениях с коллективом, к которому он принадлежит. Обязанности есть обязательства, которые коллектив налагает на своих членов и которые в свою очередь обязуются выполнять под руководством коллектива. Ответственность есть обязательство, которое берет на себя каждый член коллектива, считая это своим долгом перед обществом и таким образом внося вклад в дело общественного благосостояния. Свободы — это преимущества, которыми может пользоваться индивидуум, иногда за счет общества. Обязанности есть следствия нужд и потребностей общества, они распределяются на всех членов общества, с тем чтобы обеспечить рост общественного благосостояния. Ответственность — это те обязательства, которые берут на себя отдельные члены общества, а также коллективы как свой вклад в дело общественного благосостояния.

Всевозможные отклонения от свободы, различия, контрасты, конкурентная борьба и столкновения являются неизбежными дополнениями и следствиями свободы. Эти факторы могут иметь максимальное или минимальное значение, но они неизбежны, и их нельзя игнорировать. Где бы ни собрались два или три человека, рано или поздно им приходится считаться с антитезой «свобода — принуждение». Начинается старая история — борьба между требовательным «я» и еще более требовательным «мы», конкуренция против кооперации, иногда конкуренция в частичном сочетании с кооперацией, а возможно, и с насилием и принуждением.

Столкнувшись с неизбежными трудностями, альтернативами и дилеммами, человек, встав на разумную точку зрения, должен будет: 1) перестать идеализиро-

вать свободу, боготворить ее и поклоняться ей; 2) считать свободу одной из многих насущных потребностей человека; 3) расценивать необходимость свободы в зависимости от изменения обстоятельств; 4) поддерживать трудный и всегда неустойчивый баланс между свободой, с одной стороны, и принуждением (обязанности, ответственность, подчинение, насилие) — с другой.

Начиная с локальных социальных групп и кончая обществом в мировом масштабе, выживание, сохранение порядка, мира и справедливости возможны только на базе равновесия между личными потребностями и интересами общества, равновесия между частью и целым, между локальным суверенитетом и ответственностью всего человечества.

Человек стремится расширить сферу возможности выбирать, решать и действовать по своему усмотрению; при этом он использует свои собственные силы и привилегии, предоставляемые ему обществом: общественные (политические) гарантии, договоры, согласования. Поколениями человек борется с природой, обществом, с самим собой за то, чтобы удержать завоевания, которых добились его предшественники, и в то же время еще больше расширить сферу своих возможностей. В одно время побеждают защитники свободы. В другое время новое соотношение социальных сил меняет положение, и на смену завоеванным свободам приходит тирания; иногда же гражданские свободы аннулируются политическими переворотами, войнами, революциями. Таким образом, в различные времена соотношение социальных сил склоняется то в пользу свободы, то в сторону принуждения.

В странах, в которых наблюдается скопление капитала, власти и населения (а таких стран сейчас много), все большее число индивидуумов кричит на каждом перекрестке: «Да здравствует свобода!» На Западе много разглагольствуют о свободе, но в то же время все помыслы защитников свободы направлены на то, чтобы добиться еще большего накопления капитала в руках немногих и позаботиться о безопасности, стабильности и улучшении благосостояния всего общества

в целом. Актуальной необходимостью для человечества является не увеличение свобод, а борьба под руководством преданного общественным интересам меньшинства за выполнение задач, которые требуют знаний, мастерства, опыта и дисциплинированности всех членов коллектива.

Свобода сама по себе недостаточна. Век силы испытывает острую нужду не столько в свободных мужчинах и женщинах, сколько в дисциплинированных, преданных интересам общества гражданах, обладающих высокоразвитым чувством ответственности. Интересы будущего, более того, интересы самого выживания, требуют не свободных наций, но наций и народов, которые хотят и могут подчинить защиту интересов отечества интересам мира, справедливости и общего благосостояния. Поэтому самый разумный и самый лучший выход из социального кризиса — создание всемирной организации, основным принципом которой было бы равномерное распределение всех благ и обеспечение равных возможностей для всех на основании закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ N. Y., Columbia University Press, 1947, p. 3.
- ² In *Freedom in the Modern World*, H. M. Kallen, Ed., N. Y., Coward McCann, 1928, p. 25.
- ³ In *Encyclopedia of the Social Sciences under «Liberty»*.
- ⁴ *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. 272.
- ⁵ *Freedom and History*, N. Y., Noonday Press, 1952, p. 87.
- ⁶ *Liberty and Restaint*, N. Y., Knopf, 1926, p. IX.
- ⁷ In *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. 95.
- ⁸ Garden City, N. Y., Doubleday, 1958.
- ⁹ Op. cit., pp. 11—13.
- ¹⁰ *Freedom in the Modern World*, op. cit., pp. 2—3.
- ¹¹ Ruth N. Anshen, *Freedom, Its Meaning*, N. Y., Harcourt Brace, 1940, p. 6.
- ¹² Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1943.
- ¹³ N. Y., Monthly Review Press, 1957.
- ¹⁴ N. Y., Putnam, 1939, p. 8.
- ¹⁵ John F. Acton, *The History of Freedom*, Boston, Beacon Press, 1948, p. 30.
- ¹⁶ *Liberty in the Modern State*, London, Faber & Faber, 1930.
- ¹⁷ *Issues of Freedom*, N. Y., Harpers, 1959.
- ¹⁸ N. Y., Harper, 1960.
- ¹⁹ N. Y., Columbia University Press, 1941, p. 37.
- ²⁰ *Man's Search for the Good Life*, Harborside, Maine, Social Science Institute, 1954, Chapter Two.
- ²¹ In Monroe Berger, *Freedom and Control in Modern Society*, N. Y., Van Nostrand, 1954, pp. 5—6.
- ²² *The Liberal Tradition in America*, N. Y., Harcourt, 1955, p. 57.
- ²³ Op. cit., p. 35.
- ²⁴ *The Liberal Mind*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1948, p. 23.
- ²⁵ *Freedom*, N. Y., Stokes, 1918, p. I.
- ²⁶ *Lectures on the Philosophy of History*, London, 1861, p. 476.
- ²⁷ Ibid., p. 18.
- ²⁸ W. H. Hamilton, *Freedom and Economic Necessity*,

цит. по книге H. M. Kallen, *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. 49.

²⁹ R. Baizel, *Souveranitat und Freiheit*, Köln, Baldwin Rex Verlag, 1950, p. 81.

³⁰ *Liberty in the Modern State*, op. cit., p. 256.

³¹ *The Wealth of Nations*, published in 1776.

³² N. Y., Farrar & Rinehart, 1941.

³³ U. S. Congressional Record, Feb. 18, 1955.

³⁴ See *U.S.A. Today*, By Helen and Scott Nearing, Harborside, Maine, Social Science Institute, 1955.

³⁵ Op. cit.

³⁶ Richard McKeon, *Freedom and History*, op. cit., p. 44, quoted from Hegel, *Lectures on the Philosophy of History*, London, 1861, Part IV, Sect. 3, Ch. III, p. 476.

³⁷ Silas Bent, *Freedom of Speech*, цит. по книге H. M. Kallen, *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. 144.

³⁸ *Philosophies of Freedom*, цит. по книге H. M. Kallen, *Freedom in the Modern World*, op. cit., pp. 266—267 & 270.

³⁹ *Liberty in the Modern State*, op. cit., pp. 73—75.

⁴⁰ *The Liberal Mind*, op. cit., 2.27.

⁴¹ A. N. Whitehead, *Aspects of Freedom*, цит. по книге Ruth N. Anshe n, Ed., *Freedom, Its Meaning*, op. cit., p. 62.

⁴² *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. 275.

⁴³ On «Liberty», in *Encyclopedia of the Social Sciences*, p. 45.

⁴⁴ *Bound with Social Statics*, N. Y., Appleton, 1896.

⁴⁵ *Liberty in the Modern State*, op. cit., p. 29.

⁴⁶ N. Y., Knopf, 1945, p. 3.

⁴⁷ *Freedom in the Modern World*, op. cit., p. II.

⁴⁸ *Freedom, Loyalty, Dissent*, N. Y., Oxford University Press, 1954, pp. VII—VIII.

⁴⁹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, op. cit., p. 255—256.

⁵⁰ P. Morris, «Accessory After the Fact», цит. по книге MacKenzie, Norman, Ed. *Conviction*, N. Y., Monthly Review Press, 1959, p. 179.

⁵¹ *On Being Human*, N. Y., Shuman, 1950, p. 73.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Предисловие	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Свобода как идея

1. Что такое свобода?	9
2. Свобода подразумевает обособленность	13
3. Свобода как взаимоотношения	19
4. Свобода как причина	25
5. Свобода как следствие	29
6. Свобода как цель и средства	34

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Свобода в действии

7. Многочисленные требования свободы	38
8. Свобода и необходимость	47
9. Свобода и конформизм	53
10. Надежды на свободу	58
11. Угроза свободы	65
12. Свобода в «свободном мире».	73
13. Свобода под экспериментом	83
14. Свобода в действии рождает свои противоположности	90

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Уравнение: свобода и ограничение

15. Свобода, ограничение и социальная устойчивость	100
16. Свобода и ограничение в современных условиях	106
17. Современный человек: свобода и ограничение в его жизни	112

18. Свобода и ограничение в наши дни	118
19. Относительность свободы	128

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Роль свободы и принуждения в век силы

20. Потребности и возможности века силы	137
21. Свобода и принуждение в обществе века силы . . .	147
22. Свобода и принуждение в сфере корпоративного предпринимательства	155
23. Свобода, принуждение и социальная трансформация	165
24. Свобода, принуждение и строительство социалисти- ческого общества	171
25. Свобода и ответственность в век силы	180
Примечания	187

Скотт Ниринг

СВОБОДА:

ОБЕЩАНИЕ И УГРОЗА

Редактор *И. Карпунин*

Художественный редактор *Л. Шканов*

Технический редактор *М. Сафронович*

Сдано в производство 20/XI 1965 г. Подписано к печати 17/III 1966 г.

Формат 84×108^{1/32}. Объем 3 бум. л. 10,08 печ. л. 9,29 уч.-изд. л.

Изд. № 9/1858. Заказ № 548. Цена 59 коп.

Тем. план 1966 г. Пор. № 12

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.

Москва, 1-й Рижский пер., 2

1966 г.
л.

Цена 59 коп.